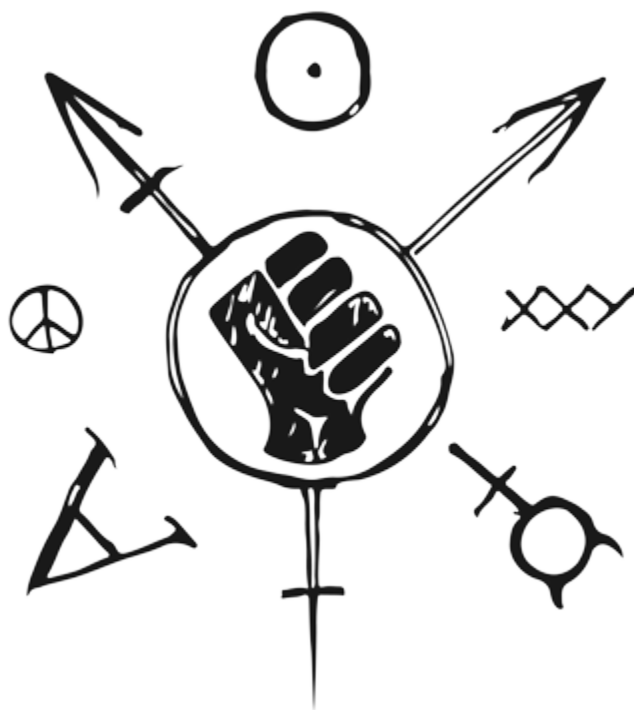
The book cover features a background split diagonally from the top-left to the bottom-right. The upper-left portion is a vibrant blue, while the lower-right portion is a rich magenta. The background has a textured, slightly grainy appearance. Several black line-art symbols are scattered across the cover: a circle with a central dot in the top-left; a hand with fingers spread in the middle-left; a stylized female symbol (a circle with a vertical line and a horizontal crossbar) in the bottom-left; and a stylized male symbol (a circle with a vertical line and a diagonal crossbar) in the bottom-right. A large, white, arrow-shaped callout box points from the left towards the center, containing the title. The author's name is printed in white above the box.

Яна Кирей-Ситникова

**Трансгендерность
и трансфеминизм**

Яна Кирей-Ситникова

Трансгендерность и трансфеминизм

Саламандра • 2015

Яна Кирей–Ситникова, Трансгендерность и трансфеминизм – М.: Саламандра, 2015.

ISBN 978–5–9906694–0–6

“Трансгендерность и трансфеминизм” – первая книга на русском языке, рассматривающая трансгендерность с точки зрения феминистской теории, а также одна из первых, посвящённых трансгендерности целиком. Книгу отличает непатологизирующий и небинарный подход. Обозревая как ранее выдвинутые в англоязычной литературе концепции, так и текущую постсоветскую повестку движения (в особенности его трансфеминистского направления), Яна Кирей–Ситникова анализирует такие темы, как: непатологизирующая небинарная терминология, проблемы циснормативности и трансфобии, взаимоотношения между транс* и феминистским движениями, интерсекциональность и концепция привилегий, домашнее насилие над трансгендерными людьми, принятие своего тела, теории формирования гендерной идентичности и модели депатологизации гендерной вариативности.

Текст © Яна Кирей–Ситникова, 2015

Издание © Издательство “Саламандра”, 2015

Ответственный редактор – Адда Альд, редактор – Антон Зарицкий, корректура и оформление – Адда Альд, иллюстрации – Екатерина Мэл. За помощь с дизайном обложки – спасибо, Стасис Чепулис.

Настоящее издание, согласно федеральному закону №436–ФЗ (“О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”), содержит информацию, не предназначенную для детей.

Электронная книга распространяется бесплатно, по лицензии Creative Commons BY–NC–SA 3.0.

Содержание

Введение	8
Глава 1. Терминология	11
1. Терминология в исторической перспективе.....	13
2. Компоненты пола/гендера.....	17
2.1. Биологические признаки.....	17
2.2. Гендер.....	21
2.3. Гендерно–половой континуум.....	23
2.4. Гендерная идентичность.....	25
2.5. Гендерно–половое пространство.....	27
3. «Женщины» и «мужчины».....	27
4. Трансгендерность.....	29
5. Другие термины.....	31
5.1. МТФ, ФТМ, «трансженщины» и другие.....	31
5.2. Пре–, пост–, нон–оп.....	32
5.3. Изменение vs. коррекция пола.....	32
5.4. Неявная циснормативность.....	33
6. Сексуальная ориентация.....	33
7. Две истины гендера.....	36
Глава 2. Трансфобия	39
1. Терминология.....	40
2. Угнетение по признаку трансгендерности.....	42
3. Микроагрессия.....	44
4. Ожидание отвержения.....	45
5. Причины трансфобии.....	46
6. Трансфобия и гомофобия.....	49
7. Интернализированная трансфобия.....	50
8. Иерархии среди трансгендерных людей.....	52
9. Стереотипная трансфобия.....	56
Глава 3. Трансфеминизм	58
1. Истоки трансфобии в феминизме.....	60
2. Возникновение и развитие трансфеминизма.....	64
3. Взгляды на природу трансгендерности и право распоряжаться своим телом.....	65
4. Биологические аргументы.....	68
5. Универсальный женский опыт.....	70
6. Мужские привилегии.....	73
7. Гиперфеминность и гендерные стереотипы.....	74
8. Трансфеминизм и радикальный феминизм.....	78

9. Трансгендерные люди и антифеминизм.....	79
10. Русскоязычный трансфеминизм.....	81
Глава 4. Привилегии.....	82
1. Концепция привилегий.....	83
2. Критика концепции привилегий.....	85
3. Цисгендерные привилегии.....	87
3.1. Особенности цисгендерных привилегий.....	88
3.2. Список цисгендерных привилегий.....	90
4. Как быть транс* союзницей?.....	94
4.1. Транс* активизм.....	95
4.2. Инклюзивность не транс* специфичных пространств.....	96
4.3. Личный уровень.....	97
Глава 5. Интерсекциональность.....	99
1. Концепция интерсекциональности.....	100
2. Критика интерсекциональности.....	101
3. Пересечения угнетений.....	103
3.1. Транс* мизогиния.....	103
3.2. Пересечение трансфобии и классицизма.....	105
3.3. Пересечение трансфобии и угнетения секс-работни_ц.....	106
4. Существует ли транс* сообщество?.....	109
5. Сепаратизм.....	111
6. Укрепление одних иерархий в борьбе с другими.....	113
Глава 6. Домашнее насилие.....	116
1. Особенности домашнего насилия в отношении трансгендерных людей.....	118
2. Институциональные факторы, влияющие на незащищённость трансгендерных людей.....	122
3. Экономическая зависимость от партнёра.....	124
4. Проблемы с жильём.....	125
5. Отсутствие поддержки родственни_ц/подруг.....	125
6. Незащищённость родительских прав.....	127
7. Внутренние трансфобия и мизогиния.....	127
8. Трудность в поиске новой партнёрки.....	128
9. Страх аутинга.....	129
10. Страх перед «правоохранительными» органами.....	129
11. Недружелюбность кризисных центров и шелтеров для женщин.....	130

12. Как сделать шелтеры транс* инклюзивными....	132
Глава 7. Тело и внешность	136
1. Миф о «чужом теле».....	137
2. Принятие своего тела.....	141
3. (Бес)платность хирургических операций и гормонотерапии.....	146
4. Пасс.....	149
Глава 8. Депатологизация	154
1. Трансгендерные диагнозы.....	155
2. Норма и отклонение.....	159
3. Юридические аспекты диагноза.....	162
4. Процедура получения диагноза в России.....	163
5. Аргументы за депатологизацию.....	165
6. Аргументы против депатологизации.....	169
7. Модели депатологизации.....	170
Глава 9. Теории трансгендерности	174
1. Биологические теории.....	175
1.1. Нейробиологические корреляции.....	176
1.2. Фантомный пенис.....	179
1.3. Гормональный сбой.....	180
2. Социальные теории.....	181
2.1. Фрейдизм.....	181
2.2. Теория Джона Мани.....	182
2.3. Теория аутогинефилии.....	185
3. (Транс)феминистская эпистемология.....	186
4. Свободный выбор.....	189
5. Политическое значение теорий формирования гендерной идентичности.....	190
6. Моя теория.....	191
Заключение	195
Библиография	197

Предисловие

Теоретический активизм занимает не самую престижную позицию в трансгендерном движении, в отличие от других направлений, таких как адвокация, стратегическое судопроизводство... и даже уличные акции. Действительно, теоретизирование само по себе не вызывает принятие лучших законов, не уничтожает насилие и дискриминацию. Тем не менее, аргументы, которые мы используем в спорах с оппонент(к)ами, или лозунги, которые мы пишем на своих плакатах, так или иначе проистекают из каких-то теоретических конструкций, и в случае отсутствия разработанной критической теории неосознанно берутся из неотрефлексированных мифов и стереотипов, которые «витают в воздухе». Так как мы живём в циснормативном обществе, в котором цисгендерность считается нормой, а трансгендерность — отклонением от неё, без теоретического осмысления этих мифов наши аргументы рискуют унаследовать их циснормативность и трансфобность. Построение долгосрочных активистских стратегий на такой основе мне представляется неразумным. Тем не менее, эта книга не является результатом абстрактного теоретизирования ради теоретизирования. Придя в теорию из публичной политики, я стараюсь поддерживать связь с ней и писать о темах, которые мне представляются важными с политической точки зрения. Разумеется, важность каждой темы оценивается по-разному разными людьми, и выбор тем определяется моим личным опытом дискуссий с оппонент(к)ами.

Вторая цель моей теории — в изменении общественного мнения и искоренении из него циснормативных предрассудков. Это представляется мне более значимой задачей в долгосрочной перспективе, нежели принятие каких угодно законов: относя свои политические взгляды к анархистским, я в принципе не поддерживаю сам по себе активизм, направленный на введение и изменение законов, разве что изменение законодательства может стать мощным катализатором для мобилизации и широкого обсуждения транс* вопросов.

В-третьих, критическая теория может быть использована в личных целях, для роста самосознания трансгендерных людей. В противоположность распространённым убеждениям, что трансгендерные люди сами виноваты в своём положении, эта теория анализирует системные факторы, ведущие к угнетению. «Я неправильная» или «я заслужила это, раз я такая» — слова, которые я слишком часто слышала от трансгендерных людей. Я хочу, чтобы те, кто прочтёт и поймёт эту книгу, больше никогда так не говорили. Потому что правда состоит не в том, что вы неправильны, а в том, что неправильна и несправедлива система, и вы страдаете не из-за того, что заслужили это, а по воле привилегированных групп с их циснормативными мозгами. Если вы увидели эту систему, то уже не сможете «развидеть» её и жить по-прежнему. И эта цель, пожалуй, важнее, чем две предыдущие, потому что безнаказанное угнетение возможно до тех пор, пока угнетаемые не ведают о нём и поддерживают своих угнетателей.

Вместе с тем я категорически против механистической замены одной системы стереотипов на другую. Не будет никакой пользы от того, что какие-то люди будут использовать термины из этой книжки, чтобы отдать дань моде на политкорректность, без понимания концепций, лежащих в основе. Мне бы хотелось, чтобы читающие развивали критическое мышление и использовали предложенные теоретические инструменты для анализа собственных взглядов, своих собственных ситуаций, и приходили к своим выводам, в том числе и отличным от тех, к которым пришла я.

Глядя сейчас на написанную книгу и читая отзывы на статьи, легшие в её основу, я осознаю, что она не обладает ясностью и доступностью изложения для тех, кто не имеет предварительных знаний о трансгендерности и феминистской теории. Соглашаясь с тем, что эту особенность следует отнести к категории недостатков, я хочу отметить, что обвинения в непонятности часто исходят от людей, и не особенно-то пытающихся в чём-то разобраться, и принимают формы требования обслуживать их и объяснять вещи, которые они легко могли бы найти и сами. Другим недостатком является западоцентризм, который выражается в повсеместных ссылках на феминизм США. Я

объясню, почему так получилось. Статьи, послужившие книге основой, я писала, чтобы разобраться самой и не обладая исходными знаниями по теме. Когда я начала разбираться, то столкнулась с тем, что в русскоязычном пространстве мы отстали где-то на 20 лет (именно столько прошло с момента публикации «(пост)транссексуального манифеста» Сэнди Стоун) от англоязычных трансфеминисток. Много, до чего я доходила в своих размышлениях, оказалось уже обсуждённым в десятках англоязычных статей. Чтобы восполнить этот пробел, наряду со своими собственными мыслями я старалась по всем темам дать компиляцию того, что уже было написано до меня. Понимая, что в первой русскоязычной книге по трансфеминизму без большого литературного обзора не обойтись, я вместе с тем признаю, что не проделала достаточной работы по осмыслению того, какие концепции насколько применимы к постсоветскому пространству.

Мне бы хотелось выразить благодарность всем тем людям, благодаря активизму которых в нашем регионе возникла та интеллектуальная среда, в которой стало возможным обсуждение поднятых в книге вопросов. Моя особенная благодарность Анно Комарову и Анне Кирей, оказавшим сильное воздействие на ход моих мыслей. Не могу обойти стороной и не поблагодарить своих оппоненток из числа трансфобных феминисток и антифеминистки и антиактивистски настроенных трансгендерных людей — их деятельность стимулировала меня в моменты, когда мне хотелось всё бросить и ничего не писать.

Электронная книга распространяется бесплатно, по лицензии Creative Commons BY-NC-SA.

Яна Кирей-Ситникова

I

Терминология

историческая терминология

– трансгендерность –

цисгендерность – пол

– гендер – гендерная

идентичность – гендерно-

половое пространство

– другие термины –

сексуальная ориентация –

две истины гендера

Терминология с её дополнительными смыслами играет главнейшую роль в идеологической борьбе. Невозможно развивать новую теорию и требовать изменений, пользуясь устаревшими терминами, принадлежащими нашим оппонент(к)ам. Особенно это актуально для транс* активизма, в котором возможность называться словами с правильными окончаниями, правильными именами и местоимениями составляет задачу первостепенной важности. В этой главе будет дан обзор медицинской терминологии трансгендерности, рассмотрена её критика и даны советы по использованию менее патологизирующих и циснормативных определений.

Об особенностях используемого мной русского языка: здесь и далее во всей книге существительные будут употребляться в форме феминитивов, то есть в форме женского рода. Это необходимо для разрушения заложенного в языке патриархатного мышления, который, судя по русской языковой норме, считает всех людей по умолчанию мужчинами. Например, будет писаться «активистка» вместо «активист». Использование феминитивов приветствуется в обобщённом случае, когда речь не идёт о конкретных людях с конкретными идентичностями. Когда есть указание на конкретных людей, следует употреблять форму, соответствующую их гендерной идентичности: например, «трансгендерный мужчина». Гендер и гендерные идентичности не ограничиваются бинарными опциями, поэтому во многих случаях перед гендерированным окончанием будет ставиться нижнее подчёркивание, символизирующее гендерный разрыв, то есть промежуток между женской и мужской идентичностями, которые не описываются существующими средствами русского языка (включая средний род), например в родительном падеже «активисто_к». Недостатком такого подхода является то, что гендерный разрыв трудно передать в устной речи, но для письменных текстов он мне кажется удовлетворительным. Отмечу, что феминитив/маскулитив и подчёркивание являются

разными языковыми средствами и могут применяться раздельно, так, в некоторых местах этой книги встречается форма «активисто_в».

Цель моих экспериментов с русским языком не в создании новой нормы, а в демонстрации ограничений языка. Я употребляю разные формы без особой последовательности, показывая, что можно и так, и сяк.

1. Терминология в исторической перспективе

Современная терминология трансгендерности развивалась одновременно с её изучением, в рамках евроцентричного медицинского дискурса. Первый термин из этой серии, «трансвестизм» (лат. *trans* — сквозь, через, с другой стороны; лат. *vestitus* — одежда), был введён Магнусом Хиршфельдом в 1910 году (Hirschfeld, 1910) для описания людей всего трансгендерного спектра. В 1913 году Хэвлок Эллис, знакомый с работами Хиршфельда, предложил термин «сексо-эстетическая инверсия», а позже изменил его на «эонизм», по имени французского дипломата шевалье д'Эона (1728—1810), прожившего первую часть жизни в мужской гендерной роли, а другую — в женской. Терминология Х. Эллиса не прижилась, тогда как термин «трансвестизм» продолжает применяться по сей день в более узком смысле, как правило для обозначения людей с мужской гендерной идентичностью, носящих одежду, характерную для женской гендерной репрезентации, однако многие предпочитают использовать англоязычный термин «кросс-дрессинг» как менее медикализированный¹.

В 1923 году М. Хиршфельд предложил новый термин «транссексуализм», который, в отличие от трансвестизма, делал акцент на психологической составляющей ощущения принадлежности к другому гендеру (Hirschfeld, 1923). Этот термин употреблялся Дэвидом Коулдвеллом в 1949 году (Cauldwell, 1949). Однако в широкое употребление слово вошло в связи с работами Гарри Бенджамина, который в 1966 году написал влиятельную книгу «Феномен транссексуальности» (Benjamin, 1966). В ней он разработал *шкалу половой ориентации* (шкала

1 Подробнее о медикализации см. в главе 8.

Бенджамин), иерархично разделившую трансгендерных людей транс* феминного спектра на шесть категорий: 1) псевдо-, 2) фетишистские и 3) истинные трансвеститы; 4) транссексуалки, не нуждающиеся в операции, и два типа истинных, или *ядерных* транссексуалок: с 5) средней и 6) тяжёлой степенью неприятия своего тела².

В 1955 году Джон Мани ввёл понятия «гендера» и «гендерной роли», отделив поведенческие и психологические характеристики людей определённого биологического пола от собственно биологического пола (Money, 1955). Ранее словом «гендер» обозначался лишь грамматический род³. Понятие «гендерной идентичности» как ощущения принадлежности к определённому гендеру появилось в 1966 году (Money, 1994). Джон Мани так описывает различие этих терминов: «Гендерная идентичность является личным ощущением гендерной роли, и гендерная роль является публичным выражением гендерной идентичности» (Money, 1972)⁴. Считается, что термин «гендерная дисфория», под которой

- 2 Эта терминология сыграла негативную роль в выстраивании иерархий в транс* сообществе, которые мы наблюдаем по сей день (см. главу 2, п. 8). Хотя термины Бенджамин давно не используются даже в медицинской литературе, слово «ядерные» продолжает активно применяться русскоязычными трансгендерными людьми для самоописания, причём в силу указанной иерархии термин «ядерные» приобретает значение «высшей категории».
- 3 Любопытно в связи с этим отметить англоцентричность термина «гендер». В ряде языков грамматический род вообще не связан с полом, например, в шумерском или баскском языках, род определяется одушевлённостью / неодушевлённостью. Во многих языках, в том числе славянских, есть средний род. В то же время «гендерных» ролей, согласно евроцентричным представлениям Мани, было лишь две: женская и мужская. Таким образом, «гендер» — это англоцентричная терминология, использованная для описания евроцентричного явления.
- 4 Здесь Мани исходит из циснормативной схемы (о циснормативности см. четырьмя параграфами ниже), предполагающей, что гендерная роль всех людей *соответствует* их гендерной идентичности или по крайней мере они стремятся её привести в такое *соответствие*. Также он забывает о существовании небинарных гендерных идентичностей, тогда как в евроцентричном обществе гендерных ролей только две.

подразумевается неприятие приписанного при рождении гендера и/или тела, ввёл Н. Фиск (Fisk, 1973).

Указанные термины до сих пор используются в медицинской литературе, при этом в разных системах классификации используется различная терминология для описания одних и тех же явлений. В последней, 10-й, версии Международной классификации болезней (МКБ) включены диагнозы «транссексуализм» и «расстройство гендерной идентичности», тогда как в 5-й версии Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM) гендерная вариативность патологизирована под именем «гендерная дисфория»⁵.

Рождённые в умах психиатров и сексологов, все эти термины развивают медицинский, патологизирующий дискурс. В рамках этого дискурса гендерная вариативность рассматривается исключительно в медицинском смысле: как патологическое явление, которое необходимо исследовать, лечить и по возможности предотвращать. Стоя на позициях депатологизации, я не употребляю терминологию, несущую дополнительные медицинские смыслы. Я буду использовать термин «трансгендерность», который включает в себя перечисленные выше понятия, но не ограничивается ими. Введение и популяризацию этого слова обычно приписывают Вирджинии Принс, которая употребила его в 1969 году для описания таких людей, как она сама, — которые играют гендерную роль, характерную для людей другого биологического пола, но не делают операцию, — хотя ранее он был использован Джоном Оливенем в 1965 году (Oliven, 1965). Потребность в новом термине была вызвана пониманием разграничения между (биологическим)⁶ полом и гендером, в то время как под транссексуализмом понималось изменение пола. Принс пишет: «Я, по крайней мере, знаю разницу между полом и гендером и просто выбрала изменение последнего, но не первого. Если нужно какое-то слово, меня следует называть “трансгендерал”»

5 О патологизации гендерной вариативности см. главу 8.

6 Здесь и далее, если «пол» употребляется без определений, имеется в виду «биологический пол» (как противопоставленный «гендеру»).

(Ekins, 2005). По мнению Принс, биологический пол невозможно изменить, а решение проблем гендера через изменение тела является ошибочным. По этой причине она исключала транссексуальность из понятия трансгендерности и противопоставляла эти два термина (Rawson, 2014). Однако уже в середине 70-х трансгендерность стала использоваться как зонтичный термин, что сегодня является наиболее распространённым словоупотреблением.

Существует много определений трансгендерности, но большинство из них говорит о *несоответствии*, которое у трансгендерных людей наблюдается между биологическим полом и гендерной идентичностью. Такое определение предполагает, что существуют гендерные роли и идентичности, которые *соответствуют* биологическому полу, тогда как *несоответствие* является отклонением, которое нужно «корректировать». Часть этой главы будет посвящена критике такого подхода к определению трансгендерности и выработке нового определения.

Цисгендерность (лат. *cis* — с этой стороны) является понятием, противоположным трансгендерности. Его введение служит для денормализации «не-трансгендерности», которая, будучи явлением «по умолчанию», ранее не имела специального обозначения. Как пишет транс* активистка Эми Койама, «[использование этого термина] децентрализует доминирующую группу, разоблачая её как всего лишь одну из возможных альтернатив, а не “норму”, через противопоставление которой определяются трансгендерные люди» (Койама, 2002). Первое употребление этого слова приписывают трансгендерному мужчине Карлу Буйджсу в 1995 году. Судя по тому, что многие цисгендерные люди встречают применение к себе этого слова с негодованием, оно попадает в цель. Для таких людей напомню, что цисгендерность не является ругательством и называние вас цисгендерной(-ым) женщиной (мужчиной) не делает вас менее женщиной или мужчиной, а является лишь указанием на то, что цисгендерные люди не являются людьми «по умолчанию». Обижаться на применение прилагательного цисгендерн_ая — это то же самое, если гетеросексуальные люди будут обижаться на указание их гетеросексуальности, а белые — их цвета кожи.

Циснормативностью называют убеждённость в том, что цисгендерность является нормой, а трансгендерность — отклонением от неё. В то время как цисгендерность не является ни отрицательным, ни положительным явлением, циснормативность, как и любую нормативность, следует искоренять. Наличие циснормативных убеждений никак не связано с принадлежностью к цисгендер_кам и широко встречается у трансгендерных людей с вытекающей из наличия таких убеждений внутренней трансфобией.

2. Компоненты пола/гендера

Существует множество признаков, которые обозначают как «половые». На каком основании одни признаки названы «половыми» в отличие от всех остальных? Разделение на «половые» и «неполовые» биологические признаки возможно только в бинарном дискурсе в контексте полового размножения. Здесь будут рассмотрены некоторые биологические и социальные признаки, которые определяются как «женские» и «мужские».

2.1. Биологические признаки

Выделение «половых» органов у живых организмов в целом основано на их функциональности в контексте «полового» размножения. Организмы с органами, имеющими ту или иную функциональность в процессе размножения, называют организмами разного пола («женского» и «мужского»). Биологические признаки, характерные для организмов с определёнными «половыми» органами, называют «половыми» признаками (вторичными), даже если они не имеют прямого отношения к размножению. Наконец, у многих животных, включая людей, к наличию органов, выполняющих ту или иную функцию при размножении, привязываются социальный статус и роль. К этой очевидной для обывателей конструкции есть следующие вопросы. Почему на основе функции, выполняемой определёнными органами в процессе размножения, производится разделение признаков, никакого отношения к размножению не имеющих? Почему возможность выполнять за счёт наличия определённых органов функцию при размножении превращается

в наименование людей, способных эту функцию выполнять? Для аналогии, профессиональные функции людей часто превращаются в наименование самих этих людей: например, некто, занимающаяся продажей чего-либо, называется продавщицей, хотя её работа — это не единственное, чем она занимается в жизни. Так же и функция вынашивания ребёнка в циснормативном обществе превращается в «женщину». Наконец, можно ли относить людей, по физиологическим причинам или по собственному желанию не участвующим в размножении, к какому-то «полу»?

В основе наименования органов, не имеющих отношения к размножению, половыми — статистический критерий. Если встречаемость некоторого признака коррелирует с наличием тех или иных первичных «половых» органов, то и эти признаки называют «половыми». Таким же образом происходит отнесение тех или иных социальных функций и поведений к «женской» или «мужской» гендерной роли. Некоторые из этих корреляций определяются биологическими механизмами, некоторые — социальными. Эти корреляции, также по биологическим и социальным причинам, не абсолютны. Проблема возникает тогда, когда обыватели воспринимают эти корреляции как взаимоднозначное соответствие. Их подход понятен: они пытаются построить в своей голове максимально простые модели мира, которые наилучшим способом его бы описывали. Если они всю жизнь видят людей, для которых определённым «половым» признакам отвечают определённые модели поведения, социальные функции, стиль одежды и так далее, то неудивительно, что они нарисуют в своей голове схему, в которой не будет места другим комбинациям этих признаков. Эту модель, предполагающую единственно верное сочетание «половых» признаков, мы будем называть *циснормативной*.

Для деконструкции циснормативной модели необходимо наличие информации о возможности иных сочетаний признаков, которые называют «половыми». Более того, если эти признаки не будут ассоциироваться с людьми какого-то конкретного «пола», вскоре они перестанут восприниматься как «половые». Когда начинаешь последовательно деконструировать представления,

которые большинство людей сомнению не подвергает, есть опасность остаться без точки опоры, на основе которой можно было бы вести дальнейшие объяснения. Поэтому, хотя в продвигаемой мной системе «пола» не существует, я, чтобы соединить её с существующими представлениями, вынуждена употреблять известные термины, и далее буду писать «пол» и «половые» в кавычках; однако стоит помнить, что эти слова здесь – лишь временная подпорка, используемая для объяснения.

Ниже будут рассмотрены несколько уровней, на которых признаки считаются «половыми», на основании чего выделяют несколько так называемых «полов», или *компонент «пола»*. Разные автор_ки выделяют их по-разному. Я не буду вдаваться в вопрос о том, какое разделение более правильное. Сам факт, что их можно выделить по-разному, показывает умозрительность этой конструкции. В моём представлении, такое разделение – лишь педагогический манёвр, полезный для того, чтобы показать, что «пол» является немонолитной и небинарной конструкцией. Для целей этого обзора мне кажется важным выделить следующие «компоненты» «пола»:

- Хромосомный уровень. «Половыми» у человека называют хромосомы 23-ей группы⁷, они бывают двух видов: X и Y. В циснормативной терминологии хромосомные наборы XX и XY считаются, соответственно, «женскими» и «мужскими». Однако существует множество вариантов с сочетанием трёх, четырёх и более хромосом (полиплоидия) в одном наборе. Не будучи в состоянии приписать эти случаи к бинарной модели женского/мужского, их именуют синдромами и патологиями (например, Клайнфельтера).
 - Генетический уровень. Присутствие гена SRY (sex-determining region Y) регулирует выделение фактора TDF (testis-determining factor), определяющего развитие организма по «мужскому» гонадному, гормональному и морфологическому
- 7 Употребление словосочетания «пары хромосом» исключает людей с так называемой *анэуплоидией*, то есть числом гомологичных хромосом, отличным от двух. Предлагается вместо этого говорить «группы гомологичных хромосом».

типу, отсутствие — по «женскому»⁸. В большинстве случаев, ген SR_Y находится на Y-хромосоме, но иногда и на X-хромосоме. Существуют люди, организмы которых общество определяет как «мужские», но при этом у них есть XX-хромосомы, и люди с «женскими» организмами и XY-хромосомами. В циснормативной терминологии эти состояния также именуются синдромами: в первом случае — де Ля Шапеля, во втором — Суайра.

- Гонадный уровень. Гонады — это железы, вырабатывающие «половые» гормоны, — яичники и семенники. При внутриутробном развитии они формируются из «бесполовых» прогонад, которые под действием фактора TDF превращаются в семенники, а при его отсутствии — в яичники. На этом уровне также есть различные варианты, в том числе наличие гонад разных типов — либо отдельных, либо объединённых в одну железу.
- Гормональный уровень. После формирования гонад они начинают вырабатывать гормоны, которые в циснормативной терминологии называют «женскими» или «мужскими». Здесь ещё меньше, чем на предыдущих уровнях, возможности провести какую-то чёткую границу, потому что количество вырабатываемых гормонов отличается плавно в широких пределах, в том числе в одном организме в различные периоды жизни.
- Морфологический уровень. Самые разнообразны внешние признаки тела называются «половыми». Это строение гениталий, развитость грудных желёз, рост волос и так далее. Каждый из этих признаков может быть выделен в отдельную компоненту «пола». Не всегда определённый гормональный уровень приводит к той же конфигурации признаков на морфологическом уровне, например нечувствительность к андрогенам (в медиализирующей терминологии, AIS, androgen insensitivity syndrome) может приводить к «женской» внешности у людей даже с высоким уровнем андрогенов.

8 Приведённая здесь схема крайне упрощена. В развитии организма по тому или иному типу принимают участие большое число генов.

На каждом из этих уровней есть более двух вариантов, что подрывает представления о бинарности и наличии чёткого разделения на «женщин» и «мужчин» даже на уровне биологии. Вариации, выходящие за пределы этих двух искусственно сконструированных понятий, объединяются зонтичным термином «интерсексность»⁹. Чтобы поддержать циснормативную модель, всё, что в неё не вписывается, объявляется патологией, а над гениталиями интерсекс* детей проводятся так называемые «нормализующие», или «корректирующие» операции¹⁰ без их согласия.

Перечисленные выше категории показывают, что понятие «биологического пола» социально сконструировано — на самом деле, только на нескольких уровнях есть биологические признаки, коррелирующие с функцией размножения, но эта корреляция не абсолютна.

2.2. Гендер

Поведение, социальные функции, стиль одежды и другие признаки, которые коррелируют с принадлежностью людей к некоторому «полу» и при этом не определяются биологически, принято объединять понятием *гендера*. Как и «пол», в этой главе

- 9 Термины «интерсекс*» и «интерсексность» предпочтительнее, чем «интерсексуальность», так как последний словно предполагает некую разновидность сексуальности. Термин, который применяется для описания «не-интерсекс*» людей — «dyadic» (малораспространённый термин, который я ещё не встречала в русскоязычном контексте). Неправильно использовать термины «женщины» и «мужчины» для описания людей, не являющихся интерсексами, так как они относятся к гендерным идентичностям, — и есть «интерсекс* женщины» и «интерсекс* мужчины». Звёздочка в слове «интерсекс*» применяется для того, чтобы подчеркнуть зонтичность термина (как и в случае с «транс*»).
- 10 Неприязнь к интерсекс* людям и причисление их к большим называется *интерсексофобией*. Одними из важнейших требований интерсекс* активизма являются прекращение нежелательных операций над интерсекс* детьми и депатологизация половой вариативности. Эти требования также актуальны и для транс* активизма, что наводит на очевидную мысль о необходимости сотрудничества между и движениями.

я буду писать слово «гендер» в кавычках, чтобы показать, что это просто обобщённое название множества разнообразных признаков, которые в циснормативной модели коррелируют между собой — что и позволяет их объединить в некую общую конструкцию и назвать её «гендером». Признаки, относимые к «гендеру», как правило имеют намного меньшую корреляцию с функцией размножения, чем признаки, относимые к «биологическому полу», в том числе благодаря работе феминистских активисток¹¹.

Нередко «гендер» приравнивают к более узкому понятию *гендерной роли*, то есть набору ожидаемых образцов поведения и социальных функций, которые коррелируют с принадлежностью к «полу». Однако в контексте трансгендерности такое слияние понятий не работает. Из числа феноменов, которые можно отнести к «гендеру», но которые не входят в понятие «гендерной» роли — например, *гражданский «пол»*, то есть содержание графы «пол» в документах, выдаваемых государством, или *«гендер» / «пол» восприятия*, то есть то, каким образом человека воспринимают другие люди.

Другим понятием, включённым в «гендер», является *гендерная репрезентация*, или *гендерное (само)выражение* (англ. gender expression). Это набор признаков, с помощью которых человек сообщает обществу (включая воображаемое) о своём «гендере», что включает одежду, жестиккуляцию, употребляемый по отношению к себе грамматический род, выбор имени, ассоциирующегося в данном языке с каким-то гендером или гендерно-нейтрального. Гендерная репрезентация может быть, а может и не быть выражением гендерной идентичности. В-первых, репрессивные циснормативные механизмы могут не

- 11 Моё глубокое убеждение – в том, что цели феминизма и транс* активизма одни и те же. Первый разрушает циснормативную модель на уровне представлений о корреляции между «гендерными ролями» и «биологическими полами», тогда как второй идёт дальше и разрушает представления о корреляциях между различными признаками, относимыми как к «гендеру» (в более широком значении, чем «гендерная роль»), так и «биологическому полу», а также «гендерной» идентичностью. О трансгендерности и феминизме см. главу 3.

позволять трансгендерным людям выражать свою идентичность. Во-вторых, существующий репертуар «гендерных» признаков часто ограничен бинарной моделью, и люди с небинарными идентичностями не имеют средств для их выражения. Например, в то время как существует «женская» и «мужская» одежда, не существует одежды для гендерквиро_к. Другой пример: в большинстве языков существует «женский» и «мужской» грамматический род, а средний либо отсутствует, либо применяется к неодушевлённым предметам. Решением является либо смешивание существующих бинарных средств, либо создание новых.

В евроцентричном обществе традиционно принята бинарная гендерная схема, в которой есть только «женщины» и «мужчины» («женский» и «мужской» гендер), которые рассматриваются как противоположные и взаимодополняющие. Идея об их противоположности лежит в основе *циснормативности*, идея о взаимном дополнении — *гетеронормативности*. В ряде неевроцентричных культур традиционно существовали — и иногда до сих пор продолжают существовать — гендерные схемы с большим числом гендеров: тремя, четырьмя, пятью¹².

2.3. Гендерно-половой континуум

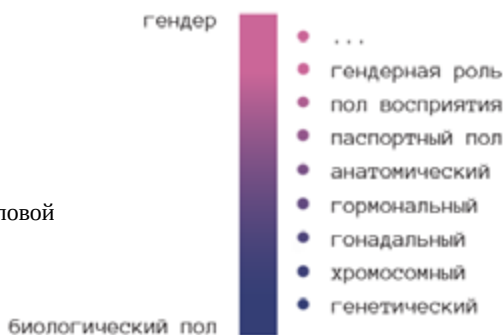
Для достижения своих политических целей мейнстримный феминизм противопоставляет «биологический пол» и «гендер» (как правило, имеется в виду «гендерная роль»). Бинарное разделение между «полом» и «гендером» целесообразно в некоторых контекстах и сыграло важную роль в развитии феминизма. Однако с помощью вышеописанной логики можно осознать искусственность этого разделения. Прежде всего, стоит помнить, что и «биологический пол», и «гендер» являются не цельными феноменами, а названиями для набора коррелирующих между собой признаков. Эти признаки могут определяться как биологически, так и социально, в первом случае их относят к «полу», во втором — к гендеру. Однако есть часть признаков, которые определяются совместно

12 Однако я бы хотела предостеречь от идеализации этих культур и их отношения к людям, чья гендерная репрезентация выходит за пределы бинарной модели. Подробнее об этом см. (Towle, 2002).

как биологическими, так и социальными причинами. Как пишет трансфеминистка Эми Койама, «трансфеминизм утверждает, что как пол, так и гендер социально сконструированы; более того, разделение между полом и гендером проведено искусственно в целях удобства» (Койама, 2003).

Одним из наглядных примеров является так называемый «пол»/«гендер» *восприятия* (англ. *perceived gender / sex*). Это «пол» или «гендер», к которому нас приписывают другие люди на основании своих заданных культурой представлений о том, как должны выглядеть «женщины» и «мужчины». На то, как нас воспринимают окружающие, влияют как наши биологические (уровень гормонов, наличие волос на лице, развитость грудных желёз), так и социальные факторы, характеризующие как воспринимаемых (наши одежда, поведение, походка и другое), так и воспринимающих индивидов. Таким образом, «пол / гендер» восприятия нельзя однозначно отнести ни к «биологическому полу», ни к «гендеру». То же относится, например, к голосу, на тембр которого влияют биологические данные, но который многие из нас могут изменить, в том числе при помощи специальных упражнений, и в результате наш голос будет восприниматься как «женский» или «мужской».

Рис. 1: Гендерно-половой континуум.

Другими примерами совместного действия биологических и социальных факторов являются гормональный и морфологический «пол». Изменение гормонального «пола» можно произвести при приёме гормональных препаратов, доступ

к которым определяется экономическими и политическими факторами (получение рецепта, стоимость препаратов). Аналогично, морфологический «пол» можно изменить путём хирургических операций, возможность, а часто и необходимость прохождения которых определяется через законодательные акты и медицинские процедуры, наличие квалифицированных хирургов и финансовую доступность.

Акушерский «пол» (и определяемый на его основе гражданский «пол») определяется не только биологическими признаками ребёнка, но и тем, какие признаки медицинский персонал считает подходящими для «женщины», и какие для «мужчины».

Основываясь на сказанном, вместо бинарного разделения «пол» vs. «гендер» я предлагаю понятие *гендерно-полового континуума*, в котором признаки (компоненты «пола» и «гендера») распределены вдоль оси, одно направление которой отвечает биологичности, а другое — социальности (рис. 1).

2.4. Гендерная идентичность

Гендерная идентичность — это идентификация себя с одной или несколькими гендерными группами: «женщинами» или «мужчинами» в гендерно-бинарной схеме и другими гендерами в случае наличия у человека информации о них. Некоторые люди идентифицируют себя с двумя (и более) гендерными группами — либо по очереди, либо одновременно — в этом случае речь идёт о *бигендерности*, *тригендерности* и так далее. Гендерная идентичность может и не опираться на какие-то принятые в данной культуре гендерные группы. Люди, отрицающие свою принадлежность ко всем принятым гендерам, могут идентифицировать себя как *агендер_ки*¹³. Люди, отрицающие принятую в культуре гендерную схему (как правило, речь идёт о гендерной бинарности), часто идентифицируют себя как *гендерквир_ки*. Существуют *подвижные*, или *плавающие* (англ.

13 Вопрос о том, является ли агендерность (гендерной) идентичностью, вызывает дискуссии. Думаю, что да, как и любое слово, используемое для самоописания. В то время как одни привязаны к гендеру, агендер_ки привязаны к отрицанию у себя какого-то гендера. И то, и другое является формами привязанности.

gender-fluid) гендерные идентичности, которые изменяются в определённых пределах под воздействием внешних факторов или эмоций. Некоторые люди идентифицируют себя по-разному в зависимости от контекста: например, в рамках гендерно-бинарной схемы я выбираю меньшее из двух зол и для простоты называю себя «женщиной», однако гендерно-бинарная схема мне в принципе не подходит, и когда я не ограничена ей, то либо идентифицирую себя как гендерквир_ка, либо же вовсе отказываюсь от политики идентичностей и не идентифицирую себя никак.

Могут существовать пересечения гендерной идентичности с другими идентичностями. Для кого-то может быть важна их *трансгендерная идентичность* (то есть принадлежность к трансгендерным людям), и у них может быть сложная идентичность, например, «трансгендерная женщина» или «женщина с трансгендерным прошлым». Другие, напротив, всячески стараются отрицать в себе трансгендерность и идентифицируют себя как «просто (иными словами, цисгендерные) женщины».

Идентичность не обязательно должна присутствовать. Не все люди идентифицируют себя с людьми какой-то национальности (национальная идентичность), классом (классовая идентичность), профессией (профессиональная идентичность) и так далее. Наличие той или иной идентичности может быть связано с отсутствием или наличием привилегий. Так, если кого-то угнетают по признаку национальности, то зачастую у не_ё будет национальная идентичность. Цисгендерные люди благодаря цисгендерным привилегиям редко идентифицируют себя как цисгендер_ки. Причина, по которой большинство людей имеют гендерную идентичность, даже если не осознают её как идентичность, состоит в огромном внимании, которое общество уделяет вопросам «гендера» и «пола». В последнее время я стараюсь избавляться от идентичностей, осознавая ограничения, которые они накладывают.

В том же смысле, что и «гендерная идентичность», иногда употребляют термин «психический пол», или «пол мозга». Эта терминология поддерживается сторонни_цами биологических теорий трансгендерности, которые утверждают, что ощущение

себя «женщиной» или «мужчиной» задаётся при внутриутробном развитии. Будучи сторонницей социальных объяснений, я не употребляю эти термины.

2.5. Гендерно-половое пространство

Определение. *Гендерно-половое пространство* — это N-мерное пространство, построенное на признаках, которые относят к «гендерным» или «половым», где N – число признаков.

Существует огромное число признаков, называемых «гендерными» или «половыми», соответственно, число N будет разным в зависимости от числа признаков, выбранных для рассмотрения.

3. «Женщины» и «мужчины»

В то время как разделение по признаку «пола» для живых организмов осуществляется исходя из их функции в процессе полового размножения, при переходе к человеку ситуация становится сложнее¹⁴. Если бы слово «мужчина» означало возможность размножаться определённым образом, без дополнительных смыслов, то я бы называла себя «мужчиной». Проблема, однако, в том, что помимо функции размножения это понятие включает в себя и много другого. Делать так, потому что ты «мужчина», или выглядеть так, потому что ты «мужчина» – меня это не устраивает. Для того, чтобы общество признавало кого-то в качестве «женщины» или «мужчины», е_й необходимо обладать признаками, классифицируемыми как «женские»/«мужские», на всех уровнях гендерно-полового континуума. Если на одном или более уровнях происходит «отклонение», то вопрос о том, будет ли общество принимать таких людей как «женщин» или «мужчин», зависит от вклада (веса), который вносит данный признак в формирование представлений о «женщинах» и «мужчинах».

В обобщённом виде условие, при котором «общество»

14 Здесь я применяю такую логику исходя из последовательности описания. Видимо, в историческом процессе люди, напротив, приписывали свойства «пола» другим организмам исходя из своего собственного, человеческого, представления о нём.

будет считать кого-то «женщиной», можно представить как необходимость вхождения координат человека в гендерно-половом пространстве в область F , которую приближённо можно представить в виде N -мерного эллипсоида в N -мерном гендерно-половом пространстве: $F^2 \leq \sum (C_i - w_i A_i)^2$, где F — поверхность эллипсоида, отделяющая «женскость» от «неженскости», A_i — значение i -ого признака¹⁵, w_i — вклад i -ого признака в «женскость», C_i — координаты центра эллипсоида¹⁶. Область принадлежности к «мужчинам» можно описать таким же эллипсоидом, частично перекрывающимся с первым.

Вклады разных признаков w_i , в свою очередь, определяются культурой. Так, в евроцентричной культуре люди, которые по тем или иным причинам не рожают ребёнка, продолжают считаться «женщинами» или «мужчинами». Напротив, в древнеиндийском обществе людей, не участвующих в деторождении, относили к категории «нейтрального гендера» (санскр. *parumsaka*), куда входили пять групп: 1) дети, 2) пожилые, 3) неспособные к зачатию по биологическим причинам, 4) давшие обет безбрачия, 5) люди «третьего гендера» (санскр. *tritiya-prakriti*) (Wilhelm, 2004).

В рамках этой модели можно интерпретировать дискуссии о том, кто является «женщиной» и что требуется, чтобы стать «женщиной», как нахождение разделяющей поверхности F и значений вкладов w_i . Так, требование операций для трансгендерных людей происходит из-за того, что многие люди считают вклад «половых» органов в отнесение человека к «женщинам» или «мужчинам» наибольшим. С другой стороны, среди транс* активистов распространена позиция, согласно которой главный вклад должна вносить гендерная идентичность, а значения всех остальных вкладов равны нулю.

- 15 Для количественного применения модели её необходимо параметризовать, то есть приписать определённым значениям признаков некие числа, например, наличию вагины приписать +1, наличию пениса –1, и так далее.
- 16 Эта модель имеет область применения, ограниченную координатами центров эллипсоидов C_i с каждой стороны. Очевидно, что при дальнейшем повышении значений координат в сторону «женскости» никакого выхода за пределы «женскости» происходить не должно.

Таким образом, понятия «женщина» и «мужчина» являются социальной конструкцией в чистом виде. Что же остаётся после их деконструкции? Эти понятия остаются лишь как самоназвания, или гендерные идентичности. По мнению транс* активиста_к и трансфеминиста_к, «женщинами» следует называть людей, которые считают себя «женщинами», а «мужчинами» — тех, кто считает себя «мужчинами». Однако эта, остающаяся после деконструкции гендера, модель, при которой гендерная идентичность ставится во главу угла как единственная реальность, не лишена противоречий. Для существования идентичности необходимо существование группы, с которой происходит идентификация. Может ли существовать гендерная идентичность в отсутствие гендера? Надо признать, что стабильная идентичность — это такая же иллюзия и результат самовнушения, как и сам гендер.

Здесь же необходимо упомянуть о терминах «генетическая/биологическая женщина и мужчина» (часто сокращаются до ГГ и ГМ — *англ.* genetic girl и genetic male). Причём «генетическими» часто называют себя те, кто не делал_а анализ ДНК. Что значит «биологические» в условиях отсутствия такого явления, как «биологический пол»? Однако главная проблема этой фразы состоит в её циснормативности, с которой она подразумевает, что люди с определёнными хромосомами и гениталиями будут обладать идентичностями женщины или мужчины. Поэтому предлагается отказаться от использования этой терминологии и говорить о «людях с XX-хромосомами» или «людях с вагиной» вместо того, чтобы говорить «биологическая женщина».

4. Трансгендерность

Определение. *Трансгендерные люди* – это люди, которые изменяют свои координаты (совершают «переход») в гендерно-половом пространстве.

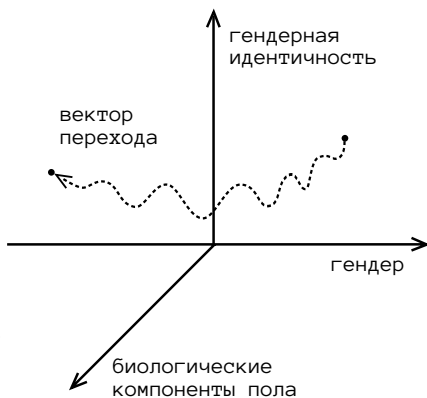

Рисунок 3: «Переход» в трёхмерном гендерно-половом пространстве.

Вариант определения со словами «изменяют свои координаты» является более формальным, в то время как «переход» — это сленговый термин. Это слово здесь имеет более широкое значение, чем то, какое ему часто приписывают в транс* сообществе, подразумевая изменение гормонального и/или морфологического пола, и включает изменение по различным осям гендерно-полового пространства, в том числе идентичности. Следует иметь в виду, что некоторые компоненты пола при современном развитии медицины невозможно изменить (генетический, хромосомный, гонадный). Людям, изменяющим свои координаты в гендерно-половом пространстве, можно приписать *вектор перехода*¹⁷, направленный из точки гендерно-полового пространства до перехода в точку после перехода (рис. 3). Это определение позволяет уйти от патологизирующих слов про «несоответствие» (биологического пола и гендера или гендерной идентичности), «несовпадение» и подобных, которые встречаются в классических определениях.

Встают вопросы: по каким координатам гендерно-полового пространства должен происходить переход и какой длины должен быть его вектор, чтобы люди могли называться трансгендерными? На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Даже если человек совершает *бесконечно малый переход*, он/а/о уже может считаться трансгендер_кой. Таким образом, трансгендерность и цисгендерность не являются оппозиционными взаимоисключающими категориями, но между ними существует

17 Слово «вектор» не должно вводить в заблуждение, будто бы траектория перехода прямолинейна (см. рисунок).

плавный переход. Гендерквир_ки, агендер_ки, гендерно неконформные женщины и мужчины тоже попадают в категорию трансгендерных людей на том основании, что они изменили свои гендерную идентичность и/или гендер по отношению к тому, как их воспитывали. Наконец, цисгендеры — это тоже трансгендеры, потому что в процессе воспитания приобрели гендерную роль, отличную от гендерно-нейтральной, которой обладали при рождении. Даже если они ничего не меняют, они обладают нулевым вектором перехода, что делает их цисгендерность частным случаем трансгендерности.

Другой важный вопрос: обязательно ли под «переходом» подразумевается добровольный переход? Являются ли операции, которые проводят над интерсекс* детьми без их информированного согласия, разновидностью трансгендерного перехода и, соответственно, интерсекс* люди, перенесшие нежелательные операции, — трансгендерными людьми?

Думаю, во всех спорных случаях нужно не забывать об условности любой терминологии, включая бинарное деление людей на цис- и трансгендерных. Терминология должна создаваться в интересах угнетённых групп, и если она вместо освобождения накладывает запреты и мешает активистской работе, такая терминология должна быть изменена или отброшена. К трансгендерным людям следует относить тех, кто желает идентифицировать себя с ними точно так же, как в случае категорий «женщины» и «мужчины».

5. Другие термины

5.1. МтФ, ФтМ, «трансженщины» и другие

Термины МтФ и ФтМ (от *англ.* male-to-female, female-to-male) в переводе на русский означают «из мужчины в женщину» и «из женщины в мужчину». Главная проблема состоит в их употреблении в качестве существительных. Называя кого-то «МтФ», подразумевают, что эти люди являются не женщиной, а чем-то средним, переходящим «из мужчины в женщину» (Serrano, 2007). Лучший способ — называть людей в соответствии с их гендерной идентичностью, то есть если некто считает себя

женщиной, её необходимо называть женщиной, а не кем-то иным. В случаях, когда необходимо пояснить, что люди совершили трансгендерный переход, к названию гендерной идентичности можно прибавить слово «трансгендерная/ое/ый», или сокращённо «транс*». Звёздочка в данном случае символизирует разнообразие идентичностей, описываемое этим зонтичным термином. Таким образом, слова «МтФ» или «транссексуалка» лучше заменить на словосочетание «транс* женщина»; аналогично, слова «транссексуал» и «ФтМ» — на «транс* мужчина». Прилагательное «транс*» является в этих случаях дополняющим определением к существительным «женщина» и «мужчина». Поэтому нежелательно слитное написание «трансженщина», так как в таком случае подразумевается, что человек является не женщиной, а «трансженщиной», то есть чем-то отличным от «женщины». Недопустимо использование отдельного слова «транс*» в качестве существительного. Не следует употреблять в отношении незнакомых людей слова, пришедшие из порноиндустрии: *шимейл*, *трэнни*, *лэдибой* и прочие. В целом лучше пользоваться теми терминами, местоимениями и именами, которыми люди сами себя называют (это иногда противоречит приведённым выше рекомендациям).

5.2. Пре-, пост-, нон- оп

Тела трансгендерных людей выступают как поле битвы между различными политическими взглядами, поэтому неудивительно, что трансгендерные люди считают само собой разумеющимся упоминание строения наших гениталий, а себя — вправе требовать от нас объяснения, что мы сделали с ними. Вопрос гениталий кажется многим настолько важным, что на их основе транс* люди классифицируются на прошедших хирургические операции (пост-оп), не прошедших (пре-оп) и не собирающихся это делать (нон-оп). Такая терминология не должна использоваться.

5.3. Изменение vs. коррекция пола

Часто можно встретить высказывания о том, что трансгендерные люди «нуждаются в изменении/коррекции пола». В этой фразе

каждое слово спорно. Во-первых, непонятно, о каком «поле» идёт речь. Что касается «изменения» или «коррекции», то последний термин позиционируется как политкорректный, так как считается, что он указывает на то, что желание совершить переход для трансгендерных людей является не прихотью, а независимой от них биологически вызванной необходимостью¹⁸. Тем самым, слово «коррекция» поддерживает циснормативный дискурс и патологизирующую модель, подразумевая, что трансгендерность является неправильным состоянием, которое необходимо «откорректировать», по возможности приведя к «правильному» состоянию, то есть цисгендерности. По этой причине активист_кам, выступающим за депатологизацию гендерной вариативности и деконструкцию циснормативности, лучше воздерживаться от употребления этого слова. В этом плане слово «изменение» является более подходящим, так как не содержит дополнительных смыслов.

5.4. Неявная циснормативность

Нередко можно встретить фразы, автор_ки которых пытаются подчеркнуть транс* инклюзивность и для этого пишут, например, «мероприятие для женщин и трансгендерных людей». Или однажды мне довелось увидеть поздравление «женщин и транссексуалок» с 8 марта. В других местах при указании гендера предлагается выбрать из опций «женщина», «мужчина» и «трансгендер», либо «женщина» и «транс* женщина». Таким образом, получается, что женщины/мужчины не могут быть трансгендер(к)ами, а трансгендер_ки женщинами/мужчинами, и трансгендерные люди вынуждены выбирать между своей идентичностью как трансгендеро_к и как мужчин/женщин. Решением является использование прилагательного «цисгендерные» для тех женщин/мужчин, которые не являются трансгендерными.

6. Сексуальная ориентация

Разбирая трансгендерную терминологию, хотелось бы коснуться темы *сексуальной ориентации*, которую применяют, и часто

18 О формировании гендерной идентичности см. в главе 9.

неправильно, в отношении трансгендерных людей¹⁹. На мой взгляд, концепция ориентации основана на а) цисгендерном допущении; б) бинарной гендерной системе; в) громадном значении, которое общество придаёт «полу» и «гендеру» — которые, в свою очередь, также являются социальной конструкцией.

Из-за вышеупомянутых допущений концепция сексуальной ориентации кажется многим настолько очевидной, что они готовы спорить и драться с теми, кто находится «по ту сторону» ориентации. Ещё одной характеристикой этих столкновений является подчёркнуто бинарный дискурс «гомо/гетеро», который продолжается рядом бинарностей «наши/ваши», «правильно/неправильно», «добродетель/грех» и так далее. Однако чтобы разрушить аргументы обеих сторон и показать, что они спорят ни о чём, достаточно сказать, что «пол», который заложен в концепцию сексуальной ориентации, является многокомпонентной системой, причём эти компоненты мало связаны между собой.

Мне как транс* женщине приходилось часто думать о своей ориентации в связи с тем, от чего её отсчитывать. Эту проблему одним из первых сформулировал Гарри Бенджамин: «На вопрос “является ли транссексуал гомосексуалом?” следует отвечать и “да”, и “нет”. “Да”, если рассматривается анатомия;

19 При том, что разделение гомосексуальности и трансгендерности не вызывает сомнений в западном ЛГБТКИА+-движении, дела обстоят иначе в ряде неевропейских культур, где они зачастую обозначаются одинаковыми словами. И такой подход не лишён смысла. К примеру, «цисгендерная» лесбиянка явным образом отклоняется от патриархатной «женской» гендерной роли, потому что не выходит замуж. В то время как гендерную роль можно считать одной из компонент гендерно-полового пространства, такому поведению можно приписать вектор перехода, тем самым признав гомосексуальность «цисгендерных» людей разновидностью трансгендерности. ЛГБТКИА+ — аббревиатура от “лесбиянки, геи, бисексуал_ки, трансгендер_ки, интерсекс_ки, квир, асексуал_ки (и другие)”. Количество и порядок букв варьируются. Термин неизменно вызывает споры между людьми, требующими включения (инклюзивности) всех групп, и теми, кто выступает за лёгкость произношения — вопрос, выходящий за рамки лингвистики и относящийся к сфере политики.

“нет”, если предпочтение отдаётся психике» (Benjamin, 1966). Современным нетрансфобным способом отсчёта сексуальной ориентации для трансгендерных людей считается использование гендерной идентичности в противовес морфологическому полу, как это нередко до сих пор встречается в трансфобной медицинской литературе. То есть если транс* женщине нравятся женщины, то она лесбиянка, а не гетеросексуальный мужчина, который поменял «пол». Казалось бы, такое решение вполне удовлетворяет и транс*, и цис* гендеро_к — тем не менее, сам факт наличия такого вопроса показывает иллюзорность концепции ориентации. Говоря об ориентации, люди подразумевают «пол» как единую неделимую сущность, забывая о том, что он состоит из генетического, хромосомного, гонадального, гормонального, морфологического полов, а также гендера, гендерной идентичности и другого. Мнение о том, что определённому генетическому или морфологическому полу у всех людей отвечают определённый гендер и гендерная идентичность, — иными словами, что все люди являются цисгендерами, — соответствует ничему иному как цисгендерному допущению.

Чтобы преодолеть трудности терминологии в отношении трансгендерных людей, одним из решений стало исключение из концепции сексуальной ориентации, включающей два пола — рассматриваемых людей и их партнёров, — одной компоненты — пола этих людей. Мы говорим о *гинефилии*, если человеку нравятся «женщины», и об *андрофилии*, если нравятся «мужчины», но при этом не упоминаем, являются ли сами люди «женщинами», «мужчинами» или кем-то ещё. Учитывая трудность самоопределения, эта более новая концепция не учитывает трудность классификации тех, кто нам нравится.

Однажды я провела небольшой опрос, который звучал так: «Если вы считаете себя лесбиянкой, имеете ли вы ввиду, что вам нравятся люди, идентифицирующие себя как женщины, люди с XX-хромосомами, люди с вагиной или люди с женской социализацией?». Ответы я получила самые разнообразные. Оказалось, что кто-то, называя себя лесбиянкой, подразумевает, что ей нравятся люди, идентифицирующие себя как женщины, то

есть и цис-, и транс* женщины; другим важно наличие вагины, причём не сильно важно, идентифицирует ли себя человек как женщина, мужчина или кто-то ещё; в то же время другим важен сходный женский опыт и женская социализация. Таким образом, сказать «мне нравятся женщины» — значит лишь не сказать «мне нравятся цисгендерные мужчины», так что эта фраза требует уточнения.

Учитывают ли активист_ки и исследовательни_цы, доказывающие врождённость сексуальной ориентации, которая, по их мнению, заложена где-то в мозге, то, что пол состоит из множества компонент? Очевидно, нет, они исходят из цисгендерного допущения, что все эти компоненты есть одно и то же, и бинарного допущения, что не существует ничего, кроме цисгендерных «женщин» и «мужчин». Мало того, они придают такое огромное значение этому мифическому «полу», что не хотят замечать множество других факторов, оказывающих влияние на то, будет ли какая-то человек кому-то нравиться.

Транс* и квир-активист_ки должны не поддерживать, а деконструировать концепцию сексуальной ориентации, которая исходит из представлений о циснормативности и гендерной бинарности.

7. Две истины гендера

Я посвятила немало времени доказательству того, что женщины и мужчины, цис- и трансгендерность, гомо-, би-, гетеросексуальность — это пустые понятия, существующие только одно относительно друг друга. Такой подход критикуется рядом феминисток. Если гендера нет, то кто насильник и кто жертва? Кто подвергается угнетению и по какому признаку, если трансгендерные люди не существуют? Кого защищает транс* активизм и феминизм? Наконец, для кого написана эта книга? Забегая вперёд²⁰, скажу: в этом вопросе, по моему убеждению, корень непонимания — между транс* инклюзивными и трансфобными, интерсекциональными и антиинтерсекциональными феминистками. Одни видят способ усиления (*англ.* empowerment) в идее существования

20 Обсуждениям трансфобии в феминизме посвящена гл. 3.

женщин, общего женского опыта, женской истории... Другие утверждают, что понятие «женщина» — это иллюзия.

Мои попытки соединить эти два подхода на основе *политики идентичности* — «женщины объективно не существуют, это только идентичность» — кажутся мне неудовлетворительными, так как если гендер — это иллюзия, то и основанные на гендере идентичности также должны быть иллюзией. Вместе с тем изнасилования и дискриминация не являются иллюзией и совершаются отнюдь не на основе идентичности. Это вынудило меня признать, что есть два различных видения, полезные для разных целей: 1) гендер не существует; 2) гендер существует до тех пор, пока есть люди, определяющие себя в его рамках и пока осуществляется угнетение на его основе.

Чтобы лучше разобраться, я решила найти объяснение в более широком философском контексте. В Муламадхьямака-карике Нагарджуна (Garfield, 1995) рассматривает вопрос о реальности дхарм и приходит к выводу, что все они взаимно обусловлены и потому не обладают существованием сами по себе, то есть пусты. Встаёт вопрос, как совместить две крайности: требование моральной жизни, основанное на реальности вещей и последствий действий, с одной стороны, с нигилизмом, утверждающим, что ничего не существует, с другой? Чтобы решить эту дилемму, Нагарджуна выдвигает теорию двух типов понимания, или двух истин (XXIV, 8):

Учение Будды о Дхарме
Основывается на двух истинах:
Мирской условной истине
И абсолютной истине.

Условная истина в том, что на бытовом уровне вещи существуют и моральные законы действуют. Абсолютная состоит в том, что все вещи пусты. Нагарджуна не говорит, является ли одна истина «более истинной», чем другая, каждая из них верна на своём уровне. Вместо этого он призывает к срединному пути, который избегает обеих этих крайностей.

В этом свете можно интерпретировать наше понимание гендера. На бытовом уровне существуют женщины и мужчины,

трансгендер_ки и цисгендер_ки, но существуют они лишь условно, благодаря дуализму нашего мышления. Существовала бы цисгендерность, если не было бы трансгендерности? Эти понятия не могут существовать одно без другого. Абсолютная истина состоит в том, что всё это лишь игра слов и иллюзия.

Означает ли это, что мы можем отбросить условную истину за ненадобностью и вообще забыть про неё? Нагарджуна утверждает, что нет (XXIV, 10):

Без знания условной истины
Абсолютная не может быть понята.
Без понимания абсолютной
Невозможно достичь освобождения.

Некоторые квир-активист_ки проповедуют нигилизм, который может иметь опасные последствия, например оправдание насилия. Я думаю, не следует путать эти два уровня понимания и применять результаты, полученные на одном уровне, к другому. Проповедуя абсолютную истину, мы в любом случае вынуждены прибегать к словам и другим знакам, которые относительноны по отношению друг к другу. Понимая, что «женщин» или «трансгендеро_к» объективно не существует, мы всё же объединяемся для борьбы за интересы этих условных групп. Не стоит, однако, страдать эссенциализмом и привязываться к этим словам как чему-то реальному. Но привязываться к их отрицанию также не следует. В конечном итоге абсолютное отрицание невозможно, потому что в таком случае оно должно было бы отрицать само себя, следующее отрицание — предыдущее отрицание, и так далее.

Не могу утверждать, что я верно интерпретирую философию Мадхьямаки, но мне кажется, что такой подход мог бы использоваться, чтобы уменьшить недопонимание между различными группами активисто_к.

В первой главе было показано, что большинство людей имеют в голове циснормативную модель, предполагающую взаимоднозначное соответствие между разнообразными «гендерными» и «половыми» признаками. Построение ими такой модели происходит благодаря тому, что они всю жизнь наблюдают цисгендерных людей. Что случается, когда они обнаруживают существование людей, которые не подходят под эту простую модель? Они испытают стресс, потому что человек любит считать, что он_а может объяснить, разобрать на кусочки мир. Если он_а не может найти объяснение, то первый вариант — предположить, что явление относится к разряду божественных и не поддающихся человеческому разуму. Поэтому часто в культурах, испытавших минимальное европейское влияние, трансгендерные люди выполняли и выполняют религиозные функции, наделяясь особыми способностями. Второй вариант — объявить, что трансгендерные люди не вписываются в циснормативную модель потому, что они либо а) ведут себя неправильно, либо б) родились с патологией. В любом случае именно трансгендерность рассматривается как проблема, которую необходимо исправить, чтобы не нарушать циснормативную модель и не оскорблять чувства верующих в неё. Наконец, третий вариант — изменить саму циснормативную модель и допустить, что не трансгендерные люди, а сама модель является ошибочной. Первый вариант достаточно нехарактерен для постсоветской культурной среды, в которой преобладают религии с жёсткой догматикой, в которую не вписывается трансгендерность. В этой главе будет рассмотрен второй вариант реагирования на трансгендерных людей, который обычно связывают со словом «трансфобия».

1. Терминология

Под *трансфобией* понимают широкий спектр негативных чувств (неприязнь, отвращение, ненависть) по отношению к

трансгендерным людям. Трансфобия основана на идеологии *циссексизма*, под которой понимают «убеждение, что гендер, с которым идентифицируют себя трансгендерные люди, менее значимый и достоверный, чем гендер цисгендеров/к» (Serafino, 2007). «Циссексизм» можно употреблять как синоним циснормативности; небольшое отличие составляет то, что в то время как циснормативность подразумевает цисгендерность всех людей по умолчанию, циссексизм в явном виде ставит цисгендерных людей выше трансгендерных. Схожий с циссексизмом термин *гендеризм* описывает «идеологию, которая укрепляет негативную оценку гендерной неконформности или несоответствия между полом и гендером» и «культурное убеждение, которое закрепляет негативную оценку людей, которые не представляют собой стереотипных мужчин или женщин» (Hill, 2005). Циссексизм основан на убеждении, что только биологические характеристики определяют, является ли человек женщиной или мужчиной. Таким образом, циссексизм — это более узкий термин, который применим к угнетению только тех трансгендерных людей, которые имеют бинарную гендерную идентичность и/или стремятся к тому, чтобы окружающие воспринимали их как женщин или мужчин. Обыкновенным примером циссексизма является отказ человеку в праве на гендерную идентичность.

В то время как циссексизм и гендеризм являются идеологиями, трансфобия представляет собой основанное на них эмоциональное отвращение к трансгендерным людям. Когда трансфобия и циссексизм (гендеризм) реализуются на практике, мы сталкиваемся с *угнетением по признаку трансгендерности*. Употребляющаяся в этом смысле в правозащитном контексте фраза *дискриминация по признаку гендерной идентичности* (последняя часто объединяется с сексуальной ориентацией в понятие *признаки СОГИ*), на мой взгляд, вводит в заблуждение и описывает не весь спектр угнетений. Под дискриминацией, как правило, понимают различный доступ к благам/услугам в зависимости от каких-то признаков. Это не описывает всех неприятностей, с которыми сталкиваются трансгендерные люди — например насилие, оскорбления, наименование в

неправильном роде и так далее, — поэтому я буду говорить об *угнетении*. Что касается признака, по которому происходит угнетение, то это не сама гендерная идентичность, а соотношение между гендерной репрезентацией и остальными «гендерными» и «половыми» признаками. Более того, угнетение происходит только в случае соотношения, не вписывающегося в рамки циснормативной модели — никого не угнетают из-за цисгендерности; поэтому фраза *угнетение по признаку трансгендерности* точнее описывает ситуацию.

Приписывание людей к гендеру, отличному от их гендерной самоидентификации, называют *принуждением к идентичности* (англ. identity enforcement) (Bettcher, 2007). Такое принуждение может распространяться дальше, чем намеренное называние человека в неправильном роде и неправильным именем, и может также включать принуждение к исполнению традиционной гендерной роли. В редких случаях трансфобия и основанное на ней угнетение распространяются на людей, не идентифицирующих себя как трансгендерные.

2. Угнетение по признаку трансгендерности

Практики угнетения можно отнести к нескольким группам:

- Насилие. Его можно разделить по форме на физическое, сексуальное и психологическое, а по месту — на домашнее¹, насилие на улице, на рабочем месте и так далее. Как крайнюю степень насилия можно рассматривать убийства, которых с 1 января 2008 г. по 1 октября 2014 г. в мире было зафиксировано 1612 случаев².
- Язык вражды (англ. hate speech). Высказывания о неполно-

1 Домашнему насилию посвящена глава 6.

2 Глобальный мониторинг убийств на почве трансфобии ведётся проектом «Transrespect versus Transphobia». Ежегодно фиксируется рост числа убийств трансгендерных людей — что, впрочем, свидетельствует не столько о росте самого числа убийств, а об улучшении качества мониторинга. По той же причине многократное отставание России от США по числу зафиксированных убийств не означает, что российское общество менее трансфобно.

ценности, (психическом) нездоровье, а также оскорбления, трансфобные шутки, обзывания, целенаправленное обращение с использованием нежелательного имени и рода.

- Отказ в признании идентичности. Отказ называть в желаемом роде и использовать желаемое имя; отказ в изменении имени и гражданского пола в документах, законодательство, препятствующее таким изменениям, различные требования (диагноз, операции) для проведения таких изменений; исключение из пространств, предназначенных для лиц того гендера, с которым (ближе всего) идентифицирует себя человек, например туалеты, палаты в больницах, тюремные камеры и так далее.
- Патологизация трансгендерности³. Рассмотрение трансгендерных людей как психически больных (и в бытовых ситуациях, и в рамках официальных процедур), наличие психиатрических диагнозов «транссексуализм» в МКБ-10 и «гендерная дисфория» в DSM-V, необходимость получения диагноза для изменения гражданского пола и/или тела.
- Нарушение репродуктивных, родительских и семейных прав⁴. Требование стерилизации или хирургических операций, равносильных стерилизации, для изменения гражданского пола; запрет на использование вспомогательных репродуктивных технологий; требование развода; лишение родительских прав.
- Дискриминация. Отказ в предоставлении равных возможностей при приёме на работу, повышении в должности, перевод на более низкую должность, перевод на должность, не требующую контакта с клиентами, необоснованные придирки, увольнение; отказ в приёме в учебное заведение; отказ в предоставлении медицинских услуг; отказ в сдаче жилья; отказ в открытии банковского счёта и так далее.

Разбиение на эти категории довольно искусственно, реальные практики угнетения часто подпадают под несколько групп.

3 См. главу 8 о депатологизации трансгендерности.

4 У меня было намерение включить в эту книгу главу о репродуктивных правах и транс* родителстве, но по некоторым причинам оно не реализовалось. Надеюсь, что когда-то напишу об этом отдельную книгу.

Различные организации проводят статистические исследования практик угнетения. Крупнейшее такое исследование, National Transgender Discrimination Survey, было проведено в США и включало 6450 трансгендерных и гендерно-неконформных людей (Grant, 2010). Исследования потребностей трансгендерных людей на постсоветском пространстве были проведены: в Украине (Инсайт, 2010), в России (Семенова, 2013), Казахстане (ALMA-TQ, 2015).

3. Микроагрессия

Помимо явного и преднамеренного угнетения, существуют менее уловимые бытовые угнетающие практики, часть которых совершается без злого умысла. К ним в первую очередь относятся случаи ненамеренного ошибочного гендерирования (англ. *misgendering*), совершаемого непроизвольно людьми, знающими о вашей гендерной идентичности (в случае, если неправильное гендерирование было допущено намеренно, это следует отнести к языку вражды и отказу в признании идентичности), так и часто незнакомыми встречными, решившими по вашей внешности, что вы те, с кем себя не идентифицируете. К этой же категории можно отнести такие частые вопросы, как «Вы мужчина или женщина?», «Это ваши документы?», «Когда планируете операцию?» — трансгендерные читательницы могут продолжить этот список неприятных вопросов. Сюда же можно отнести разговоры о «педиках» или «трансах» в вашем присутствии (или по телевизору). Распространённый случай такого угнетения возникает на пересечении сексистских и трансфобных стереотипов, например когда цисгендерных мужчин зовут двигать мебель, а транс* мужчину не зовут — в этом случае представление о слабости женщин сочетается с неявным указанием транс* мужчине, что он всё ещё женщина. Из моего личного опыта, когда я первый раз пришла в лабораторию, где сейчас учусь в аспирантуре, мне сказали, где находятся и женский, и мужской туалеты, из чего я заключила, что они не считают меня женщиной, ибо женщинам обычно не бывает нужен мужской туалет. Несмотря на то, что меня всегда зовут именем Яна, иногда, когда дело заходит о бюрократических вопросах,

некоторые сотрудни_цы могут употреблять моё паспортное имя, даже если произносить его было совершенно не обязательно.

Такие, обычно вербальные, часто встречающиеся угнетающие практики, не подходящие под понятие угнетения в его общераспространённой трактовке, называются *микроагрессией*. Честер Пирс, впервые введший этот термин в 1970 году, объясняет его так: «Большинство оскорбительных действий не являются явными и наносящими большой урон. Они едва различимы и при этом ошеломляющи. Громадность сложностей, которые они вызывают, может быть оценена, только если принять во внимание, что эти лёгкие удары наносятся непрестанно. Даже несмотря на то, что любой отдельный случай может восприниматься как относительно безобидный, суммарный эффект для жертвы и угнетателя огромен» (Pierce, 1970).

Из-за размытости этого понятия и того, что каждый такой случай в отдельности не представляется серьёзным, микроагрессия обычно упускается из виду как в правозащитном контексте (где есть тенденция привлекать внимание к тяжёлым резонансным преступлениям, включая убийства; на этом фоне другие разновидности угнетения теряются из вида), так и самими пострадавшими, которые не считают её угнетением. Информацию о микроагрессии тяжелее доносить до привилегированных групп, потому что в то время как с убийством могут столкнуться все и оно вызывает сострадание, микроугнетения часто очень специфичны для каждой угнетаемой группы и не воспринимаются как таковые остальными. Из-за неуловимости микроагрессии против неё невозможно принять антидискриминационные законы. От неё можно избавиться лишь путём долгой работы очищения общественного сознания от циснормативных предубеждений.

4. Ожидание отвержения

Как бы ни были распространены практики угнетения по признаку трансгендерности, всё же не все перечисленные ситуации случаются со всеми трансгендерными людьми. Тем не менее, большинство трансгендерных людей живут в стрессовой

ситуации из страха подвергнуться дискриминации, насилию или быть убитыми. Согласно «модифицированной теории ярлыков» (Link, 1999), разработанной для объяснения стигматизации людей с психическими расстройствами, люди, относимые к стигматизированной группе, даже не имеющие непосредственного опыта угнетения, ожидают негативного отношения со стороны окружающих. Это, с одной стороны, связано с интернализацией негативных стереотипов в отношении людей своей группы (в случае трансгендерных людей — интернализацией циснормативной модели), а с другой — с наличием информации об угнетении таких же людей, как они⁵. Ожидание отвержения ведёт к негативным последствиям, таким как проблемы с социальными связями, самооценкой, депрессиям и суицидальности.

На собственном примере могу сказать, что благодаря различным привилегиям я редко сталкиваюсь с непосредственными практиками угнетения: так, я не подвергалась сексуальному и физическому (за исключением митингов, где шла на риск добровольно) насилию, не подвергалась дискриминации на учёбе и работе, меня не пытались убить. Тем не менее, из-за ожидания угнетения я сильно сократила число социальных контактов, не смотрю людям в глаза, реже участвую в социальных мероприятиях; опасение лишних вопросов и оскорблений вынуждает меня лишний раз не переходить государственные границы, не посещать туалет, бассейн, отделы магазинов с «женской» одеждой и другие гендерно специфицированные пространства, что в целом снижает качество моей жизни даже при отсутствии непосредственного опыта угнетения в данных ситуациях. Столкнувшись с отказом в перемене ФИО со стороны ЗАГСа, я испытываю психологические трудности с тем, чтобы пойти в другой ЗАГС и попытаться ещё раз.

5. Причины трансфобии

Трансфобия является сложным явлением и не имеет однозначного объяснения. Это связано с составным характером группы, против

- 5 В этом смысле интересен аргумент в поддержку негативного эффекта мониторинга дискриминации, так как информация о статистике угнетения запугивает стигматизированных людей.

которой она обращена — причём в неё входят даже не только те, кто считает себя трансгендерными людьми. Мне кажется целесообразным выделять два вида трансфобии: а) по отношению к людям, которые однозначно воспринимаются в одном из двух гендеров, и при этом имеют гениталии, традиционно соотносимые с другим гендером (иными словами, эти люди обладают хорошим *пассом*⁶); б) по отношению к людям с гендерно неконформной внешностью. Учитывая, что пасс и гендерная конформность не являются чёткими и объективными критериями, эти два вида трансфобии будут пересекаться.

Джулия Серано (Serano, 2007) называет трансфобию в отношении людей с гендерно неконформной внешностью (возможно, правильнее было бы назвать такой тип трансфобии *квирфобией*) следствием так называемого *оппозиционного сексизма*, под которым она понимает «убеждение, что женщины и мужчины являются жёсткими, взаимоисключающими категориями, каждая обладающая уникальным и неперекрывающимся с другой набором свойств, склонностей, способностей и желаний». Помимо того, что это объяснение не раскрывает полностью механизм трансфобии по отношению к людям, читающимся как *цисгендерные женщины и мужчины*, мне оно не нравится тем, что оно создаёт иерархию между сексизмом и трансфобией.

Талия Беттчер (Bettcher, 2007) проводит глубокий анализ стереотипа о том, будто все трансгендерные люди являются «обманщиками» и «притворщиками». Она указывает на коммуникативную роль гендерной репрезентации, которая в *циснормативном обществе* выполняет функцию сообщения окружающим о строении гениталий человека. Те, кто использует эту функцию «неправильно», пытаются «ввести в заблуждение» окружающих. В качестве иллюстрации используются аргументы защиты обвиняемых в убийстве транс* женщины Гвен Аруджо в США, в которых утверждалось, будто она (по мнению убийц, «он») пыталась ввести в заблуждение мужчин, чтобы вступить с ними в сексуальный контакт (по их словам, изнасиловать). Другой

6 О «пассе» см. в главе 7, п. 4.

пример — сепарированные пространства для женщин, в которые транс* женщины (по мнению трансфобок, мужчины) якобы пытаются путём обмана «проникнуть» с целью изнасилования находящихся там женщин. Во всех случаях «обман» заключается в том, что эти люди своим гендером сообщают окружающим не о тех гениталиях, которые ожидает циснормативное общество. Именно поэтому, по мнению Беттчер, в большинстве случаев трансфобного насилия происходит обнажение гениталий жертвы с целью узнать «настоящий» «пол». Случай трансгендерных людей, прошедших генитальные операции, отличается только тем, что их органы считаются «ненастоящими», «искусственными». Причина же, по которой «пол» (определяемый в быту через форму гениталий) настолько важен для окружающих, что они готовы убить тех, кто сообщает о нём «неправильно», состоит в повседневных жёстко загендерированных практиках: мы обращаемся по-разному и ожидаем разной реакции от людей разного гендера, кроме того, нам предписано выполнять сексуальные ритуалы (это не только секс) только с людьми определённого пола, о котором нам сообщают при помощи гендерной репрезентации. В этом месте трансфобия находится в соприкосновении с сексизмом и гомофобией.

Далее Беттчер проводит аналогию между ролью гендерной репрезентации в сообщении генитального статуса и сексуального интереса. В последнем случае имеется в виду роль одежды как негласного согласия на секс. По мнению авторки, это не простая аналогия, и оба типа коммуницирования служат частью системы сексуального насилия. Раскрывая распространённое обвинение трансгендерных людей в изнасиловании, авторка проводит аналогию с расистским мифом о «чёрном насильнике» — оба они служат для оправдания угнетения. Таким образом показывается, как система репрезентации генитального статуса через гендер является частью более общей сексистской и расистской системы угнетения и насилия.

Обозначенные выше два механизма трансфобии являются двумя предельными случаями, которым подвержены как люди без «пасса», так и обладающие им. При том, что пасс — категория ни в коей мере не объективная и является функцией

не только индивида, но и гендерных стереотипов окружающих, освещения, окружающей обстановки и так далее, разделение этих механизмов на практике редко возможно.

6. Трансфобия и гомофобия

Исходя из корреляции между трансфобией и гомофобией, некоторые, в особенности трансгендерные гей-активисты, устанавливают между ними односторонне-направленную причинно-следственную связь. В их представлении трансфобия не только становится следствием гомофобии, но и её составной, маленькой частью. С этим мне пришлось столкнуться в 2013 году, когда я высказала пожелание добавить к названию ежегодной кампании «Неделя против гомофобии» упоминание о трансфобии: тогда утверждение о подчинённой роли трансфобии было использовано для обоснования упоминания о трансфобии. Такое замалчивание трансфобии само по себе является трансфобией и основано на желании сохранить распределение власти в «ЛГБТ»-движении в пользу трансгендерных геев, не желающих делиться ресурсами, которые могли бы быть потрачены на борьбу с гомофобией, для уничтожения трансфобии. Чтобы раскрыть эту логическую ошибку, достаточно спросить, почему из корреляции между трансфобией и гомофобией не выводится утверждение, будто гомофобия является частным случаем трансфобии? Такое утверждение имеет некоторый смысл, если учесть подверженность трансфобии людей, не идентифицирующих себя как трансгендер_ки. Как отмечает канадская трансфеминистка Вивиан Намастэ (Namaste, 2000), значительная часть насилия в отношении трансгендерных людей с не-«гетеросексуальной» ориентацией основана на трансфобии, так как именно их гендерная репрезентация, зачастую отличная от традиционно феминной или маскулинной (например, короткая стрижка и унисекс-одежда у транс-лесбиянок), часто становится ключом для распознавания их как представителей_ниц «ЛГБТ». Тем не менее, взаимосвязь между различными видами угнетения не может являться поводом для выстраивания между ними иерархий и замалчивания каких-то из них в пользу других.

Любопытно сравнить пересечения трансфобии и гомофобии для трансгендерных людей различной сексуальной ориентации. «Гетеросексуальные»⁷ трансгендерные люди подвержены обеим, если их воспринимают в «гендере», отличном от их «гендерной идентичности», или про их трансгендерность известно. В то же время «гомосексуальные» люди могут сталкиваться то с одной, то с другой в зависимости от того, в каком «гендере» их воспринимают. Так, когда я на улице держусь за руки с партнёркой, я часто не знаю, воспринимают ли окружающие нас как «женщин»-«лесбиянок» или меня как «мужчину»-«кроссдрессера» — соответственно, подвержены ли мы потенциально гомофобии или трансфобии. Впрочем, есть ещё третий вариант: когда меня воспринимали как «женщину», а мою партнёрку — как «мужчину».

7. Интернализированная трансфобия

Выше было показано, что в основе трансфобии лежит циснормативная модель, которая возникает из наблюдения цисгендерности у большинства людей. В результате цисгендерность начинает считаться нормой и единственно возможным вариантом, тогда как трансгендерность по умолчанию не существует, а если обнаруживается, то считается патологией. Такое объяснение не удовлетворительно в случае, когда циснормативность и трансфобия присущи самим трансгендерным людям, которые из первых рук знают, что такое трансгендерность, и имеют большое число трансгендерных знакомых. В этом случае мы имеем дело с передачей знаний, то есть вместо того, чтобы на основе собственного опыта строить гендерно-половую модель, эти люди перенимают модель, построенную другими людьми. Передача знаний стоит в основе развития человеческой цивилизации, и если бы все люди с нуля, самостоятельно «изобретали велосипед», они бы далеко не ушли. Однако некоторые передаваемые знания страдают предвзятостью и

7 Употребление терминов в скобках не означает, что трансгендерные «гетеро-» и «гомосексуальные» люди менее настоящие, чем цисгендерные, а только то, что, по моему мнению, сексуальной ориентации не существует, см. главу 1.

являются ошибочными. Перенимание знаний о группе, к которой принадлежит человек, от людей, которые находятся вне этой группы, называется *интернализацией*.

Само собой разумеется, именно трансгендерные люди имеют больше возможностей разобраться в трансгендерности — для чего же они вместо этого перенимают знания цисгендерных людей, осведомлённых в теме, как правило, поверхностно и ошибочно?⁸ Это определяется балансом власти — в данном случае под властью понимается способность определять мнение. В циснормативном обществе мнение цисгендерных людей ценится больше, чем мнение трансгендерных, даже если речь идёт о трансгендерности. Аналогично, мнению женщин в патриархатном обществе придаётся меньшее значение, чем мнению мужчин; мнению «пациенто_к» — меньшее, чем мнению «врачей», и так далее. Представительни_цы угнетённых групп принимают такое распределение власти и также верят, что их мнение, в том числе и о них самих, менее значимо, чем мнение привилегированной группы. Так возникают различные интернализированные, или внутренние, фобии: интернализованная трансфобия и гомофобия, интернализованная мизогиния и так далее. Особенно эффективно предубеждения привилегированных групп интернализируются непривилегированными при пересечении нескольких иерархий: например, трансгендерные люди часто доверяют трансфобным медицинским текстам (пересечение иерархий: цис/транс и врач/пациент).

Интернализованной трансфобии редко придают значение в правозащитной работе, считая её менее важной, чем практики угнетения со стороны цисгендерных людей и государства. Между тем никакая система угнетения не существует без поддержки и коллаборационизма со стороны самих угнетённых групп. Внутренняя трансфобия затрудняет учёт случаев угнетения, так как трансгендерные люди не осознают, что какие-то действия являются нарушением их прав, а если осознают, то считают, что

8 Обсуждение того, чьи знания являются более достоверными, см. в разделе о феминистской эпистемологии (глава 9, п. 3).

заслуживают этого. Я помню, как в одной интернет-дискуссии транс* женщина, оправдывающая требование хирургических вмешательств для смены гражданского пола, на мой комментарий, что это нарушает наши репродуктивные права, ответила что-то вроде «мы должны пойти на жертву, чтобы доказать, что мы настоящие транссексуалки». Я уверена, что депатологизации нам было бы добиться гораздо проще, если бы трансгендерные люди не несли на психиатрической комиссии циснормативную чушь, которую они прочли в медицинской книжке⁹. Было бы гораздо проще бороться с циснормативной системой, если бы не транс* активист_ы, защищающие интересы врачей, на которых последние потом ссылаются как на «голос транс* сообщества». У трансгендерных людей было бы меньше гендерной дисфории и внутренней трансфобии, если другие трансгендерные люди не транслировали на них циснормативные стереотипы и не строили иерархии в соответствии со своей «истинностью».

Избавление от циснормативной модели и трансфобии, которые в нас закладывались раньше, чем мы узнали, что являемся трансгендер_ками, — это процесс, в котором мы должны очистить свои собственные ощущения себя, своего гендера и своего тела от стереотипов, заложенных в нас при социализации. Это очень непросто, так как часто эти внешние модели настолько срастаются с нами, что практически неотделимы от наших настоящих ощущений и мыслей. Стоит больших усилий разобраться в своих мыслях, выяснить причины своих ощущений и отделить своё от чужого. Необходима длительная работа над повышением самосознания транс* людей, прежде чем мы научимся ценить свой собственный опыт выше, чем мнение циснормативных медицинских «авторитетов», и верить в то, что никто не знает больше о трансгендерности, чем мы сами.

9 При этом я осознаю, что без этой чуши большинство из них не получили бы диагноз. Моя критика относится в первую очередь к тем, кто искренне поддерживает такую систему и бездумно транслирует эту глупость другим.

8. Иерархии среди трансгендерных людей

Сегодня трансгендерные люди подвержены угнетению со стороны цисгендерных. Однако и внутри транс* «сообщества» они зачастую встречаются не с поддержкой, а с ненавистью и оскорблениями. Это происходит в отношении тех, кто отказывается признавать внутренние иерархии и следовать внутренней нормативности, которая присутствует в транс* «сообществе». Я пишу об этом в этой главе, потому что такие внутренние иерархии построены на интернализированной (цис)нормативности.

Здесь я отвлекусь от других пересекающихся иерархий (классовой, национальной...) ¹⁰ и сосредоточусь на угнетении собственно по признаку трансгендерности, которому я и сама подвергалась многократно со стороны других трансгендерных людей. Это угнетение возникает, когда вы не соответствуете внутреннему стандарту «настоящей транссексуалки (-а)» (также используется устаревший термин «ядерные»), в частности а) у вас небинарная гендерная идентичность, б) вы не выглядите достаточно женственно/мужественно, в) вы не чувствовали себя девочкой/мальчиком с раннего детства, г) вы не сделали операцию и/или не собираетесь её делать, д) вы не считаете своё состояние болезнью... Этот «внутренний» стандарт чётко отражает «внешнее» мнение циснормативного общества, и прежде всего медиков ¹¹, о том, какими должны быть трансгендерные люди: считается, они должны быть максимально приближены к стандартам циснормативности, раз уж цисгендерными они быть не могут. Таким образом, внутренняя иерархия в транс* «сообществе» полностью копирует цис/транс-иерархию общества в целом.

Особенное презрение «настоящие транссексуалки» испытывают по отношению к кроссдрессерам. Вот пример такого высказывания, взятый с одного из транс* форумов: «Сразу хочу заметить что ненавижу всяких трансвеститов и кроссдрессеров или чего там ещё бывает. В общем переодевашки не по мне...

10 Об интерсекциональности см. в главе 5.

11 Собственно, из медицинских критериев диагноза «транссексуализм» эти стандарты и берутся.

Надоели чулочки, сейчас хотя бы их стало меньше...»¹².

Помимо простой интернализации циснормативных стереотипов, играет свою роль и тот фактор, что трансгендерные люди, соответствующие стандарту «настояще_й транссексуалки (-а)», как правило, более успешны в жизни и становятся *моделями поведения* (англ. *role models*) для остальных, так как имеют множество цисгендерных привилегий¹³. Поскольку соответствие всевозможным циснормативным критериям воспринимается как признак успешности, те, кто им не соответствует, получают статус неудачни_ц. К последним в глазах этой части «сообщества» принадлежу и я из-за того, что ЗАГС и суд отказались изменить мне имя без изменения гражданского пола: «Шизофреников, вроде Ситникова, с уровнем успешности 0/10 по всем фронтам, посланного из всех ЗАГСов и даже судов с его идиотскими требованиями, можно не бояться»¹⁴.

Стремясь сохранить своё привилегированное положение на вершине внутренней иерархии, эти «настоящие транссексуалки (-ы)», прошедшие операции и унижения, обычно крайне консервативны и поддерживают патологизацию и сложную процедуру смены документов, так как в противном случае другие смогут получить такие же привилегии, не подвергаясь той же боли и унижению, что они. Это очень похоже на воспроизводство насилия в семье, где дети, избиваемые родителями, вырастают и начинают бить собственных детей. Эти «настоящие» трансген-

- 12 Здесь и в следующем цитировании я не даю ссылки с тем, чтобы это не воспринималось как попытка выяснения личных отношений с моими оппонент_ками на страницах книги. Если эти ссылки вам потребуются для исследования, я могу их предоставить в индивидуальном порядке.
- 13 О привилегиях см. в главе 4.
- 14 Данная фраза хорошо суммирует взгляды этой части «сообщества»: почитание авторитетов всех мастей (законодателей, медиков); психофобия, выражающаяся в навешивании на оппоненто_к психиатрических диагнозов с целью выгородить самих себя как «нормальных» в глазах упомянутых авторитетов; наконец, подчеркнутое неуважение к гендерной идентичности оппоненто_к, с полным знанием на собственном опыте того, как это может быть неприятно.

дерные люди начинают идентифицировать себя с трансгендер_ками, и в то же время, «быть трансгендер_кой» у них ассоциируется с «быть угнетател_ницей». Этот механизм похож у различных

Рисунок 4: Иерархия внутри транс* «сообщества»

угнетённых групп: например, создатель критической педагогики Пауло Фрейре пишет: «Практически всегда, на начальном этапе борьбы, угнетённые, вместо борьбы за освобождение, имеют тенденцию сами становиться угнетателями, или "субугнетателями". Сама структура их мысли обусловлена противоречиями конкретной, экзистенциальной ситуации, в которой они были сформированы. Их идеал в том, чтобы быть человеком; но для

них быть человеком значит быть угнетателем. Это их модель гуманности» (Friere, 1973). Вместо разрушения системы угнетения целью угнетённых становится переход на противоположный полюс существующей системы — то есть они стремятся стать угнетателями. «Редкий крестьянин, будучи "повышенным" в надсмотрщики, не становится ещё большим тираном по отношению к бывшим товарищам, чем сам владелец» (там же). Как видно, ситуация с трансгендерными людьми, добившимися трансгендерных привилегий, в плане их отношения к менее удачливым «товарищ_кам» по «сообществу» очень схожа. Это поистине ужасно, когда люди, забитые и задавленные со всех сторон, вместо объединения для борьбы против системы угнетения пытаются самоутвердиться за счёт травли тех, кто ещё

более забиты и унижены. С похожей ситуацией сталкиваются молодые женщины, часто угнетаемые даже в большей степени матерями, свекровьями, преподавательницами и другими старшими женщинами, чем какими-то конкретными мужчинами.

9. Стереотипная трансфобия

Транс* «сообщество» самим фактом своего существования рушит многие стереотипы. Вместе с тем внутри себя оно создаёт новые непререкаемые догмы и авторитеты, и его участницы, претендуя на прогрессивность, на деле демонстрируют не меньший догматизм, консерватизм и ксенофобию в отношении альтернативных точек зрения, что и среднестатистические цисгендерки.

Идентифицируя себя как часть транс* «сообщества», я нахожусь в оппозиции к внешней циснормативной системе, но помимо этого выступаю в качестве внутренней оппозиции к большинству людей из «сообщества». Если не вникать в детали, то может показаться, что я выступаю против трансгендерных людей. И действительно, меня часто обвиняют в трансфобии.

Проблема здесь состоит в том, что принадлежность к трансгендерным людям ещё вовсе не означает критического осмысления гендерных вопросов. Напротив, в транс* сообществе витают самые безумные предубеждения в отношении как трансгендерности, так и гендера в целом. Частью этих убеждений являются стереотипы о том, какие высказывания следует считать трансфобными. Например, если вы скажете, что трансгендерными людьми не рождаются, «пол мозга» — это глупость, а пропаганда трансгендерности существует, вас скорее всего немедленно запишут в трансфобки. Почему? Да потому, что этих убеждений, как правило, придерживаются трансфобки, а трансгендерки, как правило, придерживаются противоположных. При этом существование иных вариантов, вроде трансгендерных людей с социально-конструктивистским мировоззрением, — и тем более того, что среди трансгендерных людей существует трансфобия — в этом упрощённо-поляризованном дискурсе не допускается. Аналогично, если вы заявите, что гормоны и операции государство

вовсе не обязано оплачивать, и напишете целую статью о том, что желание делать эти операции социально сконструировано, вас всё равно обвинят в трансфобии. Потому что никого не волнуют ваши мудрёные доказательства. Известно же, что операции должны быть бесплатными, а всё остальное — трансфобия.

Противопоставлять одной системе догм другую — это путь в никуда. Просто потому, что после этих дискуссий все остаются при своих мнениях. У каждой стороны есть чётко очерченный набор аргументов, которые считается необходимым в каждой дискуссии выложить. Они приводят доказательства, но не рефлексируют, а просто повторяют то, что лучше подходит под их позицию. Но на этом всё и кончается.

Наверное, дух *радикального сомнения*, в целом свойственный научному методу, всё же проник в меня после нескольких лет, что я занималась химией сначала в университете, а теперь и в аспирантуре. Этот принцип подразумевает критическое отношение к любым теориям и аргументам, как чужим, так и своим собственным. И да, критикуя сейчас стереотипы, которыми обросло транс* «сообщество», я критикую и себя тоже. Когда я начинала себя идентифицировать как транс* женщина, я сама так думала. Я тоже верила, что у меня произошёл какой-то сбой во время внутриутробного развития, что мне нужны операции, а ссылка на мнение какого-нибудь авторитетного сексолога или психиатра для меня была бесспорным доказательством достоверности аргумента. И я с тем большим правом критикую других, что одновременно критикую и свои собственные ранние заблуждения. И с большой вероятностью я буду критиковать в будущем мысли, которые высказываю в своих текстах сейчас. Часто это даже не столько ошибки, сколько общеупотребительные слова и идеи, которые я временно приняла как данность, потому что ещё не успела отрефлексировать эту тему, но планирую это сделать в будущем.

Критика позиций транс* «сообщества» — это не всегда трансфобия. Это не двойное отрицание, которое возвращает в исходное положение (в нашем случае, циснормативность), а отрицание отрицания, которое приводит к движению вперёд.

III

Трансфеминизм

*трансфобия в феминизме -
транссексуальная империя -
возникновение трансфеминизма
- право распоряжаться телом -
биологические аргументы
исключения и их критика -
универсальный женский опыт
- мужские и цисгендерные
привилегии - гендерные стереотипы -
антифеминизм*

Трансфеминизм можно определить как «направление, прилагающее феминистский дискурс к трансгендерным вопросам и трансгендерный дискурс к феминистским вопросам»¹. Один из примеров использования такого подхода — эта книга, где феминистская методология (теория привилегий, интерсекциональность...) применяется к цис/транс-иерархиям, а с точки зрения трансгендерности поднимаются такие важные для феминизма вопросы, как то, какие группы он защищает, кто такие «женщины».

Трансфеминизм возник как ответ на трансфобные взгляды радикальных феминисток², распространившиеся с конца 70-х годов в США. Для них транс* женщины были не женщинами, а мужчинами, вторгающимися в «женские» пространства. Особую угрозу они видели в транс* лесбиянках, идентифицирующих себя как феминистки, которые, по их мнению, являлись агентами патриархата, призванными внедриться в феминистское движение и разрушить его изнутри. Аргументами против признания их женщинами служили как биологические (хромосомы, половые органы), так и социально-конструктивистские (отсутствие опыта угнетения, мужские привилегии).

Если бы не неприятие транс* женщин феминистками, возможно, трансфеминизм не появился бы как самостоятельное направление, либо был каким-то другим трансфеминизмом. До сих пор борьба с трансфобией внутри феминистского движения остаётся одной из главных повесток трансфеминизма.

- 1 Это определение я когда-то прочла в англоязычной Википедии, где была указана ссылка на Hill, R.J. (2002). *In the Shadow of the Arch*. Как выяснилось позже, ничего такого Hill не писал, однако определение, откуда бы оно ни взялось, в целом удовлетворяет меня, поэтому я решила оставить его здесь.
- 2 В отношении этой группы радикальных феминисток в английском часто используют термин TERF — Trans-Exclusionary Radical Feminist. Следует, однако, иметь в виду, что далеко не все радикальные феминистки проявляют трансфобию.

Особенно это актуально для русскоязычного феминистского движения, в котором дискуссии о трансгендерности возникли совсем недавно, начиная с 2013 года. Поэтому значительная часть этой главы будет посвящена циснормативным аргументам феминисток и их опровержению с позиций трансфеминизма. Вместе с тем трансфеминизм не ограничивается борьбой внутри феминистского движения, но формирует теоретическую базу для транс* активизма. Конец главы будет посвящён отношению трансгендерных людей к феминизму.

1. Истоки трансфобии в феминизме

Одним из первых примеров негативного отношения феминисток к транс* женщинам можно считать изгнание Бэт Эллиот с Конференции лесбиянок в Лос-Анжелесе в 1973 году. Радикальная феминистка Робин Морган обвинила Эллиот в том, что она является «оппортунистом, нарушителем границ и разрушителем — с ментальностью насильника» (Faderman, 2006). Трансфобные взгляды получили распространение в феминистской среде благодаря книге экофеминистки Мари Дэйли «Гун/Ecology», в которой она пишет, что «транссексуализм является примером хирургической технологии, созданной мужчинами, которая наводняет мир женщин подделками» (Daly, 1978). Она ставит изменение «пола» в один ряд с клонированием, созданием искусственных маток и другими технологиями, которые являются проявлениями «фаллократического нарушения границ». Особенную известность получила написанная в 1979 году «Транссексуальная империя» (Raymond, 1994/1979) радикальной феминистки Дженис Реймонд, которая написала её в качестве диссертации под руководством М. Дэйли. Эта книга служит энциклопедией по феминистской трансфобии, в ней приведены все трансфобные аргументы, которые феминистки используют по сей день — фактически с 1979 года они не придумали ничего нового, а только перефразировали и углубляли мысли, высказанные Реймонд.

По мнению Дж. Реймонд, «мужественность и женственность определяются соответствующими хромосомами и последующей

историей жизни в качестве хромосомного мужчины или женщины». Рассуждая далее о компонентах пола, она говорит о возможности изменить анатомический, гормональный и гражданский пол, но не хромосомный, и задаётся вопросом: «Если мы не будем рассматривать хромосомный пол как определяющий фактор, вместе с последующей историей жизни в качестве хромосомной женщины или мужчины, что мы реально имеем ввиду, когда говорим “женщина” или “мужчина”?» Это рассуждение могло бы привести к пониманию размытости категорий «женщина» и «мужчина» и деконструкции гендерной бинарности, однако из-за эссенциализма, преобладавшего в феминизме США второй волны, ответ на этот вопрос не мог быть другим, кроме как что женщина — это человек с хромосомами ХХ, а мужчина — ХУ. Таким образом, Реймонд настаивает, что транс* феминные люди остаются мужчинами, а транс* маскулинные — женщинами. А раз так, на протяжении книги используются местоимения «он» для обозначения транс* женщин и «она» для транс* мужчин.

Дж. Реймонд описывает гендерную дисфорию как проявление угнетения и сексизма, характерного для гендерных ролей, и считает патриархат причиной неудовлетворённости предписанной ролью. Под «транссексуальной империей» она понимает патриархатный³ медицинский конгломерат, который призван поддерживать гендерное неравенство, представляя смену пола как лечение для тех, кого оно не устраивает.

Особенную опасность для женщин, с точки зрения Реймонд, представляют транс* женщины, позиционирующие себя как феминистки и лесбиянки. «Транссексуально созданные лесбийские феминистки показывают ещё одно лицо патриархата. В то время как мужчина-в-конструированную-женщину проявляет попытки обладать женщинами в телесном смысле, разыгрывая образы, которые мужчины создали для женщин,

- 3 Патриархатом в феминистской традиции называется социальная организация, при которой преобладает господство мужчин. Противоположный термин — матриархат. Прилагательным от слова патриархат является “патриархатная” (в то время как “патриархальная” мы относим к старине).

мужчина-в-конструированную-женщину, утверждающий, что является лесбийской феминисткой, пытается обладать женщинами на более глубоком уровне, на этот раз под личиной оспаривания, а не следования стереотипно феминной роли и модели поведения»⁴. По мнению авторки, такие засланные агенты патриархата могут быть использованы мужчинами для контроля над женским движением.

В качестве примера того, как трансгендерные лесбиянки-феминистки захватывают доминирующее положение в феминистских сообществах, Реймонд приводит историю транс* женщины Сэнди Стоун, работавшей в женской звукозаписывающей компании «Оливия Рекордс» звуко-режиссёркой: «Стоун не только важна для “Оливии”, но и играет в ней доминирующую роль» — пользуясь своим положением, она «разделяет женщин, как часто поступают мужчины, делающие своё присутствие необходимым и жизненно важным для женщин». В качестве другого примера упоминается транс* женщина Кристи Барски, которая «поставила себя в такую же доминантную позицию, на этот раз тренируя женскую команду по софтболу, координируя конференцию на тему женщин и насилия, работая в женском центре и выступая в местах только для женщин».

Реймонд критикует и самих лесбийских феминисток, которые охотно принимают в своё сообщество транс* женщин. Она видит три причины, почему они так поступают: либерализм, признательность в отношении угнетателей, перешедших на сторону угнетаемых, и наивность. По её мнению, либерализм по отношению к транс* женщинам «может только содействовать обладанию женщин мужчинами и укрепить его». Рассматривая вторую причину, она пишет, что «благодарность является чертой, которую все угнетённые группы проявляют, когда думают,

4 В английском тексте Реймонд употребляет слова *male-to-constructed-female* вместо чаще употребляемого термина *male-to-female* (МтФ), чтобы подчеркнуть, что транс* женщины не являются настоящими женщинами. С этой же целью прилагательное «транссексуальные» часто заменяется на «транссексуально созданные» (англ. *transsexually constructed*).

что кто-то из класса угнетателей наконец отказался от своих привилегий, чтобы присоединиться к ним». Она оспаривает мнение о том, что, меняя пол на женский, мужчины теряют свои мужские привилегии: она считает, что, напротив, такой мужчина получает дополнительные привилегии в женском обществе, где ему не нужно конкурировать с другими мужчинами.

Реймонд приравнивает присваивание женского тела к изнасилованию, о чём она пишет в следующих словах, ставшими самой известной цитатой из её книги: «Все транссексуалы насилюют женские тела, низводя реальных женщин до артефакта и присваивая их тела себе. Транссексуальные лесбиянки-феминистки оскверняют женскую сексуальность и дух. Насилие, обычно совершаемое силой, может быть также осуществлено посредством обмана». Мотив изнасилования часто встречается в феминистской критике трансгендерности. В том же месте Реймонд приводит цитату из письма в журнал «Sister» по поводу С. Стоун: «Я чувствую себя изнасилованной, когда “Оливия” принимает Сэнди, транссексуалку, как настоящую женщину». Коллектив компании выступил в защиту Стоун, но она была вскоре вынуждена уволиться из-за информационного давления, организованного Реймонд и её сторонницами. Позже именно Сэнди Стоун опубликовала ответ на трансфобную критику в статье «Империя наносит ответный удар» (Stone, 1991), которую считают первой работой по трансфеминизму.

Не умаляя роли циснормативности в книге «Транссексуальная империя» и её негативного влияния на феминизм, я тем не менее хотела бы предостеречь от позиции, будто всё написанное Дж. Реймонд по определению является трансфобией, а все, чьи взгляды в чём-то совпадают со взглядами Реймонд или других радикальных феминисток, также трансфоб_ки. Так, мне близки её взгляды на неудовлетворённость гендерной ролью как важнейшую причину трансгендерности. Также мне кажется верным утверждение о существовании некой «медицинской империи», заинтересованной в сохранении диагноза «транссексуализм» и «лечении» трансгендерных людей с помощью операций, только её задачей является поддержание не гендерного неравенства, а циснормативности.

2. Возникновение и развитие трансфеминизма

Первым отзывом на книгу Дж. Реймонд, написанным транс* женщиной, стала статья Кэрол Ридделл «Divied Sisterhood» (Riddell, 1980). Она критикует Реймонд за догматизм, с которым та утверждает, что единственной причиной трансгендерности является патриархат, что транс* женщины — это мужчины, а транс* мужчины — это женщины; за игнорирование опыта трансгендерных людей, отрицание исторических сведений о трансгендерности, попытку представить её как изобретение современной патриархатной медицинской «империи». Ридделл приводит статистику, согласно которой в США около 4 000 трансгендерных людей на 205 млн жителей (то есть 1:50000), причём всего лишь около десяти из них участвуют в феминистском движении⁵, в связи с чем обвиняет Реймонд в раздувании проблемы и попытке «переключения энергии и гнева [феминисток], которые должны направляться вовне, против мужской системы — внутрь, против небольшой группы уязвимых женщин». Роль, которая в книге отводится клиникам по изменению морфологического пола, сильно преувеличена — это направление не только не является центральным в патриархатной медицине, но напротив, маргинализировано.

В 1991 году Сэнди Стоун опубликовала ответ на критику трансгендерных людей, представленную в «Транссексуальной империи» Дж. Реймонд. В своей статье «Империя наносит ответный удар: (пост)транссексуальный манифест» она критикует не только трансфобные феминистские высказывания, но и медицинское сообщество, и самих трансгендерных людей. Так, она отмечает недостоверность исследований, в которых транс* женщины были описаны как «подавленные, замкнутые, шизоидные личности

- 5 Ридделл приводит сильно заниженные данные (стоит учитывать, что статья написана в 1980-м), более того, между транс- и цисгендерностью нет чёткой границы. Тем не менее, по моим субъективным ощущениям, людей, идентифицирующих себя одновременно как транс* женщины и феминистки, крайне мало.

со склонностью к конфликтам»⁶. Приводя выдержки из автобиографий транс* женщин («Man into Woman» Лили Элбе, «I changed my sex!» Hedy Jo Star и «Conundrum» Jan Morris), она критикует их за бинарное мышление: «Авторки укрепляют бинарный, оппозиционный способ гендерной идентификации. Они делают переход из однозначных, хотя и несчастных, мужчин в однозначных женщин. Без вариантов между ними». В качестве иллюстрации цис- и гетеронормативного мышления приводится автобиография Лили Элбе, в которой та утверждает, будто после операции по изменению морфологического пола у неё изменились голос, стиль письма и даже сексуальная ориентация: если раньше ей как мужчине нравились исключительно женщины, то после операции она захотела выйти замуж за мужчину.

С. Стоун говорит об исключённости трансгендерных людей из дискуссии о трансгендерности: «как и генетические женщины, транссексуалки представляются как инфантильные, неспособные к логическому мышлению или неответственные за достижение своей истинной субъективности, их мнение стирается с помощью диагностических критериев». В последней части своей работы «Посттранссексуальный манифест» Стоун пытается найти место трансгендерных людей между женским и мужским полюсами бинарной гендерной модели. Она критикует тех трансгендеро_к, которые подстраиваются под нормы выбранного гендера и выдумывают истории о своей прошлой жизни, тем самым стирая собственную идентичность как трансгендерных людей.

3. Взгляды на природу трансгендерности и право распоряжаться своим телом

По мнению большинства радикальных феминисток, трансгендерность является следствием неудовлетворённости предписанной гендерной ролью. Дж. Реймонд пишет, что

- 6 По моим наблюдениям, среди трансгендерных людей многие действительно подходят под это описание, включая меня. Думаю, нуждаются в исследовании и устранении причины, приводящие к психологическим проблемам у транс* людей, и главной такой причиной является циснормативное общество.

«первопричиной транссексуализма является гендерно специфицированное общество, чьи нормы маскулинности и феминности порождают желание изменить пол» (Raymond, 1994/1979). Шейла Джеффрис считает хирургическое изменение пола «косметическим решением более глубоко укоренившихся проблем» (Bindel, 2005). Эта же идея присутствует у Жермен Грир, которая пишет, что «лечением страданий, вызванных гендерной ролью, является не нанесение увечья страдающему, а радикальное изменение гендерных ролей» (Greer, 1999). В том же смысле Глория Стайнем писала свою знаменитую фразу «если вам не подходит обувь, должны ли вы изменять ногу?» (Stainem, 1995/1983)⁷.

Сами по себе такие взгляды на природу трансгендерности не являются циснормативными или трансфобными, более того, я их разделяю⁸. Неверным является вывод, что раз смена пола представляется как простая альтернатива борьбы с патриархатом, её следует запретить и изменять общество, но не тела людей. Ш. Джеффрис (Jeffreys, 1997) рассматривает гормональное и хирургическое изменение «пола» как нарушение прав человека, основываясь на преувеличенных данных о вреде гормональной терапии — в частности, она поддерживает распространённый миф о повышенном риске возникновения рака при приёме гормонов, что не подтверждается исследованиями (Wierckx, 2012). Дж. Реймонд во введении к изданию «Транссексуальной империи» от 1994 года поддерживает закрытие программы по изменению «пола» в клинике Джона Хопкинса, в чём видит в том числе свою заслугу.

7 В 2013 году Глория Стайнем изменила свою позицию и написала в блоге «Op-ed: On Working Together Over Time»: «Сегодня я хочу быть недвусмысленной в своих словах: я верю, что трансгендерные люди, включая тех, кто сделали переход, живут настоящими, подлинными жизнями. Эти жизни должны прославляться, а не ставиться под вопрос. Их решения о медицинской помощи должны приниматься ими и только ими. И то, что я писала несколько десятилетий назад, не отражает того, что мы знаем сегодня, когда мы отходим от бинарных коробок “маскулинного” или “феминного” и начинаем жить во всём континууме идентичностей и самовыражений».

8 Подробнее о формировании гендерной идентичности см. в главе 9.

Радикальная феминистка Андреа Дворкин также винит общество в возникновении трансгендерности: «Не слишком умно принимать суждение психиатров о том, что транссексуальность вызвана неправильной социализацией. Более вероятно, что транссексуальность вызвана неправильным социумом» (Dworkin, 1974). По её мнению, «построение общества на основе андрогинной идентичности будет означать конец для транссексуальности, какой мы её знаем. Либо транссексуалы смогут расширить свою сексуальность до изменчивой андрогинной, либо, по мере исчезновения ролей, феномен транссексуальности исчезнет». Однако Дворкин не заставляет трансгендерных людей становиться в авангарде движения за разрушение патриархата и говорит о том, что «каждый транссексуал имеет право выживать на своих условиях», что включает в себя и проведение операций по изменению морфологического пола, которые она предлагает осуществлять бесплатно за счёт общества.

Взгляды самих трансфеминисток на природу трансгендерности различаются в широком спектре — от эссенциалистских до социально-конструктивистских. Тем не менее, трансфеминисток связывает понимание того, что право на изменение своего гендера и своего тела, в том числе хирургическим путём, является неотъемлемым правом человека. Эми Койяма так формулирует позицию трансфеминизма по этому вопросу: «Во-первых, мы убеждены, что каждый человек имеет право обозначать свою собственную идентичность и ожидать от общества уважения к своему выбору. Это также включает право выражать наш гендер без страха дискриминации или насилия. Во-вторых, мы утверждаем своё полное право принимать решения относительно собственного тела, и никакие политические, медицинские или религиозные авторитеты не имеют права нарушать целостность наших тел против нашей воли или препятствовать нашему решению о том, что делать с ними» (Койяма, 2003). Ряд авторо_к связывает право на изменение морфологического пола с правом на аборт, так как в обеих ситуациях речь идёт о праве человека самостоятельно распоряжаться своим телом.

4. Биологические аргументы

Высказанное Дж. Реймонд в «Транссексуальной империи» мнение о том, что женскость определяется XX-хромосомами и последующим воспитанием в женской гендерной роли, характерно для эссенциалистского феминизма. Ж. Грир идёт дальше, утверждая, что AIS-женщины⁹ не являются женщинами, несмотря на воспитание в женской роли с раннего возраста, только на основании наличия у них Y-хромосомы.

Другим биологическим аргументом, используемым, чтобы не признавать идентичности транс* женщин, является наличие у многих из них органов, которые в циснормативной системе именуются «мужскими». Определение женщин как людей, обладающих вагиной, часто используется для исключения транс* женщин, не прошедших операцию, из пространств «только для женщин». Так, по результатам опроса, проведённого в 1992 году во время Мичиганского фестиваля женской музыки, куда допускались только «женщины, родившиеся женщинами» («womyn-born-womyn¹⁰»), большинство участниц поддерживали возможность участвовать для транс* женщин, прошедших операцию по изменению морфологического «пола», но были против тех, кто такой операции не подвергались (Коуата, 2000).

Трансфеминистки критикуют упрощённое понимание «пола», основанное на разнице хромосомного набора или строения так называемых «половых» органов. Утверждение о том, что человек и е_ё судьба определяется биологией, является не только трансфобным, но и антифеминистским. «По своей

- 9 *Androgen Insensitivity Syndrom* — «синдром нечувствительности к андрогенам» — патологизирующее название половой вариации, при которой у людей с высоким уровнем андрогенов не развиваются «мужские» половые признаки: такие люди выглядят так, как обычно выглядят люди, идентифицирующие себя как женщины, и чаще воспитываются как девочки.
- 10 «Womyn» — альтернативное написание слова «woman» («женщина»), используемое некоторыми англоязычными феминистками для того, чтобы символически разрушить представление о том, что женщина является разновидностью «мужчин» («man»).

сути феминизм базируется на убеждении, что женщины — это гораздо больше, чем пол тела, в котором мы рождаемся, и наши идентичности и способности могут превосходить ограниченную гендерную социализацию, которую мы получаем в детстве. Я ещё не встречала людей, которые могли бы объяснить мне, как лишение транссексуальных женщин права участвовать в женских мероприятиях совмещается с этим основным принципом феминизма» (Serano, 2007).

Сведение личности к гениталиям не только является объективизацией, но и поддерживает миф о том, что мужская власть каким-то образом связана с наличием фаллоса — миф, нашедший наиболее яркое выражение в теориях психоаналитиков. К сожалению, сами трансгендерные люди поддерживают такую объективизацию, когда говорят, что родились «не в том теле»; эта же фраза долгое время фигурировала в медицинских критериях диагностики «транссексуализма». Использование этой фразы подразумевает, что для каждого гендера существует только одно, «правильное» тело, а все остальные тела — неправильные, что создаёт взаимно-однозначную привязку гендера к биологическому полу¹¹.

Принятие одной группы — транс* женщин, прошедших операции — и игнорирование другой ставит первых в привилегированное положение и поддерживает иерархии внутри транс* сообщества. Такая тактика выгодна патриархату, так как постоперационные транс* женщины присоединяются к угнетателям и поддерживают угнетение тех транс* женщин, которые не вписываются в рамки циснормативной модели. Так, группа транс* женщин выступила в 2000 году с открытым письмом, где раскритиковала радикальные действия организации Camp Trans, которая требовала доступа на Мичиганский фестиваль женской музыки для транс* женщин вне зависимости от факта прохождения операций и тем самым якобы «сознательно игнорировала пожелания большинства участниц, чтобы фестиваль оставался женским пространством и зоной, “свободной от пенисов”» (Elliott, 2000).

11 О критике концепции «чужого тела» см. в главе 7.

5. Универсальный женский опыт

Часто встречающимся аргументом противниц признания идентичностей транс* женщин является отсутствие у них истории угнетения как женщин. Идея о существовании некоего *универсального женского опыта*, объединяющего всех женщин в *мировое сестринство*, характерна для феминизма США второй волны. Она основана на том, что патриархат и его методы угнетения всюду одинаковы, поэтому все женщины как угнетаемый класс имеют универсальный жизненный опыт. Так, Робин Морган во введении к книге «Sisterhood is Powerful» (Morgan, 1970) пишет, что «движение за освобождение женщин является первым радикальным движением, которое создаёт свою политику на основе персонального опыта <...> Его [опыт] разделяет каждая женщина, и таким образом, он является политическим». Женское движение «также является первым движением, имеющим возможность преодолеть все классовые, расовые, возрастные, экономические и географические барьеры — так как женщины в каждой группе играют абсолютно одинаковую роль, хотя и под разными декорациями и костюмами: составную роль жены, матери, сексуального объекта, родильницы, детей, источника дополнительного дохода, помощницы, воспитательницы, хозяйки и так далее».

Транс* женщины, прожившие значительную часть жизни в мужской гендерной роли, не могли получить такого опыта, следовательно, по этой логике, не могут быть женщинами. Отвечая на вопрос о том, кто такие женщины, Дж. Реймонд пишет: «Мы знаем, что мы являемся женщинами, которые рождены с женскими хромосомами и анатомией, и независимо от того, социализированы ли мы как так называемые нормальные женщины, патриархат рассматривал и будет рассматривать нас как женщин. Транссексуалы же не имели такого прошлого. Ни один мужчина не может иметь прошлое, в котором он рождён и находился в этой культуре как женщина. Он может иметь прошлое, в котором он мечтал стать женщиной или играл роль женщины, но это гендерный опыт транссексуала, а не женщины» (Raymond, 1994/1979).

Идея мирового сестринства, основанная на общем опыте угнетения, критикуется феминистками третьей волны в США. Она уходит корнями в патриархат и отражает мнение о превосходстве мужчин. Одна из основоположниц чёрного феминизма¹² бэлл хукс пишет: «Сексистская идеология учит женщину, что быть женщиной значит быть жертвой. Вместо того, чтобы отвергнуть такое положение (которое мистифицирует женский опыт — в повседневной жизни большинство женщин не являются беспрестанно пассивными, беспомощными и безвластными “жертвами”), участницы движения за освобождение женщин приняли его, сделав общую виктимизацию основой для объединения женщин» (hooks, 1984). Таким образом, чтобы идентифицировать себя с феминистским движением, женщина должна непременно ощущать себя жертвой. Идея об общей виктимизации отталкивает, с одной стороны, сильных, уверенных в себе женщин, и с другой — наиболее угнетённых, которым психологически трудно признать своё угнетение и, соответственно, объединиться на его базе с другими женщинами. Кроме того, идея сестринства была развита белыми женщинами среднего класса, которые переносили свой опыт угнетения на всех остальных женщин без учёта других видов дискриминации: «Идея об “общем угнетении” была ошибочной и искажённой концепцией, скрывающей и мистифицирующей истинную природу различной и сложной социальной реальности, в которой живут женщины. Женщины разделены сексизмом, расизмом, классовыми привилегиями и множеством других предрассудков. Устойчивая связь между женщинами может возникнуть только посредством борьбы с этими разделениями, когда предприняты необходимые шаги для их устранения» (hooks, 1984).

Трансфеминизм присоединяется к критике идеи сестринства со стороны феминисток третьей волны. Трансфобия — ещё один барьер, разделяющий женщин на враждующие лагеря и препятствующий совместной борьбе с патриархатом. Действительной солидарности между женщинами можно

- 12 Чёрный феминизм (англ. black feminism) — направление феминизма, занимающееся проблемами на пересечении сексизма и расизма (интерсекциональность, см. главу 5).

добиться, только уважительно относясь к опыту каждой, но не путём исключения групп, не соответствующих умозрительным стандартам, или деления женщин на правильных и неправильных. «Чтобы создать политическую солидарность между женщинами, феминистские активистки не могут объединяться на условиях, заданных доминантной идеологией в культуре. Мы должны выработать собственные условия. Вместо того, чтобы объединиться на базе общей виктимизации или в ответ на ложное чувство общего врага, мы можем объединиться на базе нашей политической приверженности феминистскому движению, целью которого является прекращение сексистского угнетения» (hooks, 1984). Высказывания трансфеминисток в этом смысле очень схожи: «Не общее прошлое по-настоящему объединяет феминисток (ведь каждая обладает уникальным жизненным опытом), но наша общая приверженность к борьбе против обесценивания женкости и женственности в нашем обществе и двойных стандартов по отношению к обоим полам. В этом смысле циссексуальные и МтФ феминистки имеют много общего» (Serano, 2007). Поскольку трансфобия взаимно переплетается с сексизмом, усилия по её преодолению должны предприниматься не только трансфеминистками — эта тема в той или иной степени касается и феминисток других направлений.

Можно возразить, что транс* женщины не имели не только другого, но и вообще никакого опыта угнетения до «перехода», а, напротив, являлись угнетателями. Это неверно, так как транс* женщины не стали женщинами в момент операции по изменению морфологического «пола» или в результате изменения гормонального фона, но в большинстве своём начали ощущать себя женщинами с достаточно раннего возраста. Они подвергались угнетению, когда пытались выражать свой гендер в соответствии со внутренним самоощущением, а не приписанным при рождении «полом». Однако принадлежность цисгендерных женщин к угнетаемой группе не является для них препятствием к угнетению других женщин. Таким образом, упрощённое бинарное деление на угнетателей и угнетённых не соответствует реальности и не может быть использовано для категоризации людей на тех, кого можно считать женщинами, а кого нельзя.

6. Мужские привилегии

Ещё одним поводом для отказа в признании транс* женщин в полной мере женщинами является наличие у них мужских привилегий. Дж. Реймонд ссылается на открытое письмо в компанию «Оливия», где работала Сэнди Стоун, в котором автор_ки отмечают, что «мужские привилегии Стоун дали ему возможность получить [необходимые для выполнения этой работы] навыки» (Raymond, 1994/1979). В другом месте Реймонд пишет, что транс* женщины на самом деле не отказываются от своих привилегий, и приводит выдержку из другого письма: «Мужчина, который решает назвать себя женщиной, не отказывается от своих привилегий. Он просто использует их более коварно».

Большинство транс* женщин скажет, что их мужское воспитание не только не было для них привилегией, но и являлось источником постоянного дискомфорта, непонимания и унижения. «Однако как трансфеминистки мы должны противостоять такой упрощённой реакции <...> Большинство транс* женщин воспринимались как мужчины по крайней мере на каком-то этапе своей жизни, и, следовательно, к ним было предпочтительное отношение, например, во время обучения и работы, независимо от того, получали ли они удовольствие от приписываемого им гендера. Их учили быть настойчивыми и уверенными, и некоторые транс* женщины сохраняют эти “маскулинные” черты — часто себе во благо — после перехода. Мы часто путаем угнетение, которое мы испытываем за гендерную ненормативность, с отсутствием мужских привилегий. Вместо утверждения, что мы никогда не получали выгод от мужского превосходства, нам следует утверждать, что наш опыт представляет собой динамическое взаимодействие между мужскими привилегиями и недостатками от того, что мы являемся трансгендерами» (Коята, 2003).

Некоторые трансфеминистки критикуют само понятие мужских привилегий, так как не считают их единственными привилегиями, имеющими отношение к гендеру. Так же как и концепция универсального женского опыта угнетения,

мнение о наличии у всех мужчин одинаковых привилегий является сильным упрощением и не соответствует реальности. «Концепция “мужских привилегий” появилась из некорректного предположения, что сексизм работает как единственная форма угнетения <...> Это, однако, является чрезмерным упрощением сексизма по ряду причин. Во-первых, эта концепция отрицает такие важные факторы, как расизм, классицизм, *эйблизм* (угнетение по признаку инвалидности) и так далее, которые вносят вклад в дискриминацию. <...> Во-вторых, она игнорирует *оппозиционный сексизм*, который отдаёт предпочтение людям с типичными гендерными наклонностями вне зависимости от пола. Например, если вас привлекают мужчины, ваша жизнь во многих аспектах будет легче, если вы женщина, а не мужчина» (Serano, 2007)¹³.

Хотя транс* женщины могли пользоваться мужскими привилегиями до «перехода», а иногда и после него, цис-женщины имеют другие преимущества, на которые они редко обращают внимание — цисгендерные привилегии¹⁴. «Предположение о том, что транссексуальные женщины непременно более привилегированы, чем другие женщины, так же невежественно, как утверждение, что мужские гомосексуальные пары имеют больше привилегий, чем гетеросексуальные пары, потому что оба партнёра в них обладают мужскими привилегиями» (Коуата, 2003).

7. Гиперфеминность и гендерные стереотипы

Одной из претензий феминисток к транс* людям является следование гендерным стереотипам в поведении и внешнем виде. Для своей книги Дж. Реймонд опросила 13 транс* женщин на предмет того, что значит для них быть «женщиной». Многие из них ответили, что «чувствовали себя пассивными, заботливыми, эмоциональными, обладающими интуицией и так далее.

13 Под оппозиционным сексизмом, в отличие от *традиционного сексизма*, Дж. Серано понимает «убеждение, что женщины и мужчины являются жёсткими, взаимоисключающими категориями, каждая обладающая уникальным и неперекрывающимся набором свойств, склонностей, способностей и желаний».

14 О цисгендерных привилегиях см. главу 4.

Очень часто многие выражали предпочтение женской одежде и косметике. Другие видели свою женскую идентификацию в контексте выполнения женской работы: домохозяйки, секретарши и стюардессы. Некоторые выражали женскую идентичность в связи с замужеством и материнством...» (Raymond, 1994/1979). Не ограничиваясь собственным опытом общения, Реймонд приводит результаты исследования 17 транс* женщин, в котором показано, что они более консервативны в принятии традиционных гендерных ролей и чаще следуют стереотипам феминности, чем цис-женщины. По их мнению, женщина — это прежде всего «хорошая жена, которая может сделать мужчину счастливым», ей «нечего делать в бизнесе, если только с ней что-то не в порядке» и «мужчины должны быть лидерами».

Действительно, такой способ мышления часто встречается среди транс* женщин. Однако они думают так не потому, что являются агентами патриархата, призванными поддерживать гендерное неравенство. Патриархат обладает эффективными средствами промывания мозгов, которые одинаково хорошо действуют и на «мужчин», и на «женщин», и на трансгендеро_к, и на цисгендеро_к. Единственное, в чём их можно обвинить, — в некритическом восприятии норм, но в том же можно обвинить и большинство цисгендерных женщин. Попытка возложить на транс* женщин большую ответственность за своё поведение только потому, что они когда-то были мужчинами, является проявлением мизогинии.

В своей работе С. Стоун возлагает ответственность за то, что трансгендерные люди вынуждены следовать стереотипным ролям, в том числе и на медицинские учреждения. Она пишет, что возможность социализации в выбранной гендерной роли является важным критерием для разрешения на операцию и смену документов¹⁵. «Окончательное решение по поводу приемлемости изменения пола делалось персоналом исходя из индивидуального ощущения годности человека к выбранной гендерной роли» (Stone, 1991). Для того, чтобы получить разрешение на изменение гражданского и/или морфологического

15 О критериях диагностики «транссексуализма» и депатологизации см. в главе 8.

пола, транс* женщины должны при общении с психиатрами проявлять типично «женские» черты: быть мягкими, пассивными, мечтать о призвании жены и матери, заниматься типично женскими профессиями, чувствовать себя «рождёнными в чужом теле» и говорить о своей гомосексуальности относительно биологического пола (Benjamin, 1966).

В таких обвинениях со стороны феминисток нередко звучит мизогиничный мотив, что якобы быть феминной само по себе плохо и «настоящая» феминистка должна выглядеть маскулинно. По их мнению, женщина не может быть феминной сама для себя, а пытается понравиться мужчинам. Тем самым вместо разрушения иерархии между маскулинностью и феминностью последняя обесценивается. Если «феминистки» будут предлагать заменить одну систему догм («женщина должна быть феминной») на другую («женщина должна быть маскулинной»), то ровно ничего не изменится, кроме того, что сначала «женщина должна» одним, а теперь другим. То, за что стоит бороться — это возможность выбирать, какой «женщиной» быть и быть ли ею вообще. То же самое относится к выбору рода деятельности, так как нет ничего мизогиничного в том, чтобы воспитывать детей и заниматься домашним хозяйством, если это осознанный выбор. Более того, в отличие от цис-женщин, для которых феминность может являться признаком конформизма, для транс* женщин, которых социализировали для совсем другой роли, она зачастую есть проявление гендерной неконформности.

Стремление транс* женщин к гиперфеминности имеет и чисто прикладные аспекты, которые цис-феминистки благодаря цисгендерным привилегиям часто не понимают. В обществе, где принята и не подвергается сомнению бинарная гендерная система и понятия «женщина» и «мужчина» являются оппозиционными и взаимоисключающими, наилучший способ доказать, что ты не «мужчина» — как можно более походить на «женщину». В то время как цис-женщина может одеваться во всё что угодно, включая унисекс и мужскую одежду, и при этом в большинстве случаев восприниматься как «женщина», для транс* женщины, чтобы восприниматься более или менее в

Для трансфобных феминисток
мы никогда не станем женщинами.

Соответствует
стереотипам феминности

Не стремится к
феминной внешности

Агент патриархата

Переодетый мужик

Рисунок 5. “Для трансфобных феминисток мы никогда не будем хороши”. Идея взята из работы художницы Умной Маши «Для патриархата мы никогда не будем хороши».

качестве (цисгендерной) «женщины» и не подвергаться угнетению по признаку трансгендерности, требуются значительные усилия для маскировки признаков, которые «читаются» как «мужские», включая эпиляцию, пластические операции, косметику, гиперфеминную одежду, туфли и так далее. Я сама постоянно сталкиваюсь с этим, так как даже в гендерно-нейтральной одежде воспринимаюсь как «мужчина», и чтобы восприниматься как «женщина», мне приходится навешивать на себя всякие «женские» элементы одежды, красить губы: в этом случае эти «женские» элементы совокупно «перевешивают» мои «мужские» элементы внешности, такие как широкие скулы, нависающие надбровные дуги или впалые щёки, в результате мой «гендер»/«пол» восприятия смещается в «женскую» сторону.

Даже если транс* женщины имеют достаточный «пасс», они всё равно могут быть не уверены в своей внешности и стараться делать её максимально феминной. Позже, когда они начинают чувствовать уверенность в своей способности восприниматься как «женщины», гиперфеминность часто проходит.

Есть в гиперфеминности и психологическая составляющая. Как правило, когда транс* женщины, после многих лет ожидания, наконец получают возможность публично поддерживать феминную гендерную репрезентацию, они стремятся выглядеть настолько «женственно», насколько могут. Так же человек, долгое время мучимая жаждой, взахлёб пьёт, добравшись до воды. Позже происходит насыщение, «женская» одежда становится привычной. Так у меня было, когда я первое время после «перехода» не выходила иначе, как на каблуках, но позже мне это приелось и я поняла, что это не так уж удобно.

В целом гиперфеминность транс* женщин является скорее стереотипом, поддерживаемым телевизионными передачами и выступлениями драг-квин артистов¹⁶. Многие транс* женщины предпочитают одежду стиля унисекс традиционным женским платьям и каблукам, если это не требуется для поддержания «пасса», не следуют стереотипам при выборе работы, не видят своё предназначение в заботе о муже, тем более что значительная часть идентифицируют себя как лесбиянки.

8. Трансфеминизм и радикальный феминизм

Из написанного не следует делать вывод, будто трансфеминизм и радикальный феминизм — заведомо несовместимые направления. То, против чего борется трансфеминизм, — это эссенциализм, апеллирующий к особой и неизменной женской сущности, который был свойственен радикальному феминизму на определённом этапе. Понимание радикального феминизма как теории и практики, направленной на коренное переустройство общества и освобождение его от всех видов угнетений, прежде

16 Драг-квин (drag queen) – артисты, которые, считаясь обществом мужчинами, выступают в «женских» образах. При создании образа они преувеличивают признаки гендерной репрезентации женщин, добиваясь гротескного, бурлескного, сатирического эффекта.

всего патриархата, даёт возможность причислять трансфеминизм к разновидности радикального феминизма. Простым фактом своего существования трансгендерные люди бросают вызов всей системе общественных отношений, построенных на гендерных иерархиях. Транс* женщины настолько не вписываются в эту систему, что их положение нельзя улучшить путём мер косметического характера, которые предлагает либеральный феминизм (либеральный здесь не относится к политической идеологии, а употребляется как противопоставление радикальному). Освобождения транс* женщин можно достичь, лишь проведя полную деконструкцию патриархата.

Своим существованием транс* женщины ставят перед феминизмом вопросы, затрагивающие его основы. Спор о том, являются ли они женщинами, заставляет цис-феминисток задуматься об определении категории, интересы которой они пытаются представлять в политике, и переводит слово «женщина» из самоочевидного понятия в предмет дискуссии. Для феминизма как политической практики удобно существование «женщины» как чётко определённой категории, которую можно противопоставить угнетателям. Однако такая позиция приводит к исключению тех, кто не вписывается в ограниченные рамки, и транс* женщины здесь являются наиболее ярким примером.

9. Трансгендерные люди и антифеминизм

Отметив трансфобию в феминистском движении, справедливости ради необходимо упомянуть о мизогиничных и антифеминистских взглядах трансгендерных людей. У транс* мужчин мизогиния обычно связана с неприятием своего прошлого и/или своего тела, которое переносится на неприятие всего «женского». В этом случае мизогиния служит для дистанцирования от женщин и большего похождения на цис-мужчин, которые в большинстве своём сексисты.

У транс* женщин механизм возникновения мизогинии другой. Получив мужскую социализацию в патриархальном обществе, они а) имеют весьма смутные представления о том, что значит «быть женщиной», до начала перехода, б) эти

представления проникнуты мизогинией. Не сталкиваясь на своём опыте с угнетением по признаку гендера, они часто имеют очень радужные представления о «женской» гендерной роли и романтизируют всё, что с ней связано¹⁷. Причём чем дольше они не будут иметь возможности играть женскую роль, тем желаннее она для них станет. В таком случае места для критического осмысления её недостатков не остаётся.

А что делает феминизм? Он разрушает эту радостную картину и говорит, что там, куда они так стремятся попасть, хуже, чем там, откуда они пришли. Мне кажется, этот психологический фактор, отрицание угнетения, признание которого привело бы к потере привлекательности перехода, является одним из важных факторов отрицания феминизма. Когда же транс* женщины на собственном опыте сталкиваются с угнетением, они списывают его целиком на трансфобию, на то, что они «такими родились», а родись они «настоящими женщинами», никакого угнетения не было бы.

Имея о женской роли стереотипные представления, которые они не подвергают анализу, транс* женщины приравнивают понятие «быть женщиной» к различным атрибутам «женской» гендерной роли. Я сталкивалась с транс* женщинами, которые обижаются, когда кто-то пытается поздороваться с ними за руку. Почему? Да потому, что обычно руки жмут мужчинам: «Вы что, считаете меня мужчиной?» Для трансгендерных людей эти гендерированные ритуалы очень важны, потому что они являются индикаторами того, в каком гендере нас воспринимают окружающие. Некоторые из нас подпрыгивают от радости, когда нам открывают дверь и пропускают вперёд, не потому, что это (доброжелательная) мизогиния, а оттого, что мы только что получили цисгендерную привилегию — обращение с нами в том гендере, с которым мы себя идентифицируем. А вот если жмут руку, невольно начинаешь сомневаться в своём «пассе» и гадать, делают ли так люди из феминистских побуждений или просто не считают нас женщинами.

17 Я была в ужасе, прочтя на форуме слова одной транс* женщины о том, что она мечтает быть изнасилованной. Очевидно, сама она с изнасилованием не сталкивалась и в рамках мужской социализации получила сведения, будто женщинам «нравится» быть изнасилованными.

Свой вклад в антифеминистские настроения вносит непонимание задач феминизма и видимое его противоречие перехода из мужской в женскую гендерную роль. Распространённое мнение состоит в том, что феминистки будто бы хотят запретить женщинам быть женственными, и хотят сделать их похожими на мужчин. Не меньшее значение имеет циснормативность и трансфобия самих феминисток, которые считают транс* женщин мужчинами. Остаётся надеяться, что благодаря распространению идей трансфеминизма больше трансгендерных людей найдёт своё место в феминистском движении.

10. Русскоязычный трансфеминизм

Выше я описала дебаты между англоязычными, циснормативными феминистками и трансфеминистками (в первую очередь феминистками США), не упомянув о соответствующих реалиях на постсоветском пространстве. Это полностью соответствует текущему уровню понимания транс* проблематики в русскоязычном феминизме, на котором с обеих сторон происходит перевод англоязычных текстов и заимствование аргументов с минимальным вкладом собственных оригинальных идей. Практически никогда в процессе такого переноса не обсуждается разница культурных контекстов. Например, проводя аналогии между трансфеминизмом и чёрным феминизмом, мы забываем о том, что на постсоветском пространстве никогда не существовало чёрного феминизма и движения за права афроамерикано_к. Не принимаются во внимание различия исторического процесса: например, оперируя категориями «вторая/третья волна», редко кто задумывается над тем, какое отношение эти слова имеют к нашим реалиям. Таким образом, трансфеминизм на сегодня представляет собой отвлечённые рассуждения привилегированных феминисток с хорошим знанием английского языка, западного культурного контекста и гендерных теорий. С учётом сказанного представляется сомнительной перспектива применения трансфеминистских идей на практике или по крайней мере их понятность широкому слою русскоязычного транс* сообщества. Вся эта критика полностью применима и к этой книге, которая в этом плане является продуктом своего времени.

IV

Привилегии

*концепция привилегий - её критика
- цисгендерные привилегии - транс*
союзничество*

В этой главе будет подробнее рассмотрена концепция привилегий, составляющая основу понимания трансфеминизма. Приведена краткая история зарождения концепции и её критика, далее подробнее обсуждаются цисгендерные привилегии и приводится их список. Оставшаяся часть главы посвящена транс* союзничеству, которое невозможно без осознания собственных привилегий цисгендерными людьми.

1. Концепция привилегий

Идеи о существовании неких незаработанных преимуществ, которые одни люди получают над другими просто по факту рождения, получили теоретическое воплощение в связи с борьбой с расизмом. Так, в 1935 году афроамериканский общественный деятель Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа писал о «психологическом вознаграждении» (Du Bois, 1935), которое белые рабочие получают, в отличие от рабочих of color¹: «Белая группа рабочих, хотя они и получали низкую зарплату, частично получала компенсацию в виде некоего публичного и психологического вознаграждения». И далее он перечисляет эти «вознаграждения», такие как допуск в общественные места, избирательное право, справедливость в судах и так далее.

В 1965 году Теодор Аллен впервые упомянул слово «привилегии», говоря о «белокожих привилегиях» (англ. white skin privilege), или привилегиях «белой расы» (Perry, 2010). Концепция привилегий получила распространение благодаря работе Пегги МакИнтош «Белая и мужская привилегии»

1 Англоязычные термины people of color (PoC) и women of color (WoC) — дословно «люди цвета» и «женщины цвета» — применяются для самоименования представительницами угнетённых рас. Все существующие на сегодня в русском языке синонимы в той или иной степени несут расистские смыслы. Поэтому в тексте, следуя практике группы Вконтакте «Check your privilege», эти термины используются без перевода.

(McIntosh, 1988). Она пишет о том, что «как белая я осознала, что меня учили [думать] о расизме как о чём-то, что ставит других в невыгодное положение, но также учили не видеть одно из его следствий — белые привилегии, которые дают мне преимущество». Таким образом, в концепции привилегий не угнетённая группа рассматривается как проблема или отклонение от «нормы», но акцент смещается на угнетающую группу, характеризующуюся наличием ничем не оправданных преимуществ: «Белых учат думать о своих жизнях как морально нейтральных, нормативных, и средних, а также идеальных, так что когда мы работаем для благополучия других, это выглядит как работа, которая позволит “им” быть такими же, как “мы”». Важнейшей особенностью привилегий является их невидимость для тех, кто, обладая ими, считает их «нормой». МакИнтош пишет о мужчинах, которые поддерживают гендерное равенство, но при этом не готовы рефлексировать и отказываться от собственных мужских привилегий, без чего равенство по-настоящему невозможно.

В то же время МакИнтош критикует само слово «привилегии», имеющее, по её словам, слишком позитивные коннотации. Привилегии воспринимаются как нечто желательное, к чему все люди стремятся, в то время как на самом деле они обозначают избыточное несправедливое распределение власти в пользу одной из групп. В этом смысле необходимо помнить, что слово «привилегия» не должно становиться для нас политкорректным синонимом слова «норма», и наличие привилегий у одной группы часто наносит ущерб другой группе. МакИнтош предлагает проводить разграничение между негативными преимуществами, например возможностью не прислушиваться к мнению людей из менее привилегированной группы, и позитивными преимуществами, например возможностью ожидать, что ваш сосед_ка будет доброжелател_ьна по отношению к вам. Первые всегда будут поддерживать существующие иерархии и нуждаются в искоренении, тогда как вторые должны культивироваться с тем, чтобы они перестали быть преимуществами отдельных групп и превратились в реальность для всех людей.

МакИнтош отмечает, что именно её принадлежность к белым

и классовый статус позволяют ей делать выбор, заниматься ли вопросами расизма и писать ли эту статью, а также выбирать связанные с этим риски. Она проводит параллель с мужчинами, которые в одинаковой степени ничего не теряют как поддерживая женское движение, так и критикуя его.

В конце МакИнтош пишет о необходимости рассматривать другие типы привилегий и составляет свой список гетеросексуальных привилегий, также она упоминает о пересечении привилегий (интерсекциональности)².

2. Критика концепции привилегий

Концепция привилегий часто критикуется за то, что не все привилегированные группы в действительности имеют доступ к власти, так же как и не все люди из непривилегированной группы одинаково подвержены угнетению. Эта критика легко снимается, если учесть *интерсекциональность*, то есть пересечение множества различных угнетений и привилегий. Так, имея классовые привилегии, можно значительно легче достичь цисгендерных.

Согласно другой точке зрения, привилегии являются синонимом *прав человека*, которые каждая долж_на иметь — таким образом, привилегий не существует. Очевидно, речь идёт о той категории привилегий, которые МакИнтош называет *позитивными*. Похожая критика исходит от тех, кто считает, что привилегий не существует, так как имеющие их не получают никакой выгоды от угнетения их не имеющих. Можно согласиться с тем, что эта выгода не всегда очевидна, однако она присутствует в условиях ограниченных ресурсов. К примеру, классовые привилегии позволили мне учиться в университете, так как в это время мне не требовалось работать. Знания, полученные в результате наличия классовых привилегий, дают мне возможность получить более высокооплачиваемую работу (прямая выгода), но эти же классовые привилегии дают мне время заниматься транс* активизмом и читать феминистскую литературу, что в итоге позволяет мне иметь известность в

2 Об интерсекциональности см. в главе 5.

транс* движении (косвенная выгода). С другой стороны, наличие цисгендерных и мужских привилегий дало бы мне возможность посвящать свободное время науке и не пребывать в депрессивном состоянии из-за того, что меня назвали не тем именем — что способствовало бы моей профессиональной карьере. Таким образом, то, что вы назвали меня неверным именем, приносит выгоду если не вам лично, то привилегированной группе, к которой вы принадлежите, потому что пока я буду сидеть в депрессии, другие получают упущенные мною возможности. Для понимания привилегий важно понимать статистический характер этого явления, которое описывает не прямой результат действий индивидуальных угнетателей против индивидуальных жертв, выражающийся в немедленном преимуществе первых и убытках последних, но повышение вероятности получения преимуществ людьми, принадлежащими к привилегированной группе, и убытков теми, кто принадлежит к угнетённой. Если подходить с позиций логики, то вместо демонстративного умозаключения, при котором совершение угнетающего действия имеет следствием выгоду угнетателя (А верно, следовательно Б верно), следует применять правдоподобное умозаключение, в котором совершение угнетения повышает правдоподобность того, что угнетатель получит выгоду (А верно, следовательно Б более правдоподобно).

Во многих случаях критика концепции привилегий является результатом не логических выводов, а психологической неспособности признать наличие у себя привилегий, тогда как логические подпорки выстраиваются для поддержания психологически удобной теории. Действительно, признание собственных привилегий, причём не столько на словах, сколько через более глубокое их прочувствование, является трудным и неприятным опытом. Мне понятны попытки отрицать свои привилегии, воспринимать разговоры о них как претензию и оскорбление, потому что у меня у самой масса привилегий, и мне было крайне неприятно, когда мне указывали на них. Но с этими чувствами необходимо бороться, потому что если о ваших привилегиях говорят те, у кого их нет, значит, они, видимо, лучше знают и привилегии у вас действительно есть.

Полезным методом для осознания своих привилегий является изучение жизненных ситуаций, с которыми сталкиваются менее привилегированные люди, через личное общение, чтение литературы или просмотр фильмов.

В целом концепция привилегий является такой же теоретической конструкцией, как и все остальные. Вместо того, чтобы спорить, существуют ли привилегии «на самом деле», лучше обратить внимание на то, насколько хорошо эта концепция описывает реальные ситуации, в каких случаях она применима и в каких менее применима.

3. Цисгендерные привилегии

Существование цисгендерных привилегий, равно как и других, остаётся невидимым для тех, кто ими обладает. Однако в то время как другие привилегии, например мужские или гетеросексуальные, всё чаще попадают в поле дискуссии, *цисгендерные привилегии*, как и те, кто ими не обладает (как правило, трансгендерные люди), по-прежнему остаются без внимания.

Невидимость цисгендерных привилегий отражает неуловимость трудностей, с которыми трансгендерные люди сталкиваются в повседневной жизни. Эта невидимость может порой приводить к таким странным ситуациям, когда общество пытается представить маргинализованную группу как обладающую большими привилегиями, чем они сами. Так, например, некоторые феминистки утверждают³, что транс* женщины являются привилегированной группой по отношению к цис-женщинам из-за своей мужской социализации. В то время как трансфеминистки не исключают возможности наличия мужских привилегий у транс* женщин, мы говорим о том, что «наш опыт представляет собой динамическое взаимодействие между мужскими привилегиями и недостатками от того, что мы являемся трансгендерами» (Коуата, 2003), то есть отсутствием цисгендерных привилегий.

Дж. Серано (Serano, 2007) выделяет две предпосылки для возникновения цисгендерных привилегий: это *гендерирование*

3 О взаимоотношениях феминизма и транс* движения см. в главе 3.

и *цисгендерное допущение*. Под гендерированием понимается активный процесс приписывания другим людям женского или мужского гендера исходя из социокультурных представлений окружающих о гендере. Цисгендерное допущение – это мнение, что по умолчанию все люди являются цисгендер_ами; таким образом, существование трансгендерных людей стирается. Благодаря этим двум факторам цисгендерные люди ощущают себя вправе делать выводы относительно того, является ли кто-то в действительности женщиной или мужчиной, пренебрегая при этом идентичностью других людей. В том случае, если окружающие правильно угадывают гендер человека, они предоставляют е_й цисгендерные привилегии — и отказывают в них в противном случае.

Мнение о том, будто мы лучше знаем гендер других, чем они сами, является частью более широкой проблемы – нарушения *права на идентичность*, то есть права обозначать свою идентичность (гендерную, сексуальную, религиозную и другие) и ожидать от общества уважения к нашему выбору. Цисгендерные люди отказывают трансгендерным в праве на гендерную идентичность из-за того, что рассматривают свой собственный гендер как «естественный», или «настоящий», а гендер трансгендерных людей как «искусственный», или «ненастоящий». Они полагают, что демонстрирование своего гендера является их правом по рождению. Это особенно странно при том, что многие из них заявляют, что социальное положение не должно определяться рождением, но отказываются признать ту же позицию относительно гендера.

3.1. Особенности цисгендерных привилегий

Цисгендерные привилегии обладают некоторыми особенностями, из-за которых нельзя проводить однозначную аналогию между ними и другими привилегиями, например белыми или гетеросексуальными. Это различие связано с тем, что зачастую они отсутствуют только в определённый период жизни трансгендерных людей, который называют «переходом» (если это гендерно-бинарный «переход»). Что бы ни говорили трансгендерные люди о врождённости трансгендерности,

отсутствие цисгендерных привилегий не является врождённым и они обладали ими до тех пор, пока не стали относить себя к лицам другого гендера, а большей их частью — даже до тех пор, пока не стали осуществлять репрезентацию себя в желаемом гендере и изменять тело. Затем, когда в процессе «перехода» гендер/пол восприятия трансгендерных людей становятся однозначно «женским»/«мужским», они снова начинают частично обладать цисгендерными привилегиями и окончательно их получают уже в новом гендере вместе с изменёнными документами. Собственно, весь процесс «перехода» обычно и направлен на то, чтобы восприниматься не «просто» как «женщина» («мужчина»), а как «цисгендерная женщина» («мужчина») и в конечном итоге имеет целью получение цисгендерных привилегий. Не все их в итоге получают из-за особенностей внешности или трудности процедуры изменения гражданского пола. Однако даже в случае их получения цисгендерные привилегии трансгендерных людей после «перехода» — это не то же самое, что цисгендерные привилегии цисгендерных людей, так как они могут быть отняты в любой момент, если будет обнаружено, что человек является

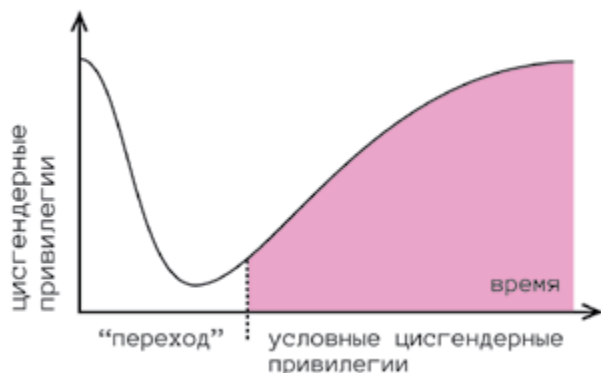

Рис. №6. Изменение степени цисгендерной привилегированности в зависимости от времени при бинарном гендерном «переходе».

трансгендер_кой. Поэтому Дж. Серано называет цисгендерные привилегии, которыми могут обладать трансгендеры, *условными*

цисгендерными привилегиями (Serano, 2007).

Цисгендерные привилегии можно сравнить с привилегиями, которые граждан_ки страны имеют над мигрант_ками. До тех пор, пока будущие мигрант_ки живут в стране своего рождения, они обладают привилегиями, связанными с наличием гражданства этой страны. Когда они переезжают в другую страну, они становятся мигрант_ками и теряют привилегии, но затем могут снова приобрести их уже в новой стране, получив там гражданство после нескольких лет постоянного проживания. Однако получение гражданства не означает прекращения мигрантофобии на бытовом уровне.

3.2. Список цисгендерных привилегий

Так как для цисгендерных людей абстрактные разговоры об их привилегиях ничуть не проясняют то, в чём же они состоят, ниже я привожу список распространённых цисгендерных привилегий. Многие пункты были навеяны аналогичным списком на английском языке (Taylor, 2010). Не все цисгендерные люди обнаружат, что обладают всеми перечисленными привилегиями. Например, возможность удочерять/усыновлять детей является не только цисгендерной, но и преимущественно привилегией гетеросексуальных (и некоторых других групп) людей, в зависимости от страны. Поэтому здесь необходимо учитывать всевозможные пересечения дискриминаций и привилегий. С другой стороны, не все трансгендерные люди лишены цисгендерных привилегий, и в особенности те из них, кто имеет бинарную гендерную идентичность и репрезентацию. Таким образом, только по наличию приведённых ниже привилегий люди не могут однозначно быть классифицированы как цис- или трансгендер_ки. Можно лишь утверждать, что если вы являетесь цисгендер_кой, то вы с большей вероятностью будете обладать этими привилегиями, а если трансгендер_кой – то с большей вероятностью не будете либо не обладали ими в течение какого-то промежутка своей жизни.

1. Вас чаще всего не будут называть именем и в роде, в которых вы бы не хотели, чтоб вас называли.
2. Окружающие не доказывают вам, что они имеют право называть вас в нежелательном для вас роде потому, что вы,

- по их мнению, недостаточно похожи на представител_ьниц гендера, к которому себя приписываете, либо потому, что в вашем паспорте записан другой пол.
3. Вам не зададут вопросов о том, каково ваше «настоящее» имя или какого вы пола «на самом деле».
 4. Вам не требуется постоянно доказывать окружающим своё право позиционировать себя так, как вы себя ощущаете.
 5. Вам не задают унижающих вопросов о ваших «половых» органах, об операциях по их изменению и о том, как вы занимаетесь сексом.
 6. Вы можете носить одежду того гендера, с которым себя идентифицируете.
 7. Вы можете появляться в публичных местах не обращая на себя внимания, не встречаясь с недоумевающими взглядами и не слушая насмешки или высказывания относительно вашего гендера/пола и сексуальной ориентации у себя за спиной.
 8. Вы можете пользоваться туалетами и раздевалками, предназначенными для людей гендера, с которым вы себя идентифицируете, без страха подвергнуться оскорблениям, насилию или быть выгнанными оттуда.
 9. Вас не будут пытаться потрогать между ног, чтобы выяснить строение ваших гениталий.
 10. Вам не нужно опасаться оскорблений и насилия, если будет обнаружено строение ваших гениталий.
 11. Вы не чувствуете себя некомфортно в тех ситуациях, где требуется предъявление документов, удостоверяющих вашу личность.
 12. Вы можете не бояться быть непринятыми на работу или уволенными с работы из-за своей гендерной репрезентации.
 13. Вам не будет отказано в медицинской помощи из-за вашей гендерной репрезентации.
 14. Вам не будет отказано в обслуживании в магазинах, гостиницах, банках из-за вашей внешности.
 15. Вы можете использовать для оплаты кредитную карту, не боясь быть обвинёнными в том, что вы её украли.
 16. У вас не возникнет проблемы с поиском жилья и арендодатель не откажется заключать с вами договор

из-за несоответствия пола в паспорте и гендерной репрезентации. В общежитии вы не будете вынуждены жить с представител_ями другого гендера, чем тот, с которым вы себя идентифицируете.

17. Вы можете беспрепятственно пользоваться видами транспорта, где требуется предъявлять документы, удостоверяющие личность (поезда, самолёты).
 18. У вас не возникнет проблемы при пересечении границы из-за ваших документов.
 19. Вы не будете задержаны полицией для выяснения личности, если информация в ваших документах не соответствует вашей внешности. В случае задержания или ареста вы не будете помещены вместе с представител_ями другого гендера, чем тот, с которым вы себя идентифицируете.
 20. Вы не будете лишены избирательного права из-за несоответствия внешности и документов.
 21. Вы можете указывать в анкетах тот гендер, с которым себя идентифицируете, и не быть обвинёнными в предоставлении неверных сведений о себе. Обычно гендер, с которым вы себя идентифицируете, указан как одна из опций (Ж или М).
 22. Вы можете посещать мероприятия, предназначенные эксклюзивно для представител_ьниц вашего гендера.
 23. Если вы цисгендерная женщина, то, подвергшись насилию, вы можете обратиться в кризисный центр или шелтер⁴ для женщин и не быть выгнанной оттуда из-за того, что кто-то посчитает, что вы не женщина.
 24. Если в отношении вас было совершено преступление, включая изнасилование или убийство, ваша гендерная репрезентация не будет использована в суде для оправдания преступника (отсутствие «транс* паники»⁵).
- 4 Шелтер (*англ.* убежище) — безопасное место, в котором могут укрыться и некоторое время проживать жертвы насилия.
- 5 Транс* паника — юридический аргумент, применяемый для оправдания или смягчения приговора лицам, совершившим преступления против трансгендерных людей. Утверждается, будто преступники действовали в состоянии аффекта, вызванного обнаружением трансгендерности их жертв. Впервые применялся в 2005 году во время суда по делу об убийстве американской транс* женщины Гвен Араухо.

25. Вас не считают психически больн_ым человеком из-за вашей гендерной идентичности или репрезентации и не советуют лечиться. Если у вас нет других заболеваний, вы не будете испытывать трудностей при поступлении в учебное заведение или приёме на работу, если для этого требуется предоставление справки о психическом здоровье.
26. Ваши отношения с партнёр_ом не разорвутся, если он/а узнает о строении ваших половых органов или вашем прошлом.
27. Ваша семья не откажется от вас из-за того, каким способом вы выражаете свою гендерную идентичность.
28. Вы не будете испытывать трудности при удочерении/ усыновлении ребёнка из-за вашей гендерной идентичности и репрезентации.
29. Ваш_а партнёр_ка не запретит вам общение с вашим ребёнком из-за вашей гендерной идентичности и репрезентации. Ваша гендерная идентичность не будет использована в суде для лишения вас родительских прав.
30. Вашего ребёнка не будут высмеивать в школе из-за вашей гендерной идентичности и репрезентации.
31. Вам не требуется скрывать своё прошлое и выдумывать истории из своего детства, где вы представлены в нынешнем гендере.
32. Вас не принуждают проходить операции, которые вам не требуются.
33. Вам не требуется тратить большое количество денег на изменение внешности, с тем чтобы восприниматься окружающими в желаемом гендере.
34. Вы не чувствуете себя уязвимыми из-за своей гендерной идентичности.
35. Вам не требуется выкладывать на каждом углу историю своей жизни и читать лекции по трансгендерности.
36. Вас не будут судить исключительно по вашему «пассу», и вы никогда не услышите этого слова в отношении себя.
37. В средствах массовой информации и в рекламе вы видите таких же трансгендерных людей, как вы. В витринах магазинов вы видите одежду, предназначенную для таких же трансгендерных людей, как вы.

38. Вы не боитесь вступать в разговор из опасения, что вас назовут в неверном роде. В разговоре вам не приходится проглатывать окончания и перестраивать фразы с тем, чтобы говорить о себе гендерно нейтрально.
39. Вы можете заниматься трансгендерным активизмом, практически ничем не рискуя.
40. Вы можете ничего не знать о трансгендерности и игнорировать мнение трансгендерных людей.
41. Вы можете выбирать различные жизненные пути, не беспокоясь о том, насколько толерантно относятся в этой стране или в этой профессиональной области к трансгендерным людям.

Наконец, неосознание цисгендер_ами своих привилегий и отсутствие необходимости вспоминать о них является ещё одной цисгендерной привилегией. Надеюсь, что после прочтения этой главы вы перестали обладать этой последней привилегией.

4. Как быть транс* союзни_цей?

Концепция привилегий имеет огромное значение для построения коалиций между различными группами. Никакое сотрудничество не будет возможным, если участвующие не будут размышлять над своим социальным положением, определяющим их точку зрения в вопросах, касающихся других участвующих. Здесь мы посмотрим на одномерный случай: сотрудничество трансгендерных и цисгендерных людей. Такое сотрудничество может происходить как из наличия общих пересекающихся угнетений, так и из желания привилегированной группы по каким-то причинам поддержать непривилегированную. К сожалению, такое сотрудничество часто имеет негативные последствия, особенно при последнем сценарии, в первую очередь из-за отсутствия желания у цисгендерных людей думать о своих привилегиях. Здесь даются несколько советов цис-людям на этот счёт — они условно делятся на три категории: участие цис-людей в транс* активизме, создание транс* инклюзивных пространств вне транс* активизма, взаимодействие на личном уровне.

4.1. Транс* активизм

- Разберитесь, почему вы хотите заниматься транс* вопросами. Может быть много причин, по которым трансгендерные люди хотят участвовать в транс* активизме. У кого-то есть трансгендерные родственни_цы или партнёр_ки, другие находят общее между трансфобией и мизогинией или гомофобией, третьи лишь формально говорят о трансгендерности, потому что она включена в аббревиатуру «ЛГБТ». Если ваша цель при поддержке транс* людей — собственная выгода, например желание прослыть толерантн_ой, лучше вам этой деятельностью не заниматься.
- Не навязывайтесь с помощью, когда она не требуется. Если вам сказали, что ваше желание помочь в определённом ключе не требуется или преждевременно, вам стоит прислушаться и не делать наперекор. Мне знакомо психологическое ощущение внезапного желания начать исправлять несправедливость в отношении каких-то групп, но если ваше желание действительно серьёзно, дождитесь момента, когда ваша помощь понадобится, а тем временем занимайтесь самообразованием.
- Не принимайте решения за транс* людей. Во-первых, вы хуже разбираетесь в транс* вопросах, и даже если какое-то решение кажется вам очевидным, оно может оказаться куда более противоречивым при более глубоком анализе проблемы. Во-вторых, решение не повлияет на вашу жизнь, и в случае неудачи расхлёбывать ошибки придётся транс* людям. Если вам есть что сказать, вы можете внести своё предложение, но окончательное решение должно полностью зависеть от трансгендерных людей.
- Не хвастайтесь своими экспертными знаниями. Часто бывает, что трансгендерные люди не имеют определённых экспертных знаний и функции врачей или юристо_к в транс* организациях выполняют трансгендерные люди с соответствующими навыками. Если вы относитесь к таким, помните, что ваше образование не даёт вам права командовать, так как никакие знания не заменяют

непосредственного опыта угнетения. Лучше подумайте о привилегиях, которые дали вам возможность получить своё образование и работу.

- Не требуйте, чтобы трансгендерные люди тратили своё время на ваше обучение. Первая задача транс* союзни_цы — заниматься самообразованием. Это не значит, что нельзя задавать никакие вопросы. Но вы должны задавать конкретные вопросы, уже имея определённый объём знаний, а не просто спрашивать «расскажите, какие тут у вас проблемы».

4.2. Инклюзивность не транс* специфичных пространств

- Делайте свои мероприятия и организации по-настоящему транс* инклюзивными. Если трансгендерных людей откуда-то не выгоняют, это ещё не говорит об инклюзивности. К сожалению, большинство «ЛГБТ»-организаций говорят о трансгендерности лишь своим названием. Феминистские мероприятия, если на них речь идёт только о проблемах трансгендерных женщин, не транс* инклюзивны, даже если транс* женщины туда допускаются и им даже позволено высказываться об этих проблемах. ЛГБ-вопросы не являются общими для ЛГБТКИ+ людей, и проблемы транс-женщин не являются общими для всех женщин.
- Давайте транс* людям высказываться. На мероприятиях, единственной темой которых не является трансгендерность, транс* люди часто вынуждены молчать, либо их могут перебивать, когда они говорят. Более привилегированные участницы и участники могут считать свои слова более важными и попросту не замечать трансгендерных людей. Если вы являетесь ведущ_ей такого мероприятия, постарайтесь создать обстановку, в которой транс* людям будет комфортно высказываться. Также транс* люди могут не высказываться из-за того, что обсуждаемые темы слишком далеки от их личного опыта. Постарайтесь включить в число обсуждаемых тем и транс* вопросы. Например, если темой являются юридические проблемы «ЛГБТ»-сообщества, включите туда обсуждение вопросов смены гражданского пола и имени, а не только однополые браки.

- Не пользуйтесь цисгендерным допущением. Если вы ведёте мероприятие, попросите присутствующих при представлении указать род, в котором к ним следует обращаться, например: «Меня зовут Яна, я предпочитаю женский род». Тем самым вы отнимете у цисгендеристов часть их привилегий и продемонстрируете транс* людям, что об их проблемах здесь думают. Во время крупных мероприятий, когда представиться всем нет возможности, не используйте грамматический род по отношению к людям на основании их внешности: так, если вам хотят задать вопрос несколько человек, не просите высказаться «женщину, сидящую слева» или «мужчину в конце зала». Используйте другие характеристики, чтобы было понятно, о ком идёт речь.
- Не исключайте людей с небинарными идентичностями. Не стоит пользоваться оборотами вроде «дамы и господа». Не забывайте про феминитивы, но вместе с тем не ограничивайтесь лишь двумя родами. Например, неплохим способом создать атмосферу инклюзивности будет обращение «Дорогие подруги, друзья и другие».

4.3. Личный уровень

- Не путайте местоимения и грамматический род. Если вам трудно выучить, кого в каком роде нужно звать, в этом виноваты ваши циснормативные мозги, а не внешность трансгендерных людей. Если вы ошиблись, нужно извиниться и стараться больше не допускать ошибок. В противном случае не удивляйтесь, что с вами не будут разговаривать.
- Используйте терминологию, которую ваши собеседники употребляют по отношению к себе. Например, если я говорю о себе как о трансгендерке, меня не надо называть транссексуалкой, шимейл или чем-то ещё.
- Не задавайте личных вопросов из серии «как ты занимаешься сексом», «планируешь ли ты операцию», «что думают твои родители» и тому подобных. Подумайте, задали бы вы такой вопрос цисгендерным людям.
- Не спрашивайте о «настоящем» имени. То имя, которым вам

представились, и есть то, которым следует пользоваться.

- Не делайте трансфобных комплиментов, например «ты выглядишь как настоящая женщина», «я бы никогда не подумала, что ты трансгендер» и так далее.
- Не разбалтывайте о трансгендерном статусе кого-либо. Даже если некоторые открыты для одних групп людей, они могут не желать раскрытия информации перед другими, причём вы не должны строить предположения, перед какими именно. Так, тот факт, что кто-то занимается публичным активизмом, не гарантирует, что они открыты перед родственни_цами (как в моём случае).

V

Интерсекциональность

концепция интерсекциональности
- её критика - примеры пересечений -
транс* мизогиния - классицизм -
секс-работа - существует ли транс*
сообщество - сепаратизм - укрепление
одних иерархий в борьбе с другими

Интерсекциональность (теория пересечений) является одной из базовых теоретических конструкций, лежащих в основе трансфеминизма. Она подразумевает существование пересечений различных видов угнетения и привилегий. Тем самым на место одномерной иерархии «мужчины/женщины», принятой на более ранних этапах развития феминизма, становится многомерная картина множества различных иерархий, в которых каждая может занимать как привилегированное положение по одним осям, так и непривилегированное по другим. Концепция интерсекциональности предоставляет аргументы против утверждений о привилегированности транс* женщин со стороны трансфобных радикальных феминисток. Одновременно интерсекциональность может использоваться и для критики существующего трансгендерного движения, которое часто защищает интересы лишь наиболее привилегированных транс* людей. Наконец, без понимания интерсекциональности и без рефлексии на тему собственных привилегий трудно себе представить сотрудничество между различными движениями.

1. Концепция интерсекциональности

Идеи о том, что различные виды угнетения действуют совместно, были распространены начиная с 70-х—80-х годов в чёрном феминизме. Термин «интерсекциональность» был впервые введён Кимберли Креншоу (Crenshaw, 1989). Она критикует «тенденцию рассматривать расу и гендер как взаимоисключающие категории опыта и анализа», приводя для этого примеры антидискриминационного законодательства. Так, она ссылается на судебное рассмотрение дела пяти women of color против компании «Дженерал Моторс», в котором суд отказался признать дискриминацию, ссылаясь на то, что women of color не являются «специальным классом, защищённым от дискриминации» и «они [истцы] не могут совмещать статусно-правовые средства защиты для создания новых “сверх-средств”...

Таким образом, это дело должно быть изучено на предмет дискриминации по признаку расы, пола или одного из них, но не как комбинация обоих». Суд не нашёл в действиях компании дискриминации по признаку пола, так как она нанимала на работу женщин — при этом под «женщинами» понимались «белые женщины»; также суд не нашёл и дискриминации по признаку расы. Креншоу пишет, что «парадигма половой дискриминации основана на опыте белых женщин; модель расовой дискриминации основана на опыте наиболее привилегированных *people of color*», таким образом, ни одна из моделей не служит интересам *women of color*, которые «могут получить защиту только в той степени, в которой их опыт узнаваемо схож с теми, чей опыт отражён в антидискриминационной доктрине». Также авторка поднимает вопросы исключения *women of color* из феминистского и антирасистского движения. В конце она предлагает сместить фокус борьбы с проблем более привилегированных подгрупп (например, белых женщин или *men of color*) на положение самых маргинализованных людей, находящихся на пересечении нескольких дискриминаций.

Важным моментом в теории интерсекциональности является то, что общая дискриминация, возникающая на пересечении двух, трёх и более дискриминаций, не равняется простой сумме составляющих дискриминаций, как следует из примера в работе Креншоу. Этим интерсекциональность отличается от часто используемой в правозащитной деятельности концепции *двойной (тройной и так далее) дискриминации*.

2. Критика интерсекциональности

Концепция интерсекциональности подвергается критике со стороны наиболее привилегированных участниц феминистского движения, не желающих расставаться со своим доминирующим положением. Они считают, что интерсекциональный подход разделяет женщин на разные группы и отвлекает от общей борьбы с патриархатом, который они считают основной проблемой¹, а

1 Это очень похоже на претензии левых о том, что феминизм разобщает рабочее движение и отвлекает от борьбы с капитализмом.

если другие иерархии учитываются, то их считают производными патриархата, чем создают иерархии между иерархиями. Поскольку эти феминистки обладают привилегиями во всех иерархиях, за исключением той, в которой они угнетаются по признаку принадлежности к женщинам, очевидно, для них именно патриархат и представляет самую значимую проблему, и они не склонны замечать и считать важными все прочие. Они призывают забыть о различиях и бороться с общим угнетением². Понятно, что у разных групп (в том числе и групп женщин) есть точки соприкосновения, по которым необходимо сотрудничать, но это сотрудничество должно вестись на равных началах с сохранением собственных (политических) идентичностей. Однако когда я говорила о том, что репродуктивные права являются точкой соприкосновения цисгендерных женщин и трансгендерных людей, цис-феминистки мне отвечали, что для того, чтобы они признали меня женщиной, я должна сделать хирургическую операцию, которая лишит меня возможности реализовать репродуктивные права.

То, что предлагают антиинтерсекциональные активист_ки, на деле представляет собой использование ими под лозунгами борьбы за «общие» интересы других групп для достижения своих собственных интересов. Так, декларируемая «борьба за права женщин» на практике приобретает смысл борьбы за права цисгендерных гетеросексуальных белых женщин среднего класса без инвалидности (и других признаков, ведущих к угнетению). Потребности других групп рассматриваются как специфические, которые не касаются феминистского движения в целом. Меня не раз критиковали за то, что я, поднимая вопросы, касающиеся транс* женщин, не занимаюсь «общефеминистскими» проблемами «всех женщин» (например, доступностью абортов). В этом они исходили из позиции, что «все женщины» являются цисгендерными (и гетеросексуальными). Аналогично я бы могла их критиковать за то, что занимаясь проблемами исключительно цис-женщин, они не заботятся о судьбе «всех женщин», под которыми я понимаю и транс* женщин.

- 2 Это мне напоминает лозунги российской оппозиции, которая всегда призывает объединиться против Путина, но на этом «против» вся солидарность и заканчивается, так как «за» у всех разные, о чём политкорректно полагается промолчать.

3. Пересечения угнетений

Ниже будут упомянуты некоторые часто встречающиеся пересечения угнетений, с которыми сталкиваются многие трансгендерные люди. Это всего лишь три из большого числа угнетений, которые могут пересекаться с трансфобией. Мои привилегии дают мне возможность не знать о них, за исключением пересечения с мизогинией. В остальных двух — классизме и секс-работе — я постаралась разобраться на основе литературных источников. Нерассмотрение здесь других пересечений, например с мигрантофобией, эйблизмом и другими, является недостатком этой книги, и я прошу за это прощения у тех людей, для кого эти пересечения составляют их опыт. Надеюсь, что описанных трёх пересечений хватит для того, чтобы вы могли по аналогии рассмотреть важные для вас пересечения.

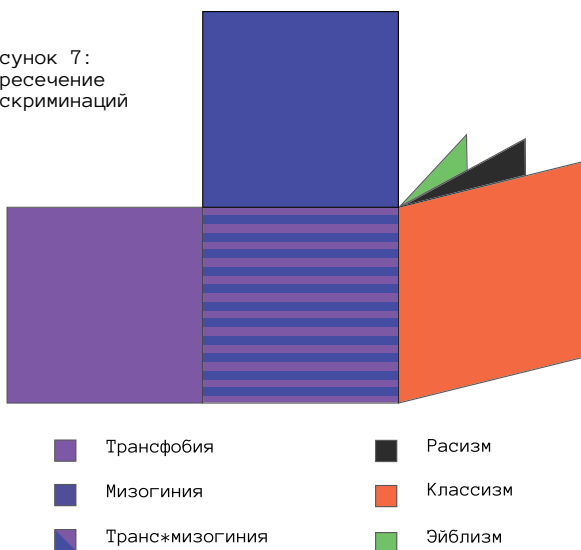
3.1. Транс* мизогиния

Пересечение трансфобии и мизогинии называют *транс-мизогинией* (или *транс* мизогинией*). Термин был введён Дж. Серано (Serano, 2007), которая описывает обозначаемое им явление так: «Когда транс* люди высмеиваются или отвергаются не просто за несоответствие гендерным нормам, но за их выражение женскости или женственности, они становятся жертвами специфичной формы дискриминации: транс-мизогинии. Когда большинство шуток о трансгендерных людях относятся к “мужчинам, носящим платья” или “мужчинам, которые хотят отрезать свои пенисы”, это не трансфобия — это транс-мизогиния...». Авторка термина убеждает нас в том, что пересечению трансфобии и мизогинии подвержены транс* феминные люди, тогда как транс* маскулинные люди находятся в привилегированном положении, подвергаясь одной лишь трансфобии, но не мизогинии. Полагаю, такое мнение вызвано тем, что авторка является транс* женщиной и не имеет опыта угнетения в качестве транс* маскулинного человека.

На мой взгляд, трансфобия всегда сопряжена с мизогинией. Так, закрытые транс* мужчины имеют мужские привилегии, но при раскрытии трансгендерного статуса моментально

превращаются в «на самом деле женщин» и одновременно с трансфобией подвергаются и мизогинии³.

Рисунок 7:
Пересечение
дискриминаций

Другим аргументом в пользу привилегированности транс* мужчин является появление у них после «перехода» мужских привилегий, тогда как у транс* женщин они исчезают. Однако как определить, на каком этапе наличие мужских привилегий оказывается более значимым? Важнее ли их наличие в данный конкретный период жизни или во время социализации в детстве? Например, моя мужская социализация, при которой меня нацеливали на учёбу и карьеру, а не на стирку носков будущего мужа, при которой меня учили отстаивать свои интересы, в том числе и физическими способами, ставит меня в более выгодное положение, чем многих из моих знакомых

- 3 Альтернативная позиция состоит в том, что транс* мужчины не подвергаются мизогинии, а вместо этого подвержены мизандрии в сочетании с неприятием идентичности (что можно было бы назвать транс* мизандрией). Так как я не имею чёткой позиции на предмет существования мизандрии (полагаю, это лучше знают мужчины), то я оставила текст без изменений, вставив этот комментарий.

транс* маскулильных людей. Наконец, не все трансгендерные люди, идентифицирующие себя как мужчины, в итоге получают мужские привилегии.

Таким образом, транс* мужчины не должны считаться менее угнетёнными и на этом основании исключаться из трансфеминизма⁴.

3.2. Пересечение трансфобии и классицизма

Трансгендерные люди испытывают трудности при устройстве на работу/учёбу и сохранении этой работы/учёбы во время «перехода». По данным исследования NTDS, проведённого в США (Grant, 2010), 90% трансгендерных и гендерно неконформных людей подвергались унижительному обращению и дискриминации на работе, в том числе 44% не получили работу из-за трансгендерности, 26% потеряли работу. «Недавно потеряла работу. Начальник узнал мою историю и сказал, что “педики” ему не нужны (его слова), да и ещё всем рассказал. Я живу в маленьком городке, и слухи разносятся мгновенно! Денег нет, нужно платить кредиты» — лишь одно из сообщений такого рода на форуме Transgender.ru. Даже если люди не сообщают работодателю о трансгендерном прошлом и имеют достаточный «пасс», их могут подвести документы на старые имя и пол. Между тем для изменения гражданского пола (а иногда и имени) требуется прохождение дорогостоящих процедур: гормональной терапии и хирургических операций. Для восприятия в женском гендере транс* женщинам может потребоваться эпиляция и пластические операции. Таким образом, получается замкнутый круг: для изменения «пола»/«гендера» нужны деньги и работа, но для получения работы необходимо выглядеть как представительница желаемого гендера и иметь соответствующие документы. Ситуация осложняется тем, что от момента обращения к психиатру для постановки диагноза «Транссексуализм»⁵ до прохождения операций и выдачи новых документов может проходить несколько лет, на протяжении которых человек испытывает трудности с трудоустройством. Особенности

- 4 Некоторое время назад я отстаивала иное мнение, как раз ссылаясь на работу Серано, однако с тех пор изменила свою позицию.
- 5 О психиатрии и депатологизации см. в главе 8.

трудности испытывают те трансгендерные люди, у которых есть пересечение дискриминаций (например, в дополнение к трансфобии они подвергаются расовой и национальной дискриминации) (Grant, 2010). Так как трансгендерность считается психическим заболеванием, наличие этого диагноза может послужить поводом для отказа в приёме на работу или учёбу, особенно если для этого вида деятельности требуется справка о психическом здоровье⁶.

Не имея возможности устроиться на работу, соответствующую их уровню квалификации, трансгендерные люди соглашаются выполнять низкооплачиваемую неквалифицированную работу: «Из-за ёбанных мужских документов скребу снег на улицах Питера и трюмбу мусор в помойке, чтобы влезло побольше», «Катаю тележки в гипермаркете <...> Охранники только доставали пару раз своими шуточками, даже старшей смены пришлось пожаловаться. График работы — 2/2 с 8 утра до 22.00. Но уж лучше так, чем я пойду куда-нибудь, где будут придираться к моей внешности, а то ещё и волосы заставят подстричь. Ведь юридически я всё же живу пока как М» — сообщения сфорума Transgender.ru (орфография сохранена).

Даже если все документы изменены, у трансгендерных людей в России возникают проблемы с заменой трудовой книжки. В соответствии с Инструкцией по заполнению трудовых книжек (Российская газета, 2003), изменения в трудовую книжку вносятся путём зачёркивания прежних данных о лице и внесения новых записей. Упоминание о предыдущем имени (даже зачёркнутое), соответствующем старому гражданскому полу, нарушает право на уважение частной жизни и становится причиной, по которой трансгендерные люди вынуждены рассказывать о своём прошлом и подвергаются трансфобной дискриминации. Альтернативой является «потеря» трудовой книжки и получение новой без указания предыдущих мест работы.

- 6 Как, например, у меня, когда я поступала в химическую аспирантуру. Но поскольку я никогда даже не пыталась получить диагноз, то проблем у меня не возникло.

3.3. Пересечение трансфобии и угнетения секс-работни_ц

По данным опроса (Grant, 2010), около 11% трансгендерных и гендерно неконформных людей в США имеют опыт секс-работы. В группах, у которых трансгендерность пересекается с другими дискриминациями, это число возрастает, например, в случае афроамерикан_ок оно достигает 44%. Занятие секс-работой часто вызвано отсутствием классовых и цисгендерных привилегий, из-за чего люди не имеют денег и не могут их заработать на работах, где требуется предъявление документов. Это, однако, не значит, что не существует трансгендерных людей, которые выбирают секс-работу при наличии других вариантов трудоустройства⁷.

Статус секс-работни_цы в совокупности с трансгендерным статусом даёт возможность как клиентам, так и милиции безнаказанно осуществлять насилие. «Пришёл клиент вчера и отдубасил мою подругу, отнял деньги, зубы выбил, потому что типа пид*р она. А разве докажешь ему, идиоту, что она ТС, пусть пока что в парике и пусть только на гормоны подседа? Он пришёл, даже трахать её не стал, просто с порога изуродовал ей лицо, сорвал цепочку с шеи, отнял 300 рублей, что были в сумке, ещё и печёнку ей отбил, мол, пид*р она» (forum-shemale.com).

Трансгендерные секс-работни_цы не находят поддержки

- 7 Постоянный спор о том, является ли секс-работа «свободным выбором» или результатом принуждения (в том числе экономического), на мой взгляд, содержит неверную постановку вопроса. На деле же ни одно из наших действий не является ни абсолютно свободным, ни абсолютно предопределённым. Наличие привилегий даёт нам больше опций для выбора и делает его более свободным, поэтому вопрос о «свободном выборе» должен рассматриваться не в терминах «или-или», а скорее «больше-меньше». В целом дискуссии вокруг «выбора» возникают в тех случаях, когда состояние, которое является результатом «выбора» или «не-выбора», рассматривается обществом как нежелательное. Так дело обстоит в случае секс-работы, и то же в случае трансгендерности. Моя цель состоит не в том, чтобы ввязываться в эти споры, но в разрушении угнетений по признаку трансгендерности и секс-работы, после чего дискуссии об их причинах будут представлять чисто научный интерес.

ни в кризисных центрах и шелтерах — из-за их негативного отношения к трансгендерности, секс-работе, либо тому и другому одновременно, — ни даже среди транс* движения. Канадская активист_ка Мирха-Солейл Росс так говорит о замалчивании проблем секс-работниц в транс* движении (Namaste, 2011): «Моя основная просьба к трансгендерным активист_кам — прекратить их зловещую апроприацию⁸ оскорблений и насилия, которым транссексуальные и трансвеститские проститутки подвержены на всех континентах. <...> Осознав, что практически все транс* жертвы насилия являются проститутками, вам следует начать задавать серьёзные вопросы об отношении общества к проституции». Под апроприацией она понимает использование транс* движением, состоящим из активист_к с классовыми (и другими) привилегиями, убийств и насилия в отношении трансгендерных секс-работни_ц для продвижения собственной политической повестки без попыток улучшить условия работы и жизни трансгендерных секс-работниц. Более того, у транс* сообщества имеется тенденция откращиваться от трансгендерных секс-работниц, которые не только не поддерживаются, но осуждаются. Наиболее позорным примером такой апроприации М.-С. Росс называет «День памяти трансгендерных людей», проходящий ежегодно 20 ноября. В списке жертв, которых вспоминают в этот день, большинство составляют трансгендерные секс-работни_цы, однако транс* активист_ки умалчивают об угнетении по признаку секс-работы, преподнося эти убийства как ненависть исключительно на почве трансфобии. Так, она описывает истории четырёх транс* женщин из Торонто, включённых в список жертв трансфобии. О трансгендерности первой из них её убийца узнал из газеты уже перед сдачей в руки полиции. Две другие были убиты человеком, который охотился на секс-работниц и убил в ту же ночь трансгендерную женщину. Обстоятельства убийства четвёртой транс* женщины не известны, однако найденный на её теле генетический материал связывает этот случай с другим убийством — трансгендерной секс-

- 8 Культурная апроприация — бездумное и обесценивающее заимствование привилегированной группой элементов культуры менее привилегированной группы.

работницы. В связи с этим Росс называет День памяти «большим, наглым и тошнотворным политическим мошенничеством»: создавая жалостливую эмоциональную картинку, он тем не менее «функционирует, театрально и политически, в интересах привилегированной подгруппы транс* сообщества».

4. Существует ли транс* сообщество?

В своих текстах я часто использую словосочетание «транс* сообщество» (и аналогично, «ЛГБТ-» и «феминистское сообщество»). Однако насколько оправдана такая терминология? Употребление слова «сообщество» подразумевает, будто есть некая группа людей, сплочённая общими интересами. Из этого проистекают иллюзии, будто а) у «транс* сообщества» есть (или должна быть) общая позиция по «трансгендерным» вопросам, и б) какие-то люди могут представлять эти общие интересы «сообщества».

На деле же люди, искусственно группируемые в некое «сообщество», разделены большим числом иерархий. Это как гендерные иерархии, так и национальные, классовые, религиозные и другие. «Транс* сообщество» — это множество самых разнообразных людей с различными потребностями, и как социальная группа оно сконструировано циснормативной системой, противоречие с которой мы все в той или иной степени представляем⁹.

С учётом вышесказанного выглядит сомнительной попытка выяснить «позицию транс* сообщества». А между тем попытки провести некие «демократические голосования» среди «транс* сообщества» принимались — и, к сожалению, в том числе мной — без всякой рефлексии на тему того, что какое-то обобщённое решение будет вредить индивидам, имеющим свои собственные

9 Т.е. есть «женщины», есть «мужчины», и есть все остальные. Это явно можно видеть в анкетах, где при указании гендера составитель_ницы пытаются казаться транс* инклюзивными и к обычным графам «женщина» и «мужчина» добавляют «другое» или «трансгендеры». На самом деле, «все остальные» имеют внутри себя не меньше различий, чем между «женщинами» и «мужчинами».

потребности. При этом неясно, ради чего нужно жертвовать индивидуальностью этих людей? Ради сконструированной, не нужной никому идентичности, по признаку которой люди загоняются в «сообщество»?

Аналогично обстоит дело с представлением транс* сообщества в рамках активизма. Транс* активист_ки регулярно пытаются (или их принуждают к этому) говорить от лица транс* сообщества. Например, кого-то приглашают на конференцию представлять интересы транс* сообщества той или иной страны. Кто это долж_на быть? Транс* женщина? Транс* мужчина? Человек с небинарной идентичностью? Трансгендерная секс-работница? Мигрантка? Белая? Имеющая собственную квартиру или бездомная? Без инвалидности? Бедная или среднего класса? Имеющая высшее образование? Поменявшая документы или ещё нет, или не собирающаяся их менять?

У всех этих людей будут различные потребности, и некоторые из них, формально будучи трансгендерными людьми, даже не ставят трансгендерную идентичность во главу угла, а скорее идентифицируют себя как секс-работницы или как мигрантки. И каждая из них будет в первую очередь представлять свои собственные интересы, и это правильно — до тех пор, пока они не представляются в виде интересов всего «сообщества». Даже если наши цели близки, у каждой из нас разные взгляды на способы их достижения. Я не представляю, как кто-либо кроме меня самой может представить мои интересы или я могу представить чьи-то ещё. Всё это ставит большие вопросы к представительной демократии в целом. То, что она всё ещё работает, объясняется только тем, что большинство людей не имеют собственного мнения.

Когда мы говорим «(просто) трансгендер_ки» или «транс* сообщество», речь на самом деле идёт о людях, имеющих все остальные привилегии, кроме цисгендерных— именно отсутствие таких привилегий нас иллюзорно объединяет. Но в таком дискурсе стирается опыт «трансгендерных» людей с более чем одним угнетением, от чего выигрывают наиболее привилегированные группы «транс* сообщества». Транс* активист_ки, которые в большинстве случаев и представляют

собой эти привилегированные группы, заинтересованы в сохранении такого распределения власти и используют иллюзию «транс* сообщества», от имени которого якобы выступают, для продвижения собственных интересов.

Сейчас мне возражат: мол, есть у «транс* сообщества» общие задачи, например упрощение процедуры смены документов или доступность операций. Но и это — интересы группы, находящейся на вершине внутренней транс* иерархии: гендерно-бинарных личностей с циснормативными представлениями о соотношении «гендер — анатомия».

5. Сепаратизм

Идеи сепаратизма угнетаемой группы от угнетающей получили распространение в феминизме США второй волны, в 1960-х. Основным аргументом в пользу сепаратизма является то, что даже мужчины, поддерживающие феминизм, воспроизводят динамику патриархата и пытаются осуществлять власть внутри феминистского движения. По аналогии, трансгендерный сепаратизм подразумевает отказ от сотрудничества с цисгендерными людьми, которые, пользуясь цисгендерными привилегиями, могут добиваться лидирующих позиций в транс* движении и использовать их в своих целях. Так, цисгендерные привилегии позволяют им получать хорошее образование и быть юрист_ками или врачами и на этом основании указывать трансгендерным людям, *что* тем в действительности нужно и какими способами следует заниматься транс* активизмом; они могут представлять «трансгендерные» организации на международных конференциях и при общении с представител_ьницами власти. В результате я чувствовала несколько раз себя «в гостях» в транс* движении, которое пытались структурировать под себя цисгендерные активист_ки¹⁰.

10 Конкретно это чувство у меня появлялось при общении с участни_цами Транс* Коалиции на постсоветском пространстве. Другой раз на Трансгендерном Совете в Будапеште (2014) трансгендерные люди должны были слушать описание своих проблем от цисгендерных представител_ьниц из Совета Европы, ООН, правозащитных организаций и грантодателей.

Как бы ни была привлекательна идея сепаратизма, существует аргумент, который делает сепаратизм невозможным. Впервые он был озвучен чёрными феминистками, которые в отличие от мейнстримных феминисток, представленных белыми женщинами среднего класса, должны были бороться не только с сексизмом, но и с расизмом и для этого должны были сотрудничать с мужчинами of color: «Белые женщины с классовыми привилегиями не разделяют угнетения с белыми мужчинами. Они находятся в критической и антагонистической позиции, тогда как black и другие women of color определённо разделяют ситуации угнетения с мужчинами их расы. <...> Лесбийские сепаратистки говорят, что когда мы избавимся от мужчин, сексизм и расизм тоже исчезнут. Я думаю, что это один из самых расистских аспектов [сепаратизма], потому что он не учитывает расизма женщин, включая лесбиянок» (Smith, 1981).

В похожей ситуации я находилась, когда должна была бороться одновременно против сексизма вместе с цисгендерными женщинами и против трансфобии вместе с трансгендерными мужчинами. Такая конструкция оказалась искусственной: она, во-первых, не учитывала того, что пересечение угнетений — это не просто механическое сложение сославляющих частей, с которыми можно бороться по отдельности. Во-вторых, находясь в привилегированном положении по другим иерархиям, я не учитывала их. Скажем, кто долж_на заниматься проблемами трансгендерных секс-работниц? Трансгендерные организации, в которых нет секс-работниц? Или организации цисгендерных секс-работниц? Или цисгендерные феминистки, не имеющие опыта секс-работы? Выбор любого из этих вариантов будет означать, что либо трансфобия, либо мизогиния, либо угнетение по признаку секс-работы является наиболее значимым. Между тем в реальных условиях эти виды угнетения переплетаются и трудно сказать, какое из них преобладает в той или иной ситуации. Разумеется, для устранения пересекающихся угнетений необходимо сотрудничество активистов_к различных направлений, чего невозможно представить в рамках сепаратизма.

При этом имеющие привилегии по каким-то из иерархий должны осознавать их, и предпочтение должно отдаваться

голосам тех, кто имеет меньше привилегий. В этом случае понятие «транс* активизма» размывается, потому что человек, защищающая интересы трансгендерных людей, должна выступать и за права секс-работниц, и за права бездомных, и за права людей, употребляющих психоактивные вещества, так как все эти вопросы имеют отношение к трансгендерным людям. При этом транс* активист_ки редко сами подвергаются пересечению всех этих угнетений, поэтому в той или иной степени все транс* активист_ки являются *союзницами*¹¹ как по отношению подруга к подруге, так и к остальным трансгендерным людям.

6. Укрепление одних иерархий в борьбе с другими

Нежелание учитывать другие пересекающиеся иерархии происходит как от незнания, порождённого привилегированным положением, так и от эгоизма, от попытки представить свою проблему как самую важную. Такой подход распространён во многих социальных движениях: некоторые феминистки полагают, что патриархат лежит в основе всех иных угнетений, но если спросить левых, то первопричиной всех бед, включая патриархат, будет капитализм (лозунг «Никакой борьбы кроме классовой»), если же спросить анархисто_в, то для них источник всех зол — государство («Выше, выше чёрный флаг — государство главный враг»). Благодаря такому однобокому подходу к существующим иерархиям добавляется ещё иерархия между самими иерархиями, и движения тратят кучу ресурсов на «меряние дискриминациями» — практику, делающую сотрудничество крайне затруднительным.

Критика этого подхода не подразумевает, что все угнетения одинаково важны лично для кажд_ой или что кажд_ая должна равномерно распределять своё время между борьбой со всеми ними. Однако необходимо отдавать себе отчёт в том, почему именно данное угнетение наиболее значимо для вас, и допускать, что для других людей, входящих с вами в одну группу, могут быть важнее совсем другие угнетения. Так, моя исключительная сосредоточенность на борьбе с трансфобией и мизогинией вытекает из моих привилегий во всех других иерархиях. Это не

11 О транс* союзничестве см. в конце главы 4.

должно давать мне права утверждать, что трансфобия составляет единственную проблему даже для трансгендерных людей: возможно, для некоторых более острой будет проблема расизма и/или стигматизации секс-работни_ц. К сожалению, критика одностороннего активизма, справедливая в отношении относительно привилегированных групп, часто используется ими самими в отношении менее привилегированных. Так, цисгендерные феминистки и геи часто предъявляют претензии транс* активист_кам за то, что те не занимаются проблемами цис-женщин или цис-геев. Здесь важно учитывать относительное количество ресурсов у рассматриваемых движений. Если в России 1000 цисгендерных феминисток, пишущих о проблемах цис-женщин, и три человека, пишущих о трансфеминизме, я имею право предъявлять претензию цис-феминисткам, а не они мне, потому что если я буду ещё писать и о цис-женщинах, то о транс* женщинах вряд ли вообще кто-то вспомнит.

Хуже, чем игнорирование пересекающихся иерархий, может быть только использование одних из них для борьбы с другими. Как пример — заявление отдельных трансгендерных людей «Мы не геи!» и отчаянная попытка откреститься от ЛГБ-людей. При этом в противовес «развращённости» геев (очевидно, речь идёт о цис-геях) ставится аргумент «у нас такое заболевание». Тем самым поддержка гомофобии используется для разрушения цис/транс-иерархии. Иной пример: высказывания типа «мы не психи» из уст поддерживающих депатологизацию, как будто люди с состояниями, которые называют психическими заболеваниями, чем-то хуже остальных. На ту же тему недавний сбор ста тысяч подписей за проверку депутатки Госдумы РФ Елены Мизулиной на психическое здоровье. Ещё одна омерзительная практика — называть неудобных политиков «политическими проститутками», оскорбляя не столько политиков, сколько секс-работниц. Здесь же — поддерживающие *видизм*¹² сравнение людей со свиньями, козлами и другими животными. Следующий пример — снова из транс* активизма: требование антидискриминационного

- 12 Видизм (или спесизм) — угнетение по признаку биологического вида, убеждение, что интересы одного вида важнее интересов другого. Так, к видизму можно отнести практически все отношения между человеком и животными, не являющимися людьми.

законодательства и процедуры смены документов, чем поддерживается роль государства и его вмешательство в жизни людей, а также применение международной адвокации (в том числе с помощью механизмов ООН и Совета Европы) с целью оказания давления более сильных государств на более слабые. Таких примеров можно привести множество из всех направлений активизма.

Понятно желание отдельных людей выставить себя в лучшем свете за счёт поддержки существующих норм. Однако трудно представить, чтобы такой подход способствовал сотрудничеству между угнетёнными группами, что должно составлять большую заботу социальных движений, чем признание со стороны привилегированной верхушки. Если у вас нет ресурсов заниматься какими-то проблемами, вы можете как минимум не вредить: не использовать в собственном активизме конструкций, укрепляющих другие иерархии.

VI

Домашнее насилие

особенности домашнего насилия в отношении транс* людей - психологическое, физическое, сексуальное насилие - институциональные факторы, влияющие на незащищённость транс* людей - экономическая зависимость от партнёра - проблемы с жильём - отсутствие поддержки - родительские права - внутренняя трансфобия и мизогиния - трудность поиска новой партнёрки - страх аутинга и страх полиции - неприятие в кризисных центрах для женщин - как сделать шелтеры транс* инклюзивными

Домашнее насилие — это различные насильственные действия, совершаемые в отношении партнёрки или партнёра либо других членов семьи. По форме часто выделяют психологическое, физическое, сексуальное и экономическое насилие. Неверным является заявление эссенциалистских феминисток о том, что только мужчины являются насильниками, в то время как жертвами являются только женщины. Такой подход не учитывает пересечения различных иерархий и применим, и то с натяжкой, только к цисгендерным гетеросексуальным мужчинам и женщинам. Одновременно будет неверным утверждать, что только цисгендерный партнёр может быть насильником, а трансгендерные люди — только жертвы. Любое подобное упрощение искажает реальную ситуацию и ведёт к стиранию опыта, что может иметь крайне негативные практические последствия, например отсутствие кризисных центров и шелтеров, в которые могли бы обращаться транс* мужчины, так как все существующие такие места нацелены исключительно на женщин (обычно — цисгендерных женщин).

В этой главе рассматриваются факторы, вызванные циснормативностью и трансфобией, которые ставят трансгендерных людей в уязвимое положение и мешают им выйти из насильственных отношений и одновременно делают насильника безнаказанным. Акцент здесь делается на насилии со стороны партнёр_ки, тем не менее, похожие факторы способствуют домашнему насилию и со стороны других членов семьи, например родителей.

В то время как домашнее насилие само по себе невидимо для большинства окружающих, так как происходит дома и считается (в том числе «правоохранительными» органами) личным делом, в случае домашнего насилия в отношении трансгендерных людей проблему усугубляет то, что сами трансгендерные люди являются невидимой категорией, в том числе и для тех, кто профессионально занимается вопросами домашнего насилия.

1. Особенности домашнего насилия в отношении трансгендерных людей

По данным исследования (Dempsey, 2010), проведённого в Шотландии, до 80% трансгендерных людей имеют опыт насильственных отношений со стороны партнёр_а. Наиболее частой причиной насилия является желание сменить «гендер» и/или «пол», которое встречает непонимание со стороны партнёр_а. Оно проявляется в попытках запретить транс* партнёр_у производить изменения своего тела либо носить одежду, приписываемую желаемому гендеру. Если транс* партнёр_ка отказывается подчиниться, это может вылиться в угрозы разорвать отношения, в том числе забрать детей, если они имеются, либо в угрозы физического насилия. Я слышала рассказ транс* мужчины, который вступил в отношения с другим транс* мужчиной, ещё когда идентифицировал себя как женщина, но после начала смены «гендера» стал подвергаться избиениям со стороны партнёра, который заявлял, что ему нравятся женщины, а не мужчины, следовательно, его партнёр должен оставаться женщиной. Если отношения до «перехода» были гетеросексуальными, то причиной препятствия в смене «гендера» становится внутренняя гомофобия и страх потери гетеросексуальных привилегий в случае, если отношения превратятся в гомосексуальные. Приведённая выше ситуация показательна тем, что внутренняя гомофобия и желание помешать в изменении «гендера» партнёром может проявляться не только у трансгендеро_в, далёких от понимания потребностей трансгендерных людей, но и у самих трансгендеро_к¹.

Дети могут использоваться как дополнительный инструмент, с помощью которого партнёр_ы могут манипулировать трансгендерными людьми и запрещать им делать «переход». На одном интернет-ресурсе я нашла историю транс* женщины, которая, объявив цис-партнёрке о своём решении начать «переход», была поставлена перед выбором: «Либо я сейчас же даю клятву, что никогда и нигде ни при каких условиях и больше

1 Выступая в защиту трансгендерных людей, я ни в коем случае не призываю их идеализировать.

даже не буду обсуждать эту тему [смену «гендера»], или развод, тоже здесь и сейчас и отказ от ребёнка»² (пунктуация здесь и далее сохранена). Но на этом история не закончилась, так как эта женщина познакомилась с новой цис-партнёркой и сразу объявила ей о своей трансгендерности. Всё было прекрасно, пока не родился ребенок: «Мне был определён срок до того, как ребёнок начнёт что-либо понимать, я должна со всем закончить». В результате эта транс* женщина осталась без второго ребёнка.

Наиболее распространено **психологическое насилие**, которое включает:

- запрет и попытки воспрепятствовать «переходу», включая: а) запрет на гендерную репрезентацию посредством изменения внешности (одежда желаемого гендера, причёска, косметика); б) запрет называть себя именем и в роде, соответствующим желаемой гендерной репрезентации; в) запрет медицинских вмешательств (гормоны, хирургические операции) — последнее особенно распространено, если трансгендерные люди экономически зависят от партнё_ок;
 - принятие решений за трансгендерных людей о степени открытости по отношению к окружающим, включая требование скрывать свой трансгендерный статус; либо, напротив, угрозы раскрыть трансгендерный статус тем, кому о нём знать нежелательно (работодателям, друзьям);
 - умышленное именование трансгендерных людей в форме, отличающейся от их желаемой гендерной репрезентации: а) в роде, приписанном при рождении, не соответствующем выбранной гендерной идентичности; б) старым именем, не соответствующим выбранному при смене «гендера» — причём независимо от того, сменили ли люди имя и гражданский пол в документах;
 - создание негативного образа тела и чувства неуверенности в своей гендерной репрезентации и идентичности (например,
- 2 Цитаты взяты из открытых интернет-источников. Однако в интересах конфиденциальности я не даю ссылки на сайты, с которых взята информация. Если вам требуется эта информация для исследования, вы можете получить ссылки, обратившись к авторке.

«ты никогда не сможешь стать женщиной», «да какой из тебя мужик?», «да кому ты такой будешь нужен?»);

- подчёркнутое обращение внимания на органы, упоминание о которых вызывает у трансгендерных людей гендерную дисфорию;
- попытки изолировать человека от поддержки, включая запрет или ограничение на встречи с подругами и друзьями, особенно теми, кто может оказать «негативное» (по мнению насильника) влияние — с такими, как другие трансгендерные люди или группы поддержки для трансгендерных людей;
- внушение чувства стыда за трансгендерный статус, внушение мысли о том, что трансгендерные люди больны и им нужно лечиться;
- угрозы принудительного лечения в психиатрических учреждениях, если трансгендерность не «исправится»;
- угрозы разорвать отношения в случае, если трансгендерн_ая партнёр_ка продолжит смену «гендера»/«пола»;
- угрозы физического насилия — ударить, убить — трансгендерн_ую партнёр_ку, близких людей вроде детей, членов семьи, друзей, предыдущего или нового партнёра, в том числе с использованием оружия;
- угроза убить или покалечить себя, чтобы заставить трансгендерн_ую партнёр_ку делать или не делать что-либо.

В связи с тем, что психологическое насилие воспринимается в обществе как менее значимое, чем физическое и сексуальное, трансгендерные люди, попавшие в отношения психологического насилия, менее склонны считать такие отношения насильственными. Даже если они идентифицируют себя как жертвы насилия, они могут не обращаться за помощью, так как не уверены, что там, куда они обратятся, вышеописанные действия признают насильственными, если они не включали физического насилия.

Исследование (Dempsey, 2010) сообщает, что 45% трансгендерных людей сталкивались с **физическим насилием** со стороны партнёр_а, в том числе их толкали (32%), били (25%), бросали в них предметы (25%), душили (12%), использовали против них оружие (10%).

Специфической ситуацией насилия, в которую попадают транс*

женщины, является обнаружение партнёром их трансгендерности в случае, если они не сообщили об этом ранее. В некоторых случаях транс* женщины, прошедшие операцию на гениталиях, не считают нужным рассказывать партнёру о своём «мужском» прошлом, так как хотят познакомиться с гетеросексуальным мужчиной, который будет видеть в них только женщину. Если трансгендерность обнаруживается, это может стать причиной для физической расправы, вплоть до убийства³.

Подобные же ситуации происходят с транс* женщинами, не прошедшими операцию, если они встречались ранее с цисгендерным партнёром, но не занимались сексом. «Моя знакомая ТС-ка пре-оп познакомилась месяца два назад с парнем молодым. Ухаживал он за ней, о своей транссексуальности она ему не поведала и не хотела, думала, что как-нибудь в другой раз, типа влюбится, примет её и с “хвостиком”. Общение продолжалось долго, много общего у них было, и она почему-то даже думала, что он догадывается о её транссексуальности <...> Правда, как-то в разговоре он упомянул, что гомофобен и презирает парней нетрадиционной ориентации. Сегодня дело дошло до постели у них, и она ему раскрыла о себе все карты. Плевать он хотел на неё и её дружбу, хотел резать её, не мог простить лжи и предательства»⁴.

В таких случаях насильник считает, что транс* женщина обманула его, не сказав, кем «на самом деле» является. Между тем подобная ситуация возникает из-за *цисгендерного допущения*, то есть предположения или допущения, будто все люди цисгендерны. Когда цисгендерная женщина вступает в отношения,

- 3 Когда мой текст, на основе которого написана эта глава, был чуть ранее опубликован в виде статьи на феминистских ресурсах, я была разочарована, став свидетельницей фактического обвинения жертвы насилия цисгендерными феминистками в том, что она не предупредила насильника о своей трансгендерности.
- 4 Как можно заключить из текста, авторка (по-видимому, транс* женщина) также поддерживает мнение, что не рассказывать о своей трансгендерности — это «ложь и предательство». Подобные обвинения жертвы распространены в транс* «сообществе» сплошь и рядом.

её партнёр никогда не обвинит её в обмане на том основании, что она «скрыла» своё трансгендерное прошлое. Кроме того, смена «гендера» является не самым важным фактом в жизни, о котором нужно говорить при первом удобном случае. Вряд ли кто-то обвинит транс-женщину, если она на первом же свидании забудет сказать, что в детстве ей сделали прививку от полиомиелита. Таким образом, истинными причинами насилия в вышеописанных ситуациях являются: 1) циснормативность и трансфобное мнение о том, что транс* женщина — это не женщина; 2) повышенное внимание, которое общество уделяет гениталиям.

47% трансгендерных людей подвергались **сексуальному насилию** (Dempsey, 2010), в том числе 32% были принуждены к сексу, когда они этого не хотели, 32% — к другим видам сексуальной активности, 12% были принуждены к просмотру порнографии, 2% принуждены заниматься сексом с другими людьми за деньги.

2. Институциональные факторы, влияющие на незащищённость трансгендерных людей

Циснормативность, которой проникнуто общественное сознание, нашла формальное выражение в бюрократических процедурах и медицинских документах. Эти стандарты усиливают и закрепляют циснормативность, породившую их.

1. Различные гендерные вариации патологизированы и входят в категорию психических расстройств в МКБ и DSM⁵.
2. Требования для изменения гражданского пола отличаются в разных странах и даже внутри одной страны⁶, но чаще всего включают получение психиатрического диагноза «Транссексуализм», прохождение гормональной терапии и одну или несколько операций. Во многих странах в число требований

5 О транс* патологизации см. в главе 8.

6 Например, в России, где процедура определена нечётко. Подробнее см.: Кириченко К. (2011). Аналитическая записка «Положение транссексуальных людей в регионах России: смена документов и доступ к специализированной медицинской помощи».

входит стерилизация либо прохождение генитальных операций, аналогичных стерилизации по своему эффекту.

3. Хотя законы большинства стран постсоветского пространства не определяют, какие имена являются женскими, а какие мужскими, равно как и то, что лица с женским гражданским полом должны носить «женские» имена, а лица с мужским полом — «мужские», на практике изменить имя с «мужского» на «женское» или наоборот без изменения гражданского пола не всегда удаётся⁷. Распространённым поводом для отказа является ссылка на Справочник личных имён народов РСФСР (Суперанская, 1979), несмотря на отсутствие в законодательстве ссылки на этот справочник, равно как и указание в нём самом, что список имён носит рекомендательный характер.
4. Мало того что во многих случаях хирургические операции трансгендерным людям не нужны (и даже являются нежелательными), они за редким исключением вынуждены сами за них и платить. Если у человека нет денег на операцию, ей или ему не поменяют документы, а без документов, соответствующих гендеру восприятия, он_а будет подвергаться дискриминации во всех местах, где требуется предъявлять документы. Таким образом, возможность не подвергаться угнетению по признаку трансгендерности зависит от наличия классовых привилегий⁸.
7. Когда я обратилась в российский ЗАГС с требованием сменить имя на «Яна» и добавить к фамилии окончание «-а», при том что в документах у меня оставался мужской гражданский пол, я получила отказ со ссылкой на статью 19 ГК РФ, согласно которой «не допускается приобретение прав и обязанностей под именем другого лица, так как может повлечь введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан». Районный суд согласился с решением ЗАГСа, сославшись на то, что я не предоставила «документ установленной формы», необходимый для смены гражданского пола, не обратив внимания на то, что я собиралась менять имя, а вовсе не пол. К сожалению, обжалование в вышестоящих инстанциях не было проведено из-за моего отъезда из России.
8. О пересечении трансфобии с классицизмом см. главу 5, посвящённую интерсекциональности.

Хотя эти вопросы на первый взгляд имеют отвлечённое отношение к домашнему насилию, трансфобия, которую они провоцируют в конкретных ситуациях (на работе, в полиции, кризисных центрах), усиливает зависимость от партнёр_а и трудность выхода из насильственных отношений.

3. Экономическая зависимость от партнёр_а

Трансгендерный «переход» требует серьёзных временных и финансовых затрат — оплаты гормональных препаратов и хирургических операций, а иногда и работы психиатрической комиссии, при этом именно в период «перехода», который обычно длится несколько лет, трансгендерные люди особенно уязвимы к угнетению по признаку трансгендерности, в частности при трудоустройстве. В связи с дискриминацией трансгендерные люди могут особенно остро испытывать экономическую зависимость от партнёр_а и семьи, что будет препятствовать их выходу из отношений в случае проявления насилия. Нередко партнёрами транс* женщин становятся обеспеченные мужчины, которые, пользуясь их финансовым положением, используют их в качестве секс-игрушки, при этом контролируют все их действия под угрозой прекратить финансирование: «Мой любимый, <...> влиятельный и богатый человек, помог мне сделать и оплатил весь комплекс пластических операций и гормонотерапию <...> Живу я с ним не всегда, он периодически уезжает в другой город, там его семья и жена. Меня он полностью содержит, контролирует моё каждое действие и шаг. Я его безумно люблю, но когда я одна, мне очень становится одиноко, я, наверное, как птица в золотой клетке <...> Как соберусь на вечеринку, так за мной постоянный контроль со стороны любимого, его водитель-охранник не даёт покоя. А мне хочется общения по настоящим интересам, о жизни поговорить. У меня всё есть, но нет счастья». В интернете широко распространены объявления транс* женщин о поиске «спонсоров», которым они фактически предлагают себя в сексуальное рабство в обмен на спонсирование операций и других процедур. Другим выходом является занятие секс-работой, запрещённой в большинстве стран, из-за чего эти

транс* женщины выпадают из правового поля и подвержены насилию со стороны клиентов, владельцев секс-бизнеса и в особенности полиции⁹.

4. Проблемы с жильём

Трансгендерные люди часто сталкиваются с отказом в аренде жилья, если их воспринимаемый гендер отличается от гражданского пола. По статистике США, 11% были выселены из жилища в результате трансфобной дискриминации, 19% сталкивались с отказом в сдаче жилья, причём обе эти цифры возрастали в 2–3 раза для респонденток of color (Grant, 2010). 12% были вынуждены заниматься сексом с людьми, которым принадлежало жильё, с тем чтобы переночевать там. В общежитиях трансгендерных людей, как правило, селят с другими людьми согласно гражданскому полу либо отказывают в проживании. Ещё хуже обстоит ситуация в шелтерах для бездомных, в которых 47% обратившихся туда трансгендерных людей подверглись унижительному обращению. Многие трансгендер_ки не имеют возможности жить с родителями из-за неприятия их в новом гендере. Таким образом, если трансгендерные люди не имеют собственного жилья, они вынуждены проживать в доме партнёр_а, что становится дополнительным фактором зависимости и препятствует выходу из насильственных отношений, так как альтернативой может стать жизнь на улице¹⁰.

5. Отсутствие поддержки родственни_ц/подруг

Трансгендерные люди, как правило, встречают непонимание со стороны родных как минимум на протяжении некоторого периода жизни, в худшем варианте — в течение всей жизни. По данным опроса (Grant, 2010), 43% трансгендерных людей были отвергнуты их родителями или другими членами семьи. В такой ситуации семья может стать не опорой, которая поддержит в случаях насилия со стороны партнёр_ки, но, напротив, становится источником угрозы. Случаи домашнего насилия со

9 О пересечении трансфобии с угнетением секс-работни_ц см. главу 5, п. 3.3.

10 К этому нужно добавить, что в ряде стран существует криминализация бездомности.

стороны семьи могут включать домашний арест, избивание или «корректирующее» изнасилование.

Правозащитная организация Human Rights Watch задокументировала следующий случай домашнего насилия в отношении транс* мужчины в Кыргызстане: «Отец пришёл домой, отвёл меня в комнату и стал бить. Сначала стулом бил, потом скалкой, потом скалка сломалась. Тогда кулаки в ход пошли. Потом ещё ногами попинал от души. В общем, пока не выдохся. На следующий день — та же история. После обеда опять бить стал... Чем под руку попадётся, что подвернётся» (HRW, 2008).

Нередки угрозы со стороны родителей трансгендерных людей отправить их в психиатрическую лечебницу. Риск оказаться там особенно велик для несовершеннолетних, однако и после совершеннолетия угроза принудительного психиатрического лечения может использоваться для запугивания: «Перед тем как я приехала, буквально за сутки родители упекают её [транс* женщину] в психушку. Забрали в “Научно-практический центр психического здоровья Новинки [Беларусь]. <...> Увезли, по словам знакомых, по доброволке, по словам Кати заставили что-то подписать. По словам отца увезли по недоброволке. К Кате нас не пускают и запретили звонки. Отец обещал максимум контроля над ней до 18, потом может валить, но если до 18 эти мысли из неё не выдавит психушка, оставляет её на столько, на сколько потребуется. В Новинках врач сказал Кате, что её исправит армия (психиатр лечащий). И что мысли о транссексуализме она придумывает». Не стоит удивляться, что семья в этом случае перестаёт быть местом, куда человек может обратиться за помощью в ситуации насилия со стороны партнёр_ки.

Меняя гендер/пол, трансгендерные люди теряют значительное число близких друзей — по статистике, это происходит в 61% случаев (Grant, 2010). Многие намеренно стремятся порвать со знавшими их до «перехода» и переезжают в другие места, где их никто не знает. Социальная изоляция, отсутствие знакомых и поддержки родных оставляют жертву один на один с насильником в ситуации, где насильник является единственным близким человеком.

6. Незащищённость родительских прав

В случае наличия у трансгендерных людей общих детей с партнёром_ом последним_ий при разрыве отношений может угрожать забрать детей себе. Исследование (Grant, 2010) показало, что 29% бывших партнёров_к запрещают трансгендерным и гендерно неконформным людям видеться с детьми. В 13% случаев суды отказывали им видеться с детьми из-за трансгендерности или гендерной неконформности — однако, как отмечают сами исследовательницы, это не означает, что остальные 87% не подвергались дискриминации, так как не все споры об опеке доходили до суда. Страх потерять детей может использоваться для удержания транс* партнёрок_ки в насильственных отношениях, в том числе запрещения ей или ему менять пол: «Я ФтМ, которого кто-то когда-то называл мамой. Банальная история среди ТС: поставили перед выбором — либо ребёнок, либо твой ТС-путь. Да и не могу я быть родителем... но и без крошечки своей схожу с ума. Мне бы просто видеться, заботиться, делать подарки, водить в зоопарк, в цирк... Но мне не позволяют».

В качестве аргумента для манипуляций может служить то, что «транссексуализм» считается психическим заболеванием, поэтому суд, руководствуясь интересами ребёнка, оставит её/его с цисгендерным родителем. Другой аргумент — трансгендерность родителя будет служить поводом для дискриминации, высмеивания или оскорбления ребёнка.

7. Внутренние трансфобия и мизогиния

Существенной психологической причиной, которая повышает риск попадания в насильственные отношения, является *внутренняя (интернализированная) трансфобия*, то есть неприятие, осуждение трансгендерными людьми своей трансгендерности (Courvant, 1998). Интернализированная трансфобия приводит к чувству вины, в результате в конфликтных ситуациях жертва ищет причину в себе и считает, что такие отношения — это единственное, чего он/а/о заслуживает.

Многие трансгендерные люди с раннего возраста привыкли к насилию как наказанию за гендерную неконформность — либо

со стороны родителей, либо со стороны сверстни_ц. В случае транс* женщин, родители наказывали их за отказ проявлять маскулинность и неумение защитить себя. При попадании в насильственные отношения такие люди с большей вероятностью будут винить себя в том, что не смогли сопротивляться насилию, тем самым поддерживая мнение, что жертва сама виновата.

Помимо трансфобии немалую роль в подверженности транс* женщин насилию играет мизогиния, которая была приобретена ими при мужской социализации и после смены гендера превращается в *интернализированную мизогинию*. Для многих транс* женщин мизогиничное обращение с ними, насилие, отсутствие мужских привилегий служат подтверждением того, что они женщины. В то же время сопротивление и активная позиция в отношениях воспринимается ими как показатель принадлежности к мужчинам, от чего они всеми силами стремятся избавиться. Кроме подверженности насилию такая жизненная позиция приводит некоторых транс* женщин к отрицанию различных видов активизма, а также феминизма, который, по их мнению, стремится превратить всех женщин в мужчин¹¹.

8. Трудности в поиске новой партнёр_ки

В то время как трансгендерные люди, и особенно транс* женщины, часто получают предложения сексуального характера, и, по себе знаю, на редкость омерзительные, поиск постоянно_й партнёр_ки довольно затруднителен. Это связано с непониманием того, кто такие трансгендерные люди, со стереотипами, которые рисуют всех транс* женщин либо геями, либо секс-работни_цами, а также с сексуальной объективацией, при которой вся личность транс* женщины сводится к её гениталиям, а отношения с ней — всего лишь к эксперименту. Даже если находятся люди, которые ищут долговременных отношений с транс* женщиной, обычно их представления о её внешности рисуются мейнстримным порно, в то время как большинство транс* женщин, особенно с низким достатком, которым не доступны дорогостоящие операции, обычно далеки от стереотипно-феминной внешности, которой от

11 Об антифеминизме транс* людей см. в главе 3.

них ожидают. Более того, сами желающие познакомиться зачастую оказываются омерзительными сексисто-трансфобами, с которыми у транс* людей не возникает желания иметь дело, вот примеры их объявлений о знакомстве: «Познакомлюсь с настоящей девушкой с сюрпризом», «Мне безумно хочется пообщаться с транссексуалкой <...> я имею ввиду тех, кто выглядит, как полноценные девушки (голос, внешность, грудь), но “там”, как у мужчины», «Мечтаю повстречать сексуальную shemale».

Витающая в обществе трансфобия и гомофобия может коснуться и потенциально_й партнёр_ки транс* женщины. Например, цис-мужчина может отказаться встречаться с транс* женщиной, так как боится, что его будут считать геем. Я сама столкнулась с трудностью в поиске партнёрки в начале «перехода», когда женщины, идентифицирующие себя как лесбиянки, не хотели встречаться со мной, потому что не признавали как женщину, а с гетеросексуалками я не знакомилась, так как мне было бы неприятно, если бы меня воспринимали как мужчину.

Страх не найти нов_ую партнёр_ку сдерживает трансгендерных людей от ухода из насильственных отношений. Цисгендерный партнёр может намеренно играть на страхе транс* партнёр_ки не найти новых отношений. «Кому ты такой будешь нужен?» — слышали многие из нас не только от партнёро_в, но и родителей и других родственников.

9. Страх аутинга

Часто трансгендерные люди предпочитают скрывать свой трансгендерный статус, чтобы не подвергаться трансфобной дискриминации. Это делает их очень уязвимыми перед партнёрами, которые могут угрожать сделать им *аутинг* (то есть сообщить о том, что они являются трансгендер_ками) перед людьми, которым это нежелательно знать, например, знакомым и колле_жанкам по работе.

10. Страх перед «правоохранительными» органами

Трансгендерные люди, чей паспортный пол отличается от гендера/пола восприятия, предпочитают без надобности

не обращаться в учреждения, где требуется предоставлять паспортные данные, в том числе в полицию. Обращение в полицию чревато унижительным обращением, в том числе именованим в неправильном роде, оскорблениями, высмеиванием и даже возможностью подвергнуться насилию. По данным (Grant, 2010), 22% трансгендерных людей подвергались домогательству со стороны полиции, 6% испытывали физическое насилие и 3% — сексуальное.

Санкт-петербургская ЛГБТ-организация «Выход» сообщает, что во время Недели Трансгендеров в Петербурге одна из участниц была остановлена полицией для проверки документов. Несмотря на предъявление документа, подтверждающего факт прохождения заместительной гормональной терапии, полицейские обращались к ней по паспортному имени и проигнорировали просьбу о том, чтобы обыск провела женщина (Российская ЛГБТ-Сеть, 2012).

Таким образом, трансгендерным людям приходится выбирать между насилием со стороны партнёра и неадекватным обращением со стороны полиции. Помимо трансфобии, в полиции они могут столкнуться с гомофобными предрассудками, так как будут вынуждены назвать пол партнёра. Вместе с опасением унижительного обращения трансгендерные люди могут испытывать страх перед возможным распространением полицией личной информации, что может повлечь проблемы с работой и во взаимоотношениях с окружающими.

Трансгендерные люди, не прошедшие операцию, могут опасаться обращаться в травмпункт и другие медицинские учреждения для фиксации побоев, так как боятся обнаружить свой трансгендерный статус.

11. Недружелюбность кризисных центров и шелтеров для женщин

Кризисные центры (далее — КЦ) и шелтеры, целью существования которых является создание защищённых пространств «только для женщин», редко готовы оказывать помощь транс* женщинам из-за того, что не признают их в качестве женщин. Основанием для отказа в обслуживании является как бытовая

трансфобия, так и более теоретически обоснованные доводы радикальных феминисток (Дж. Реймонд, М. Дэйли и других), ссылающихся на отсутствие у транс* женщин XX-хромосом, вагины или женской социализации¹². Некоторые шелтеры могут устанавливать требования, которым должна соответствовать транс* женщина, чтобы считаться женщиной (Namaste, 2000). В одних для этого будет достаточно наличия диагноза «транссексуализм», в других потребуется подтвердить факт совершения операции на гениталиях, в то время как иные принимают только женщин с женским паспортным полом — тем самым создаётся иерархия среди транс* женщин по признаку того, кто из них в большей степени является женщиной («Transwomen in Women-only Shelters»). Так как получение новых документов зачастую сопряжено с прохождением операций, за которые транс* женщина вынуждена платить сама, шелтеры, устанавливающие такие требования, ограничивают в помощи наиболее бедных и уязвимых транс* женщин (Namaste, 2000). Кроме того, ограничение для транс* женщин, не прошедших операцию, исключает трансгендерных секс-работниц, которые используют свои гениталии для зарабатывания денег. Большинство КЦ и шелтеров не имеют специальных правил для работы с транс* женщинами, поэтому с каждой конкретной транс* женщиной этот вопрос решается индивидуально — немалую роль в решении играет субъективное мнение сотрудниц, насколько она воспринимается ими в качестве женщины.

Споры возникают вокруг доступа транс* мужчин в шелтеры для женщин. Попытка заставить транс* мужчин репрезентовать себя как женщин, чтобы получить убежище в шелтере для женщин — проявление неуважения к их гендерной идентичности. В пользу открытости шелтеров для транс* мужчин говорит то, что а) многие из них имели прочные связи с женским движением и участвовали в создании женских сервисов, когда идентифицировали себя как женщины (часто как лесбиянки); б) общество рассматривает транс* мужчин как женщин с отклонениями — таким образом, они подвержены мизогинии,

12 Подробнее о трансфобии в феминизме см. в главе 3.

как и женщины; в) транс* мужчины, имеющие «женское» тело, сталкиваются с дискриминацией в организациях, предназначенных для мужчин, в то время как женские организации могут оказаться более осведомлены об их проблемах («Trans Pride Initiative»).

Весной 2013 года я провела опрос кризисных центров и шелтеров в России на предмет работы с транс* женщинами. Опрос проводился по электронной почте. Из 37 КЦ и шелтеров, которым я направила письма, ответы пришли только от двух: РОО ИНГО «Кризисный центр для женщин» (г. Санкт-Петербург) и РОО Независимый Благотворительный Центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сёстры» (г. Москва). Обе эти организации оказывают помощь и транс* женщинам, и транс* мужчинам, при этом не предъявляют специальных требований для подтверждения гендерной идентичности, обе имеют опыт работы с транс* женщинами. К сожалению, ни один из этих кризисных центров не имеет шелтера. Из остальных КЦ, с которыми я пыталась связаться, я не получила ответа, что, на мой взгляд, может означать нежелание этих организаций работать с трансгендерными людьми.

Даже если КЦ и шелтеры готовы обслуживать транс* женщин, они редко имеют чётко прописанную политику транс* инклюзивности, поэтому транс* женщины не обращаются в них, опасаясь проявления трансфобии по отношению к себе.

12. Как сделать шелтеры транс* инклюзивными

Даже если формально КЦ и шелтеры признают гендерную идентичность транс* женщин, основанием для отказа может стать необученность сотрудниц специфике работы с трансгендерными людьми, а также возможные неудобства цисгендерных проживающих в шелтере (Соре, 1999). Ещё одним аргументом является исключение транс* женщин «для их собственного блага», так как в шелтере они могут подвергнуться проявлениям трансфобии со стороны цисгендерных проживающих — таким образом, транс* женщина рассматривается как источник проблемы, который нужно устранить, в то время как настоящей

проблемой является трансфобия сотрудниц и клиенток шелтеров и кризисных центров.

Могут ли права человека или группы ограничиваться из-за того, что они не нравятся людям, которые составляют большинство? По такой логике, представитель_ниц «ЛГБТ» необходимо изолировать от общества, мигранто_к выдворять из страны и запретить феминизм, так как все эти люди не нравятся большинству населения. Иногда, снисходя до того, чтобы признать факты насилия в отношении трансгендерных людей, некоторые феминистки рекомендуют нам создавать специализированные транс* шелтеры. Я считаю, что и такие места нужны тоже, и чем больше разных шелтеров, тем лучше, однако в целом такой подход неверен: точно таким же образом можно предлагать делать отдельные шелтеры для женщин различной национальности, для секс-работниц, женщин с инвалидностью и довести сегрегацию до полного абсурда, когда для каждой конкретной женщины нужен будет свой собственный шелтер. Особенно учитывая небольшое число трансгендерных людей, создание специализированных шелтеров нецелесообразно, за исключением крупных городов, и разумнее использовать существующую инфраструктуру.

Для того, чтобы сделать шелтеры по-настоящему (а не только формально) инклюзивными для всех групп женщин, нужно не так много усилий, основным является желание и отсутствие трансфобии у самих сотрудниц. Предлагаются (Cope, 1999) следующие три составляющие:

1. *Информирование сотрудниц* о трансгендерности, циснормативности/трансфобии и насилии в отношении трансгендерных людей. Обучение может быть представлено как формальными семинарами, так и чтением литературы¹³ или проведением встреч с активист_ками транс* движения. Такие занятия помогут не только понять ситуации, специфичные для трансгендерных людей, но и развеять страхи и опасения, которые возникают из-за трансфобии общества.

2. *Развитие политики шелтера.* В большинстве случаев транс* инклюзивность не изменит существующие правила,

13 Надеюсь, эта книга сможет послужить одним из таких материалов.

однако важным является формальное закрепление положения о том, что женщинами являются люди с женской гендерной самоидентификацией. Также желательным является:

- указание в явном виде того, что транс* женщины входят в число лиц, которым оказывается помощь¹⁴;
- дополнение списка признаков, по которым недопустима дискриминация, пунктом о гендерной идентичности и гендерной репрезентации;
- включение трансгендерного статуса в правила о конфиденциальности.

3. *Аутрич*. Если ваша задача состоит не в формальном соблюдении политкорректности и вы действительно хотите видеть в своём шелтере транс* женщин, необходимо прилагать усилия для того, чтобы о вашей транс* инклюзивности узнали те, кому это может понадобиться. Следует налаживать работу с транс* активист_ками; возможно, понадобится сделать информационные материалы, объясняющие политику вашей организации в отношении трансгендерных людей.

Часто при обсуждении доступа транс* женщин в шелтеры задаются вопросы из серии «а что если». Как правило, эти вопросы в той или иной мере вызваны трансфобными предрассудками и убеждением, что транс* женщины — это мужчины. Приведу некоторые из них:

- «Что, если транс* женщина начнёт приставать к другим женщинам?» Транс* женщины имеют различную сексуальную ориентацию. Некоторые из них действительно являются лесбиянками. Встречный вопрос: что вы станете делать с цисгендерной лесбиянкой, если она станет

14 Следует, однако, аккуратно подходить к формулировкам и не писать, например, «женщины и транс* женщины», так как это воспринимается так, словно транс* женщины — какие-то особенные женщины. Исправить ситуацию можно, говоря не «(просто) женщины», а «цисгендерные женщины», или используя конструкцию со словом «включая». В любом случае хорошей идеей будет сотрудничество с трансгендерными людьми при составлении транс* инклюзивных политик и материалов.

приставать к другим женщинам? То же самое вы можете сделать и с трансгендерной. Как правило, в шелтерах существуют правила поведения, при нарушении которых любой женщине, вне зависимости от трансгендерного статуса, ориентации и так далее, будет отказано в дальнейшем проживании.

- «Что, если под видом транс* женщины в шелтер проникнет мужчина?» Трудно представить, чтобы насильник, являющийся мизогинистом, одевался в «женскую» одежду, теряя тем свою маскулинность. Тем не менее, даже при крайне низкой вероятности такой ситуации, его намерения станут ясны, как только он переступит порог шелтера. Что вы станете делать, если злоумышленник проникнет внутрь каким-то другим способом, например сломав дверь? Не говоря уже о том, что если в вашем шелтере проживает трансгендерная лесбиянка, её партнёрка-насильница также может проникнуть под видом пострадавшей женщины.

VII

Тело и внешность

*миф о чужом теле -
принятие своего тела -
личный опыт - бесплатность
хирургических операций
и гормонотерапии - пасс*

Обсуждения трансгендерности как в медиа-пространстве, так и в специализированной литературе зациклены на теле и его изменении, поэтому и для транс* активизма эта тема является одной из центральных. Процедуры смены гражданского пола, призванные поддержать циснормативность, принуждают трансгендерных людей принимать гормоны, проходить хирургические операции и в некоторых случаях стерилизацию для получения новых документов. На этом фоне транс* активист_ки развернули кампании, в которых операции и стерилизация представляются в исключительно негативном свете, стигматизируя тем самым *изменения тела* (англ. *body modifications*), которые осуществляются по желанию самих трансгендерных людей¹. В этой главе будут рассмотрены различные вопросы, связанные с телами и внешностью транс* людей, включая популярный миф о «чужом теле» и мой собственный опыт принятия тела; будет поднят весьма неоднозначный вопрос оплаты гормональных препаратов и операций, а также понятие «пасса».

1. Миф о «чужом теле»

Если вы захотите узнать истории трансгендерных людей, во многих случаях вы непременно услышите, что они родились в «чужом теле», что они ощущали себя «женщинами в мужском теле» или «мужчинами в теле женщины». «Чужое тело» будет преследовать вас также и в научно-популярных статьях, телевизионных передачах и медицинской литературе о трансгендерности. Кажется, «люди, рождённые не в том теле» — это самое простое определение, которое многим приходит в голову, когда речь заходит о трансгендер_ках, оно фактически превратилось в синоним трансгендерности.

- 1 Я в особенности с тем правом критикую таких активисто_к, что сама совсем недавно относилась к их числу, постоянно употребляя эпитет «калечашие» по отношению к операциям.

Ощущение себя «женщиной (мужчиной), по ошибке заключённой (-ым) в мужское (женское) тело», стало диагностическим критерием «ядерного транссексуализма» в книге сексолога и одного из первых исследователей трансгендерности Гарри Бенджамина «Феномен транссексуальности» (Benjamin, 1966). Чтобы получить разрешение на операцию, а следовательно, и смену документов, трансгендерные люди должны были неукоснительно соответствовать этому критерию, и они ему соответствовали. Трансфеминистка Сэнди Стоун описывает эту ситуацию таким образом: «Потребовалось на удивление много времени — несколько лет — чтобы исследователи осознали, что причина такого хорошего соответствия между поведением кандидаток [на смену пола] и описанным у Бенджамина состояла в том, что кандидатки тоже читали книгу Бенджамина, которая передавалась из рук в руки внутри транссексуального сообщества, и были рады демонстрировать поведение, которое позволяло получить разрешение на операцию. <...> Две группы, с одной стороны исследователи и с другой транссексуалки, преследовали различные цели. Исследователи хотели знать, что представляет собой явление, которое они называли синдромом гендерной дисфории. Им нужны были симптомы, критерии для дифференциальной диагностики, процедуры для оценки, надёжные курсы лечения и известный результат. Транссексуалки хотели операцию. Они имели очень чёткую цель в своём общении с исследователями и рассматривали медицинские критерии как ещё одно препятствие на своём пути — то, что необходимо преодолеть. Для этого они недвусмысленно воспроизводили основной критерий Бенджамина в его простейшей форме: ощущение нахождения в “чужом” теле» (Stone, 1991).

Хотя сегодня критерии Бенджамина признаны устаревшими, формулировка о «чужом теле» до сих пор прочно засела в коллективном сознании как самих трансгендерных людей, так и тех, кто говорит о нас. Ко всему прочему, она очень проста и способна вызывать сочувствие окружающих: «Каково это —

родиться не в своём теле? Несчастливые люди!»². И тем не менее, несмотря на свою простоту и практичность, эта формулировка неверна и вредна.

Те, кто определяет трансгендерных людей как «женщин, рождённых в мужском теле» или «мужчин, рождённых в женском теле», опираются на биологическую концепцию трансгендерности³. Прежде всего, эту идеологию поддерживают сами трансгендерные люди. Они утверждают, что чувствовали себя женщинами/мужчинами с самого рождения, и воспроизводят мотив бедных, несчастных жертв несправедливости природы, которых надо пожалеть — точно то же, чего конформистские цисгендерные геи и лесбиянки хотят добиться, доказывая врождённость своей ориентации. Однако не все трансгендерные люди хотят ощущать себя бедными и несчастными. Вот что пишет об этой концепции транс* активистка Джанет Мок в своём блоге:

«Почему это мне не нравится? Потому что это ставит меня в позицию жертвы, и те, кто принимает за правду образы, созданные средствами массовой информации, видят меня как человека, которой следует сочувствовать, потому что меня надо спасать, но не как независимую женщину, способную действовать, выбирать и определять, кем я являюсь в этом

- 2 Поведение этих трансгендерных людей можно описать с помощью так называемой «роли больной» (*англ.* sick role). Согласно теории социолога Толкотта Парсонса (Parsons, 1951), лица, считающиеся больными, исполняют определённую социальную роль («роль больной»), которая даёт определённые преимущества, а именно: 1) больная освобождается от части своих социальных обязательств, которые общество накладывает на здоровых, 2) больная не несёт ответственности за своё состояние. Одновременно с этим «роль больной» накладывает и обязательства: прикладывать усилия для выздоровления и искать помощи врачей. Из преимуществ второе особенно актуально для трансгендерных людей, так как снимает с них ответственность за поведение, которое в противном случае расценивалось бы как аморальное, и даёт возможность требовать бесплатных препаратов и операций. Эти преимущества для некоторых транс* людей перевешивают недостатки патологизации.
- 3 О причинах транс- и цисгендерности см. в главе 9.

обществе и кем я стану невзирая на него» (Mock, 2012).

Фраза «чужое тело» подразумевает бинарные оппозиции «чужое»/«свое» и «неправильное»/«правильное», которые отражают бинарностью на уровне «гендера» и «биологического пола». Она привязывает «гендер» к «полу» и подразумевает, что каждому «гендеру» (из двух возможных) должно соответствовать тело определённого «пола», и таким образом поддерживает репрессивный дискурс циснормативности и патриархатные представления о том, какими должны быть «женские» и «мужские» тела⁴. С. Стоун комментирует этот момент следующим образом: «Согласно бинарному фаллократическому мифу о сотворении, на основе которого расцениваются тела в западной культуре, только одно тело для каждого гендера считается “правильным”. Все остальные тела неправильные. В то время как медики и транссексуалки продолжают бороться на поле диагностических критериев, которое предлагает этот сценарий, существование транссексуалок, чья гендерная идентичность несколько отличается от гениталий, замалчивается теми, для кого власть медицинских/психологических авторитетов и их способность выступать стражами культурных норм формирует окончательное мнение о том, что считать культурно приемлемым телом» (Stone, 1991).

Определение трансгендерных людей как родившихся в «чужом теле» стирает существование тех из нас, кто удовлетворены своим телом, либо тех, для кого достаточны лишь частичные изменения тела. Оно стирает существование тех из нас, кто не хочет быть ни «женщинами», ни «мужчинами» ни на уровне «гендера», ни на уровне «биологии». Оно поддерживает миф о том, что все трансгендерные люди хотят совершить операцию по изменению морфологического пола, тем самым легитимизирует негуманные процедуры смены гражданского пола, которые во многих случаях требуют осуществления операций, даже если они нежелательны для самих трансгендерных людей. Даже в самом транс* «сообществе» до сих пор можно услышать мнение о том,

- 4 Борьба со стереотипами о том, какие тела являются «правильными» для «женщин» и «мужчин», является общей транс* и интерсекс* активизмов.

что транс* женщины, отказывающиеся делать операцию, — это «неправильные», «ненастоящие транссексуалки», которые стоят в иерархии ниже, чем те, которые прошли все операции⁵.

Даже если мы хотим изменить наши тела, наша предыдущая телесная конфигурация не становится от этого «неправильной». Точно так же, как люди, красящие волосы, не говорят, что их волосы «чужие» или «неправильные». Они скажут о том, что их новый цвет волос более красивый и подходит им больше, чем предыдущий.

Высказывания про «чужое тело» являются циснормативными и нуждаются в искоренении. Мы должны говорить о том, что не существует «женских» и «мужских» тел, так же как клитор и вагина не являются «женскими» «половыми органами», а пенис — «мужским». Существуют мужчины с вагиной и грудью и женщины с пенисом и без груди. Их тела имеют ничуть не меньшее право на существование, чем тела цис-людей или трансгендерных людей, прошедших операции. Мы должны добиваться права не только изменять наши тела, но и оставлять их в том состоянии, которое наилучшим образом соответствует нашим ощущениям, вне зависимости от того, подходит ли наше тело под культурные нормы. Следует разрушать циснормативные шаблоны, которые отравляют наши жизни и заставляют многих из нас проходить нежелательные операции.

2. Принятие своего тела

Когда я была мужчиной, я очень мало задумывалась о своей внешности и своём теле. Заботиться о внешности было «бабье дело», а быть «бабой» или «как девочка» в том мужском мире, где я социализировалась, считалось унижительным. Напротив, ходить в грязном и дырявом, вымазав руки и отрастив щетину, — это, я считала, «по-мужски», и этому представлению о мужественности я временами соответствовала.

Когда я решила быть женщиной, то, что изменилось, — это то, что я впервые «заметила» своё тело. Теперь вопрос о том,

5 О трансфобии и иерархиях внутри транс* «сообщества» — глава 2.

насколько моё тело соответствует стандартам женственности, стал одним из самых насущных в моей жизни. Я часами торчала перед зеркалом, брила волосы везде кроме головы как только они появлялись, выщипывала брови. Эстрогены, которые я пила первые полтора года, не дали существенного результата, и лишь разочаровавшись в них и решив, что восприниматься как женщина для меня важнее, чем иметь фертильность, я взялась за сильнодействующие антиандрогены. Меня радовало, что моё лицо приобрело округлые черты, моя кожа начала становиться мягкой, на теле появились эрогенные зоны там, где их никогда не было, грудь приблизилась к первому размеру. Но несмотря на эти положительные изменения, я потеряла иллюзии о том, что когда-либо стану «настоящей» женщиной. Те препараты, что я пью, одни из наиболее сильных, но они не приблизили мою внешность к стереотипно-феминной, как я надеялась. Мне не хотелось быть похожей на женщину только благодаря косметике, я хотела, чтобы меня воспринимали как женщину даже в мужской одежде и без косметики.

Я и до этого испытывала ненависть к своему телу, но, начитавшись историй других транс* женщин, я питала иллюзии на будущее, которые теперь потеряла. Я стала думать о пластических операциях на лице и увеличении груди. Я впадала в депрессию, видя «красивых» женщин, на фоне которых я представляла собой что-то бледное, даже отдалённо не напоминающее женщину. Меня бесила щетина, против которой эпиляция очень плохо помогала, и готова была лезть на стенку, если по какой-то причине не могла попасть на процедуру. Хотя я никогда не имела окончательной позиции по операции на гениталиях, порой мне хотелось стать «настоящей» женщиной и отрезать «лишние» части тела. Ненависть к собственным «половым органам» послужила причиной тому, что я стала позиционировать себя как асексуалка, так как секс в текущей конфигурации мне был неприятен.

Я нашла выход, изучая феминистскую и в особенности трансфеминистскую теорию. Трансфеминизм утверждает, что нашу принадлежность к женщинам определяет не наша внешность, которую общество гендеризует как «женскую», и не

MOË
TENO
MOË
DELO

наши «половые органы» и иные части тела, но только наша женская гендерная идентичность, то есть идентификация с другими женщинами. Трансфеминизм учит, что нет единого стандарта, какой должна быть женщина, чтобы называться женщиной, и нет универсального женского опыта; что все женщины разные и каждая из нас имеет свой уникальный опыт. Существуют женщины, у которых нет щетины, но у некоторых женщин она есть. Существуют женщины, внешность которых настолько маскулинна, что их путают с мужчинами, если даже они цисгендерки. Существуют женщины, у которых небольшая грудь. И наконец, существуют женщины, у которых есть пенис, но нет вагины; но не все, кто имеет вагину, женщины. Женщины с пенисом не являются менее настоящими, чем женщины с вагиной, только потому, что их меньше. Единственное условие для того, чтобы быть женщиной, — идентифицировать себя как женщина. Впрочем, сейчас я уже думаю, что понятие «женщина» не имеет смысла даже на уровне «гендерной идентичности» и сама эта «идентичность» является в такой же степени иллюзией, как и сам «гендер», относительно которого она строится⁶.

В связи с развитием социально-конструктивистских взглядов я осознала, что понятие «красоты» задаётся социумом и является репрессивным. Я узнала, что то, какие женщины мне нравились, а какие нет, на самом деле также определялось стереотипами. Когда я пришла к этому теоретическим путём и посмотрела на мир собственными глазами, а не глазами окружающих, мне перестали нравиться ультрафеминные конформные блондинки, как прежде, но стали нравиться трансгендерные и цисгендерные неконформные женщины.

Я больше не пыталась втиснуть свою внешность в рамки женственности. Мне стало нравиться ходить по улице со своими женственными чертами лица и женской причёской, но с щетиной и наблюдать, как прохожие безуспешно пытаются отгадать мой гендер. Однажды я сфотографировалась с голой грудью с надписью «моё тело — моё дело» — лозунгом, имеющим не только феминистский, но и глубокий трансгендерный смысл —

6 О «гендере» и «гендерной идентичности» см. в главе 1.

и небритой бородой и смеялась над комментариями, в которых пытались отгадать, парень ли я, который пририсовал себе грудь в графическом редакторе, или девушка, пририсовавшая бороду. Ограниченное бинарными гендерными рамками воображение людей никак не могло допустить, что я не пыталась выглядеть ни тем, ни другим. Во время этого приключения с грудью я узнала кое-что интересное об объективизации женского тела, теперь также и своего. Во время моей мужской социализации меня учили рассматривать грудь других женщин как сексуальный объект, но меня не учили скрывать собственную. Поэтому когда я выставляла свою голую грудь в интернет, я была абсолютно наивна и не подозревала, что за этим последует шквал оскорблений и нелицеприятных высказываний, в том числе от людей, которые не считали меня женщиной. Но если они не считали меня женщиной, почему они возмущались моей грудью? Ведь для мужчин считается приемлемым появляться на публике с голой грудью, и я сама так ходила, пока была мужчиной.

В мае 2013 года я полностью отказалась от гормонов, чтобы восстановить фертильность. Не сказать чтобы это было легко, особенно первое время, и помимо трансфеминизма в принятии своего тела мне сильно поспособствовала партнёрка.

Не сказать, чтобы я совершенно перестала испытывать ненависть к своему телу. Так, после походов по магазинам дисфория снова начинала меня преследовать. Меня изредка навещали идеи об операции и о том, как бы сексуально на мне смотрелось рекламируемое в магазинах бельё, если бы у меня не было ничего «лишнего». Подобные же мысли иногда возникали после просмотра фильмов со стереотипно-феминными — и, естественно, цисгендерными — актрисами. Во всех случаях моё неприятие тела возникает при столкновении с образом тела, который конструируется мейнстримной культурой. Кто рекламирует эту одежду? Кто снимается в фильмах? Это молодые, тощие женщины, как правило европейской внешности, непременно цисгендерные и непременно без инвалидности. Транс* женщины часто не принимают своё тело, называя его «чужим», но являются ли они единственными женщинами с такой проблемой? Совсем нет, отвращение к своему телу характерно для многих женщин, чьи тела не вписываются в

иллюзорные стандарты, диктуемые патриархатом.

В то время как во многих случаях патриархат лишь косвенно указывает женщине, какое тело ей полагается иметь, в случае транс* женщин это определяется через законы и процедуры, в которых задействованы психиатры, сексологи, хирурги, эндокринологи и чиновники, подтверждающие на разных этапах право называться женщиной на основании конструкции её тела. Эта циснормативность, навязанная патриархатом как напрямую, так и опосредованно, интернализируется транс* женщинами, которые начинают ненавидеть своё тело и желать операций.

Особенно непонятной в этом свете выглядит попытка некоторых феминисток заставить транс* женщин соответствовать стандартам женскости через поддержку требований прохождения генитальных операций, в чём я вижу их присоединение к патриархату. С таким же успехом они могли бы заставить женщин с маленькой грудью проходить операции по её увеличению — разве, по их логике, маленькая грудь не является признаком мужчины? Но напротив, они критикуют женщин, увеличивающих грудь, так как, по их мнению, они делают это для того, чтобы нравиться мужчинам. Не стоит ли по той же логике критиковать транс* женщин, прошедших хирургическую операцию на гениталиях — ведь вагины, как правило, больше привлекают мужчин, чем пенисы?

3. (Бес)платность хирургических операций и гормонотерапии⁷

Бесплатность хирургических операций по изменению морфологического пола является одним из требований, которое разделяет значительная часть транс* сообщества. При этом, как мне кажется, среди поддерживающих это требование нет глубокого осмысления того, зачем им это нужно. Размышляя над тем, должны ли операции для трансгендерных людей быть платными

7 Здесь речь пойдёт об операциях, но к гормонотерапии всё сказанное относится в той же мере и не упоминается здесь из-за моего личного опыта, в котором мне обычно хватало собственных денег на гормоны.

или бесплатными, я пришла к двум другим вопросам, а именно:

1. Являются ли операции по изменению морфологического пола необходимыми для достойной и счастливой жизни трансгендерных людей?
2. Должна ли медицина в целом быть платной или бесплатной?

Второй является скорее вопросом политических предпочтений, тогда как меня сейчас больше волнует первый. Как правило, необходимость бесплатных операций объясняют, используя патологизирующий дискурс: «Мы бедные и больные, вылечите нас, и мы станем такими же, как вы» (то есть максимально соответствующими циснормативным стереотипам). Эти операции представляются как необходимость и главная цель трансгендерных людей, без которых их жизнь будет неполноценна. Очевидно, такой подход не может устроить активистов, выступающих за депатологизацию. Неудивительно, что бесплатность операций выступает едва ли не основным аргументом противницы депатологизации среди трансгендерных людей.

Для выяснения необходимости или опциональности этих операций необходимо разобраться в причинах желания их проходить. Здесь сторонники патологизирующего подхода, несомненно, сошлутся на врождённость этого желания: они объявят, что не виноваты, что родились такими, а следовательно, им требуется помощь. Обсуждению причин трансгендерности и цисгендерности посвящена другая, девятая глава этой книги, но если кратко, то я считаю своё желание восприниматься в женском гендере по большей части своим выбором. И я когда-то хотела этих операций, пока не поняла, что это желание задано циснормативным обществом, в котором женщинами являются те люди, которые имеют вагины, а мужчинами — люди с пенисами. Трансгендерные люди интернализируют эти циснормативные представления и начинают верить в то, что не смогут стать «настоящими» женщинами/мужчинами, пока не приведут свои гениталии в соответствие со стандартами.

Являются ли эти операции необходимыми? На мой взгляд, нет, если избавиться от внутренней циснормативности. Они столь

же необходимы, как пластические операции или операции по увеличению груди, которым подвергают себя некоторые цис-женщины, зачастую из-за внутренней мизогинии и желания соответствовать стандартам патриархата и нравиться мужчинам. Соответственно, и оплачиваться операции по изменению морфологического пола должны по той же схеме, что и остальные необязательные операции.

Если бы мы жили в мире, где нас считали представителями той или иной (или никакой) гендерной группы на основании лишь нашего желания, то на этом месте мои рассуждения можно было бы закончить. Однако в нашем циснормативном мире операции над телами трансгендерных людей производятся не только исходя из их собственного желания, но также в связи с циснормативными убеждениями окружающих. Посещение гендерно сегрегированных пространств может быть затруднительным для трансгендерных людей, не сделавших операции. Обнаружение гениталий, которые не соответствуют ожиданиям окружающих, приводит к преступлениям на почве ненависти. Более того, форма гениталий для каждого гендера прописана через процедуры изменения гражданского пола, которые во многих случаях требуют прохождения операций. Если государство и общество заставляют, косвенно или явно, проходить операции, именно они и должны платить за них. Это более чем справедливо — требовать у государства и общества компенсацию за их заблуждения.

Другой аргумент, который можно использовать для требования бесплатности операций, — это требование равных условий медицинского обслуживания для цис- и трансгендерных людей. Так, если в соответствующей системе здравоохранения мастэктомия для цисгендерных мужчин бесплатна, то она должна быть бесплатной и для транс* мужчин и идти под тем же кодом МКБ. Если для цисгендерных женщин существует бесплатная вагинопластика, то она должна быть доступна и транс* женщинам. Естественно, что для этого необходимо, чтобы трансгендерным людям без операций менялся гражданский пол — а лучше, если б его не было вовсе.

4. Пасс

Под термином «пасс» в транс* «сообществе» обычно понимается способность восприниматься в качестве представительницы или представителя желаемого гендера, или иначе говоря, иметь *«гендер» / «пол» восприятия*, отвечающий желаемому. В более широком смысле «пасс» означает способность восприниматься в качестве представительницы некой социальной группы, например класса, расы, возрастной группы, человека с другими возможностями и так далее, обычно с целью преодолеть стигматизацию, связанную с той группой, к которой человек принадлежит.

Бездумное применение последнего определения к случаю трансгендерности может дать неверный результат, если под группами понимать женщин и мужчин. Например, можно было бы заключить, что в случае транс* феминного перехода женщины обладают какими-то привилегиями по отношению к мужчинам. Затем можно было бы прийти к трансфобному выводу, будто трансгендерные люди пытаются достичь восприятия в качестве гендерной группы, которой сами не являются, и тем самым отрицать их гендерную идентичность. Чтобы избежать этих ошибок, в качестве социальных групп в этом определении нужно рассматривать трансгендеро_к и цисгендеро_к. То есть не мужчины пытаются восприниматься в качестве женщин, а трансгендерные люди пытаются «читаться» как цисгендерные женщины или цисгендерные мужчины для избежания трансфобии.

Достижение «пасса» часто позиционируется как центральная задача при трансгендерном «переходе». Множество статей на тематических сайтах посвящены тому, как краситься, какую одежду носить, как двигаться, как тренировать голос... чтобы окружающие воспринимали нас как «настоящих» женщин/мужчин. Мы постоянно получаем советы как от других трансгендерных людей, так и от цисгендерных (причём последние делают это свысока, подчёркивая своё иерархическое превосходство) о нашей внешности, походке или голосе, даже если мы не просим этих советов. Нас оценивают по тому,

насколько хорош наш «пасс», даже если для нас самих он безразличен. Нам говорят, что мы «выглядим как настоящие женщины/мужчины», если мы имеем «пасс», чего бы они никогда не сказали цисгендерной женщине/мужчине.

Критике *пассцентризма* уделено много внимания в статье С. Стоун «Посттранссексуальный манифест», которая считается первой работой по трансфеминизму. Стоун критикует трангендерных людей, которые пытаются скрыть своё прошлое, придумывая правдоподобные истории ради принятия в обществе, и раствориться среди цисгендеро_к. По мнению Стоун, стирание значительной части своей жизни и ложь, которая лежит в основе «пасса», не позволяют строить подлинные взаимоотношения с окружающими людьми. Стоун проводит аналогию между «пассом» у трангендерных и *people of color*, чей цвет кожи достаточно светлый, чтобы восприниматься в качестве белых⁸, а также закрытых лесбиянок и геев, которые стараются восприниматься как гетеросексуал_ки. Для разрушения циснормативности (хотя она и не использует это слово) Стоун предлагает всем трангендерным людям выйти из тени и рассказывать настоящие истории своей жизни: «Для того чтобы разрушить необходимость пасса, транссексуалки должны взять ответственность за всю историю своей жизни, начать переформулировать свои жизни не как серию стираний на пользу разновидностям феминизма, зачатым в традиционном мировоззрении, но как политическое действие, призванное реапроприировать различия и восстановить силу изменённых тел» (Stone, 1991).

Работа С. Стоун ознаменовала важный этап в принятии трангендерными людьми самих себя и своих тел. Тем не менее, как часто бывает в среде активисток, её призыв к действию, равно как и обвинение во лжи закрытых неактивисток, основаны на отсутствии размышлений относительно собственных привилегий. Именно привилегии по другим иерархиям (классовой, расовой

8 Речь идёт о *шейдизме*, то есть иерархии, которая ставит людей с более светлой кожей, позволяющей им в ряде случаев восприниматься как белые, в более привилегированное положение по отношению к людям с более тёмной кожей.

и так далее) позволяют нам заниматься транс* активизмом, быть открытыми и разрушать циснормативность, и именно отсутствие этих привилегий определяет закрытый образ жизни других трансгендерных людей⁹. Привилегии требуются не только для того, чтобы заниматься активизмом, но даже просто чтобы говорить правду.

В работе «Новая надежда: психологическая сторона пасса» (Snorton, 2009) Рилей Снортон на основе собственного опыта как не прошедшего операции транс* мужчины of color критикует С. Стоун за недостаточное внимание к пересекающимся идентичностям (например, гендерной и расовой), а также опыту людей, не прошедших хирургических операций и не принимающих гормоны. По его мнению, «сдвиг фокуса транссексуальной теории от медикализованного дискурса обязательно требует расширения традиционного определения пасса. Для большинства транссексуалок/в, которые не могут иметь “пасс” всё время, пасс является не просто вопросом того, как вас читают, но также включает подтверждения того, как вы сами себя читаете. Определение пасса, таким образом, должно включать также психологическую составляющую». Согласно этому более широкому подходу, «пасс... [поддерживать] чувство своей идентичности в условиях постоянного ошибочного узнавания»¹⁰. Р. Снортон показывает, что в то время как физическая сторона пасса позволяет избежать

- 9 К сожалению, активист_ки, постоянно призывающие трансгендерных людей «выйти из шкафа», напроць не хотят думать о привилегиях, которые позволили сделать это им самим. В результате, «закрытые» трансгендерные люди могут подвергаться обвинениям в отсутствии солидарности, политической позиции и проч.
- 10 Мне этот взгляд на «поддержание собственной идентичности» близок, так как при неправильном гендерировании моя идентичность сдвигается в более мужскую сторону. Причиной, на мой взгляд, является рефлекторная попытка уменьшить негативные эмоции от неправильного гендерирования за счёт изменения внутреннего ощущения идентичности, раз невозможно изменить отношение к себе окружающих. Допускаю, что это несвойственно большинству трансгендерных людей, обладающих менее гибкой и квирной идентичностью, чем я.

физического и сексуального насилия, с психологической стороны пасс позволяет уменьшать психологический вред, наносимый нам при неправильном гендерировании. Проводя параллели между пассом и надеждой, в конце он пишет: «Надежда как психологическое измерение пасса даёт... возможность перехода, который происходит не на столе у хирурга, а там, где люди собираются вместе...».

Джессика Ксавьер (Xavier) анализирует пасс с помощью концепции привилегий. Она выделяет привилегию рождения, то есть привилегию быть рождённой с тем биологическим полом, который соответствует внутренней гендерной идентичности¹¹. Отсутствие осознания этой привилегии цисгендерными людьми, по её мнению, является причиной трансфобии. Трансгендерные люди не могут получить привилегию рождения, однако у многих есть *привилегия пасса*. Ссылаясь на книгу «Стигма: Записки об управлении испорченной идентичностью» (Goffman, 1963), Дж. Ксавьер обозначает дихотомию, в которой находятся стигматизированные группы: те, кто не имеет привилегии пасса, подвержены дискредитации, их стигма проявляется явно, в то время как те, кто имеет эту привилегию, потенциально могут подвергнуться дискредитации в случае раскрытия. В последнем случае их главной проблемой становится контроль за информацией: «сказать или не сказать, соврать или не соврать, и в каком случае, кому, когда и где». Существование привилегии пасса, по мнению Ксавьер, имеет следствие в виде существования двух иерархий. Во-первых, это иерархия внутри «ЛГБТ»-движения между цисгендерными лесбиянками и геями, которые часто ничем не отличаются внешне от гетеросексуальных цисгендерных людей, и трансгендерными людьми, не имеющими привилегии пасса. Первые не нарушают существующую цис- и гетеронормативную систему и подвергаются меньшему угнетению, что даёт им возможность доминировать в «ЛГБТ»-движении и привлекать на свою сторону либеральных законодателей. Во-вторых, существует иерархия внутри транс* сообщества между теми, кто обладает привилегией пасса, и

11 Я не могу согласиться с выделением этой привилегии, так как оно основано на признании врождённости транс- и цисгендерности.

теми, кто не обладает. Одной из задач трансфеминизма является повышение самосознания трансгендерных людей, в том числе обладающих привилегией пасса: «Имея привилегию, нужно не только знать о ней, но также брать ответственность за лежащую в её основе социальную конструкцию, которая дала её вам. Когда информированное сознание превращается в социополитическое действие, происходят изменения».

По мнению Джулии Серано, привилегия пасса основывается на циссексуальных привилегиях (Serano, 2007). Она приводит примеры, когда слово «пасс» применяется только к трансгендерным людям. Например, «если продав_щица магазина скажет “Спасибо, сэ” цисгендерной женщине, никто не скажет, что она имеет пасс в качестве мужчины или она имеет плохой пасс в качестве женщины; вместо этого мы говорим, что она является женщиной и была ошибочно принята за мужчину». Дж. Серано отмечает, что основной проблемой со словами «иметь пасс» является то, что это глагол активного залога, то есть предполагается, что трансгендерные люди являются единственными участни_цами этого процесса, в то время как в действительности главным участником является окружающее общество, которое гендерит нас в соответствии со своими представлениями о том, как должны выглядеть мужчины и женщины. Слово «пасс» используется для перемещения вины с предубеждений большинства на действия отдельного лица, что объясняет, почему трансгендерные люди, имеющие пасс, обвиняются в «обмане» или «проникновении» в гендерно сегрегированные пространства. В связи с тем, что слово «пасс» является продуктом гендерирования и цисгендерного допущения, Дж. Серано предлагает использовать название «условная циссексуальная привилегия» вместо «привилегия пасса».

VIII

Депатологизация

*история диагнозов -
их социальная сконструированность
- международная классификация
болезней - норма и отклонение -
диагноз в процедуре изменения
гражданского пола - процедура
получения диагноза в россии -
аргументы за и против
депатологизации - модели
депатологизации*

Патологизация трансгендерности является одним из ярчайших проявлений циснормативности и одновременно одной из наиболее трудных тем для обсуждения внутри транс* «сообщества» в связи с интернализированной циснормативностью последнего. В начале этой главы будет приведена история возникновения трансгендерных диагнозов, затем — аргументы сторонни_ц и противни_ц депатологизации, и в конце даны несколько подходов к практической реализации интересов разных групп трансгендерных людей.

1. Трансгендерные диагнозы

«Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем», сокращённо **«Международная классификация болезней»** (МКБ), — это медицинская система классификации заболеваний, а также симптомов, жалоб и других медицинских состояний. Каждому медицинскому состоянию ставится в соответствие определённый код, похожие состояния объединены в категории. Классификация периодически пересматривается; последняя, десятая версия была выпущена в 1994 году. Следующая планируется в 2017-ом.

Цель создания МКБ — «обеспечить систематический сбор, анализ, интерпретацию и сравнение данных о смертности и заболеваемости в разных странах или регионах и в разное время», а также «перевести диагнозы болезней и других проблем здоровья со слов в форму буквенно-цифровых кодов, которые обеспечат лёгкость хранения, получения и анализа данных» (МКБ-10, том 2). На первый взгляд, цель безобидная: отразить реальность в систематизированной и удобной форме. Проблема в том, что на практике эта система не только отражает, но и создаёт реальность.

Исторически система, позже переименованная в МКБ, служила статистическим инструментом для классификации причин смертности. Такой она оставалась до 1948 года, пока

не перешла в ведение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Выпущенная в том году версия МКБ-6 кардинальным образом отличалась от предыдущих и была приспособлена для классификации заболеваний. В этой версии впервые нашли отражение и психические заболевания. В 1965 году была выпущена МКБ-8, в которой нашли место «сексуальные отклонения», включая «Трансвестизм» (302.3). В 1975 году появилась МКБ-9, в которой гендерная вариативность впервые была патологизирована в категории «психосексуальных расстройств» (302):

302.3 Трансвеститский фетишизм;

302.5 Транссексуализм;

302.6 Расстройство гендерной идентичности у детей;

302.85 Расстройство гендерной идентичности у подростков и взрослых.

В этом разделе она соседствовала с такими «заболеваниями», как эгодистоническая сексуальная ориентация (302.0), зоофилия (302.1), педофилия (302.2), мазохизм (302.83) и садизм (302.84). Как видим, данная версия классификации недалеко ушла от бытовых представлений, сваливающих эти явления в одну кучу.

В МКБ-10, применяемой с 1994 года, для проявлений гендерной вариативности была создана отдельная категория F.64 «Расстройства гендерной идентичности» в классе V «Психические расстройства и расстройства поведения»:

F64.0 Транссексуализм;

F64.1 Трансвестизм двойной роли;

F64.2 Расстройство гендерной идентичности в детском возрасте;

F64.8 Другое расстройство гендерной идентичности;

F64.9 Расстройство гендерной идентичности, неуточнённое.

Фетишистский трансвестизм (F65.1) попал в категорию «Расстройства сексуального предпочтения» — по соседству с педофилией (F65.4) и садомазохизмом (F65.5).

Альтернативной классификацией психических заболеваний является **Диагностическое и статистическое руководство по**

психическим заболеваниям (англ. Diagnostic and Statistical Manual, DSM), которое выпускается с 1952 года Американской психиатрической ассоциацией. В этой классификации гендерная вариативность была патологизирована начиная с 3-го издания, DSM-III (1980), и отнесена к категории «Психосексуальных расстройств»¹:

302.5x Транссексуализм; x принимает значения от 0 до 4:
1=асексуальный, 2=гомосексуальный,
3=гетеросексуальный, 0=не указано; (При этом ориентация отмерялась исходя из биологического пола, то есть гетеросексуальная транс* женщина по этой классификации — это гомосексуальный мужчина с транссексуализмом.)

302.60 Расстройство гендерной идентичности в детстве;

302.85 Нетипичное расстройство гендерной идентичности.

Трансвестизм (302.30) включён в категорию «Парафилии».

В исправленном 3-м издании, DSM-III-R (1987), гендерная вариативность была передвинута в раздел «Расстройства, обычно впервые замеченные в младенческом, детском и подростковом возрасте». В отличие от DSM-III, диагноз «Транссексуализм»

- 1 Ева Седвик отмечает любопытную связь между временем депатологизации гомосексуальности и началом патологизации трансгендерности: «DSM-III, опубликованное в 1980 году, было первым изданием, которое не содержало диагноза “гомосексуальность”, но также было первым, которое содержало новый диагноз... “Расстройство гендерной идентичности в детстве”» (Sedgwick, 1991). Эту же связь подмечает и Сандра Бэм: «Возможно, это было не простое совпадение. Возможно, психиатры настолько верили в ненормальность гендерной неконформности, что если политика того времени не позволяла выразить это убеждение посредством патологизации гомосексуальности (1973 год), тогда они выражали его там и теми способами, которыми это было возможно» (Bem, 1993). Это предположение оспаривается на основании того, что после удаления гомосексуальности в DSM-III оставался диагноз «эгодистоническая сексуальная ориентация», а в следующих версиях — «другое сексуальное расстройство»: таким образом, психиатрам не требовалось вводить новый диагноз для замены гомосексуальности (Zucker, 2005).

не подразделяется в зависимости от ориентации и имеет единый код 302.50. Также добавлен диагноз «Расстройство гендерной идентичности в подростковом и взрослом возрасте, нетранссексуальный тип» (302.85), который отличается от предыдущего отсутствием желания изменения гениталий.

В следующем издании, DSM-IV, расстройства гендерной идентичности вернулись в раздел к сексуальным расстройствам и парафилиям, названный теперь «Сексуальные расстройства и расстройства гендерной идентичности». Диагноз «Транссексуализм» был убран, остались расстройство гендерной идентичности в детстве (302.6), в подростковом и взрослом возрасте (302.85) и другие расстройства гендерной идентичности (302.6). Под последний диагноз попадали в том числе интерсекс* люди, имеющие гендерную дисфорию. Фетишистский трансвестизм по-прежнему оставался в подразделе «Парафилии». Исправленное издание DSM-IV-TR не внесло изменений в диагнозы.

В последней на сегодняшний день версии, DSM-5 (2013), гендерная вариативность была наконец отделена от сексуальных «расстройств» и вынесена в отдельную категорию «Гендерная дисфория». Утверждается, что этот термин более точный и «рассматривает дисфорию как клиническую проблему, но не идентичность саму по себе». DSM-5 признаёт, что не во всех случаях трансгендерность сопровождается дисфорией, и предлагает рассматривать в качестве отклонения только те случаи, когда она имеет место. В отличие от предыдущих версий проводится разграничение между биологическим полом и гендером, употребляются такие термины, как «приписанный пол», допускается существование идентичностей, отличных от бинарных. Новые названия диагнозов следующие:

302.6 Гендерная дисфория в детстве;

302.85 Гендерная дисфория в подростковом и взрослом возрасте.

«Фетишистский трансвестизм» в DSM-5 был заменён на «Трансвеститское расстройство» (302.3), причём, как и в случае с «гендерной дисфорией», отмечается акцент не на сексуальном

возбуждении от переодевания, а на «клинически значимом страдании или ухудшении в социальной, профессиональной или других важных сферах жизни», которые такое поведение вызывает.

Эта историческая справка показывает, что, во-первых, патологизирующие гендерную вариативность диагнозы появились относительно недавно, тогда как ранее она не считалась патологией. Это согласуется с общей тенденцией медикализации наших жизней. Под медикализацией понимают с одной стороны увеличение числа диагнозов, с помощью которых описывают явления, ранее не считающиеся заболеваниями, а с другой стороны — расширение круга лиц, которым ставятся существующие диагнозы, и снижение планки, отделяющей патологию от здорового состояния. Если рассматривать медицину сквозь призму модели «поставщик-потребитель», то в медикализации заинтересованы медики и фармацевтические компании, целью которых является извлечение прибыли за счёт предложения большего ассортимента «патологий», которые можно вылечить (Conrad, 2008). Именно их я бы могла назвать медицинской «империей», в содействии созданию которой феминистка Дж. Реймонд обвиняет трансгендерных людей².

Во-вторых, за небольшой срок со времени своего появления диагнозы постоянно пересматривались, переходя из категории в категорию, что служит наглядной иллюстрацией их социальной сконструированности.

2. Норма и отклонение

Несмотря на активное использование в дебатах о психических заболеваниях понятий нормальности и ненормальности, эти понятия остаются неопределёнными и всегда таковыми останутся. Вот лишь несколько критериев, которые используются для их определения:

- *Статистический*. За «норму» принимается, с незначительными отклонениями, наиболее часто встречающееся значение (при нормальном распределении, оно же среднее). Всё, что

2 О претензиях цис-феминисток к транс* людям см. в главе 3.

находится за пределами заданного отклонения, попадает в разряд «ненормального». При этом граница, при переходе через которую отклонение станет достаточным для признания ненормальности, а также и то, отклонение в какую сторону считается ненормальным, определяется культурой. При применении этого критерия в чистом виде получается, что все люди, которые считаются гениальными, должны попасть в категорию ненормальных. Или, например, соотношение числа женщин по отношению к числу мужчин не позволяет считать их отклонением от нормы, тем не менее мы слышим употребление мужского рода по умолчанию или рассказы про женскую логику, которая якобы отличается от «нормальной», то есть мужской.

- *Невыполнение социальных функций.* Этот критерий предполагает, что все люди несут обязанности перед обществом, и если они не могут или не хотят их выполнять, то считаются ненормальными. Особенно такой подход характерен для тоталитарных идеологий, где человек представляется в виде «винтика» государственного механизма. Иллюстрацией использования этого критерия является стигматизация чайлдфри, а также трансгендерных и гомосексуальных людей, которые не могут или не хотят иметь детей, тем самым отказываясь выполнять свою «функцию». При этом оказывается неясным, почему люди обязаны выполнять некие функции, которые им навязали, не спрашивая их мнения. Не находя лучшего объяснения, сторонники функциональности регулярно ссылаются на религиозные тексты. В других случаях они заявляют, что «родители вас вырастили», «общество воспитало» и так далее, как будто наших родителей заставляли нас рожать, а общество — воспитывать.
- *Страдание.* Говорят, что «ненормальное» состояние приносит человеку страдание. Однако во многих случаях страдание является результатом не столько болезни, сколько стигматизации, включая самстигматизацию. Более того, такой подход основан на убеждении, что жизнь в целом является счастьем, а страдание есть его временное

нарушение. Но это всего лишь частное мнение, характерное для людей, принадлежащих к определённой культуре.

- *Противоестественность*. Мы часто слышим, что правильно и нормально — то, что естественно. И я не стану с этим спорить, потому что считаю для себя лучшим состоянием то, которое для меня естественно и не вызывает дополнительного напряжения. Проблема лишь состоит в том, что то, что естественно для меня, не является естественным для кого-то ещё, а попытка создать какую-то групповую естественность опирается на социально сконструированные представления о естественности, которая, в свою очередь, выводится из традиционности. Затем нужно вспомнить, что мы делаем много дел, которые являются неестественными и при этом одобряются, например пользуемся машиной и пьём лекарства, хотя «естественнее» ходить пешком и умирать от болезней. Однако, напротив, удовлетворение «естественных» потребностей организма обычно считается «ненормальным» в общественных местах.
 - *Нанесение себе вреда и риск для жизни*. Утверждают, что «ненормальные» люди могут быть опасными для себя и склонны к суициду. Это желание оградить человека от «ошибки» построено на а) убеждении, что другие люди лучше знают, что действительно надо человеку и б) на том, что смерть воспринимается негативно. Эта иерархия между жизнью и смертью также социально сконструирована³, и надо думать, немалый вклад в неё внёс материализм с его убеждением, что после смерти ничего нет.
 - *Отсутствие связи с «реальностью»*. Заточая в клиниках людей, по-иному воспринимающих реальность, психиатры не задумываются над тем, на чём построено их собственное восприятие реальности и существует ли она вообще. Однако то, что они считают реальностью, является всего лишь *консенсусной реальностью*, иначе говоря, таким описанием реальности, в отношении которого достигнута договорённость между людьми.
- 3 Если перестать думать «это жизнь», «это смерть», то никакой жизни и смерти не будет.

3. Юридические аспекты диагноза

Для людей, не имеющих трансгендерного опыта, тема патологизации может быть непонятна, если не упомянуть о юридических последствиях диагноза и о том, почему многие трансгендерные люди так радостно стремятся его получить. Этим патологизация трансгендерности отличается, например, от патологизации гомосексуальности, где диагноз не был так глубоко встроен в юридическую сферу. Система построена таким образом, что трансгендерные люди, имеющие диагноз «транссексуализм», могут получить доступ к ощутимым трансгендерным привилегиям — в отличие от тех, кто диагноза не имеет. Эти привилегии состоят в возможности с меньшей вероятностью подвергаться трансфобии (в том числе внутренней) за счёт смены документов на те, что отражают гендерную идентичность и репрезентацию, и прохождения операций. В большинстве постсоветских стран нет чётко прописанного законодательства в области смены гражданского пола — за исключением Беларуси⁴, Казахстана⁵ и Украины⁶, причём в последних двух странах оно наиболее отвратительно. Даже при отсутствии законодательного требования на практике изменение гражданского пола без диагноза представляется почти невозможным. Даже в тех случаях, когда диагноз не требуется в явном виде, он необходим для прохождения хирургических вмешательств, которые являются условием смены документов. Таким образом, депатологизация является ещё и важнейшим элементом борьбы за упрощение процедур смены документов.

- 4 Постановление № 163 Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 09.12.2010, «О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности».
- 5 Постановление № 1484 Правительства Республики Казахстан от 7 декабря 2011 года, «Об утверждении Правил медицинского освидетельствования и проведения смены пола для лиц с расстройствами половой идентификации».
- 6 Приказ № 60 Министерства Здравоохранения Украины от 03.02.2011, «Об усовершенствовании оказания медицинской помощи лицам, нуждающимся в изменении (коррекции) половой принадлежности».

Хотя в прогрессивных странах, таких как Аргентина,⁷ Дания и Мальта, удалось добиться исключения необходимости получения диагноза из юридических процедур, депатологизация является более глобальным шагом, так как не позволит национальным законодательствам и судам требовать несуществующего диагноза.

4. Процедура получения диагноза в России

Порядок получения психиатрического диагноза «транссексуализм» в большинстве стран постсоветского пространства, за исключением Беларуси, Казахстана и Украины, не регулируется законодательными или административными процедурами. Здесь я остановлюсь на особенностях его получения в России. Получение диагноза требует некоторого числа посещений психиатра, которое различно в каждом случае. Помимо этого, часто требуется посещение сексолога, психолога, гинеколога и других врачей. Во многих случаях трансгендерные люди вынуждены ложиться в психоневрологический диспансер на срок около тридцати дней. В случае, если психиатр сочтёт их подходящими под диагноз, назначается заседание комиссии, окончательно подтверждающей диагноз.

Во время приёма у психиатра к трансгендерным людям целенаправленно обращаются согласно их паспортному имени и полу. Особенное внимание уделяется сексуальной жизни пациенто_к, как видно из фрагмента разговора между психиатром Александром Бухановским (г. Ростов-на-Дону) и обратившимся транс* мужчиной: «У Вас естественный половой акт? — В смысле как, естественный? — Как женщина или анально? — Анально. — Вы раздеваетесь, когда Вы в интимных отношениях?» («Транссексуализм или шизофрения», 2011).

По словам транс* женщины, побывавшей в НИИ психиатрии (г. Москва), 90% вопросов были о «сексе, онанизме, анальной стимуляции, полюциях, фантазиях», после чего ей было сказано, что она не «типичная транссексуалка», а гомосексуал с навязчивыми идеями (Transgender.ru).

7 «Закон о гендерной идентичности» от 8 мая 2012 г.

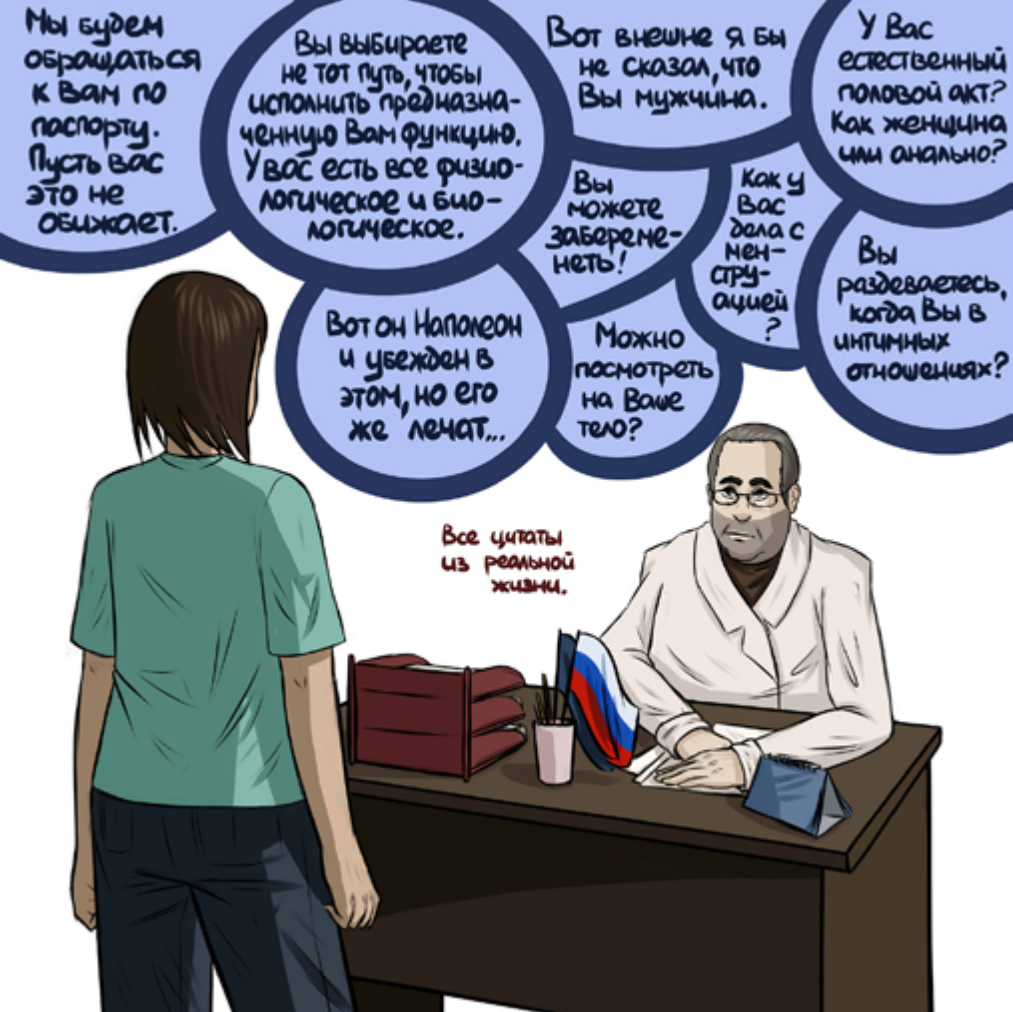

Рис. №9: Приём транс* мужчины у психиатра.

Вопросы сексуального характера могут сопровождаться общим хамством к пациент_кам, как следует из вопросов, задаваемых сексологом Михаилом Бейлькиным (г. Челябинск): «Ну и какого же хр**а тебе нужно влагалище? Что припёрся?», «Когда последний раз с женой сношался?», «Так а нафига тебе влагалище, если тебе не нравятся мальчики?» (Trans-tema.ru).

Частая практика со стороны психиатров — делать оскорбительные комментарии о внешности трансгендерных

людей. «Вы не будете настоящей женщиной, и ни один нормальный мужик с Вами не захочет иметь дело» и «Вы не будете до конца похожи на женщину... у Вас не будет матки и яичников» — было сказано моей знакомой транс* женщине на комиссии в Москве. Пытаясь отговорить трансгендерных людей от смены гендера, психиатры используют сексистские представления о биологическом предназначении «женщин» и «мужчин»: «Вы выбираете неправильный путь, чтобы исполнить предназначенную Вам функцию, правильно я понимаю? <...> У Вас есть всё физиологическое и биологическое... Вы можете забеременеть» («Транссексуализм или шизофрения», 2011).

В случае, если от трансгендерных людей требуют ложиться в психоневрологический стационар, их держат в палатах согласно паспортному полу, в результате чего они подвергаются опасности со стороны других пациенто_в, которая в крайних случаях может выливаться в насилие. Транс* женщина пишет, что была помещена в отделение для буйных и трижды изнасилована: «Я туда попала в женском виде и меня сразу начали там прессовать, даже нанизывали три раза всякие уроды, а персоналу было пофиг!». Сообщается о принудительном «лечении» во время пребывания в стационаре: «Я прошла 30 дней дурдома. Самое тяжёлое — кололи нейролептики не давая антидотов для более-менее нормального самочувствия. Ко мне применяли метод нагнетающей психопатии и 24 часа в сутки смотрели — справлюсь или съеду с катушек» (Transgender.ru).

5. Аргументы за депатологизацию

То, что называется *депатологизацией*, имеет много моделей практической реализации. Под аргументами за депатологизацию здесь будут пониматься те, которые поддерживают исключение диагноза «транссексуализм» из числа психических заболеваний. Здесь приведены лишь несколько из множества таких аргументов, часть из них являются социальными и выдвигаются транс* активист_ками, другая исходит из среды самих врачей:

- Гендерная идентичность, гендерная репрезентация и тело принадлежат тем людям, к которым они относятся, а не

обществу или государству. Каждая и каждый из нас имеет право самостоятельно выбирать гендерную идентичность и способ её выражения без «помощи» психиатров и прочих контролирующих инстанций. Думаю, разное проведение границы между личным и общественным — это то, что характеризует сторонниц патологизации и депатологизации. В этом смысле наблюдаются параллели с дебатами вокруг абортот, в которых одна сторона доказывает, что тело женщины фактически принадлежит государству, а вторая — самой женщине. Поэтому вопрос депатологизации является полем столкновения более общих идеологических подходов. Меня поражает убеждение некоторых трансгендерных людей в необходимости пожертвовать своими интересами в интересах поддержания циснормативной системы, например чтобы исключить смену гендера и пола теми, кто «ненастоящие транссексуал_ки» (фактически — не подходят под циссексистские нормы). Впрочем, в наших странах с коммунистическим прошлым распространённости подобных коллективистских идеологий удивляться не приходится.

- В основе диагноза — циснормативность и трансфобия. Диагноз является инструментом контроля и стигматизации со стороны циснормативного общества. Диагноз служит для разделения трансгендерных людей на две категории: тех, которые, по мнению психиатров, недостаточно «больны» и потому должны оставаться цисгендерами в гендере, приписанном при рождении, и тех, которые обязаны восприниматься цисгендерами в другом гендере, раз уж они совсем не могут прожить в приписанном. В обоих случаях задача диагноза — сохранение циснормативной системы. Цисгендерные люди не обязаны доказывать свою пригодность для жизни в определённом гендере. Почему же этого требуют от трансгендерных людей?
- Диагноз евроцентричен. Бинарная гендерная система с жёсткими гендерными ролями характерна для европейского общества. Многие неевропеизированные культуры традиционно имели и продолжают иметь гендерные роли, выходящие за рамки гендерно бинарной схемы. Этот

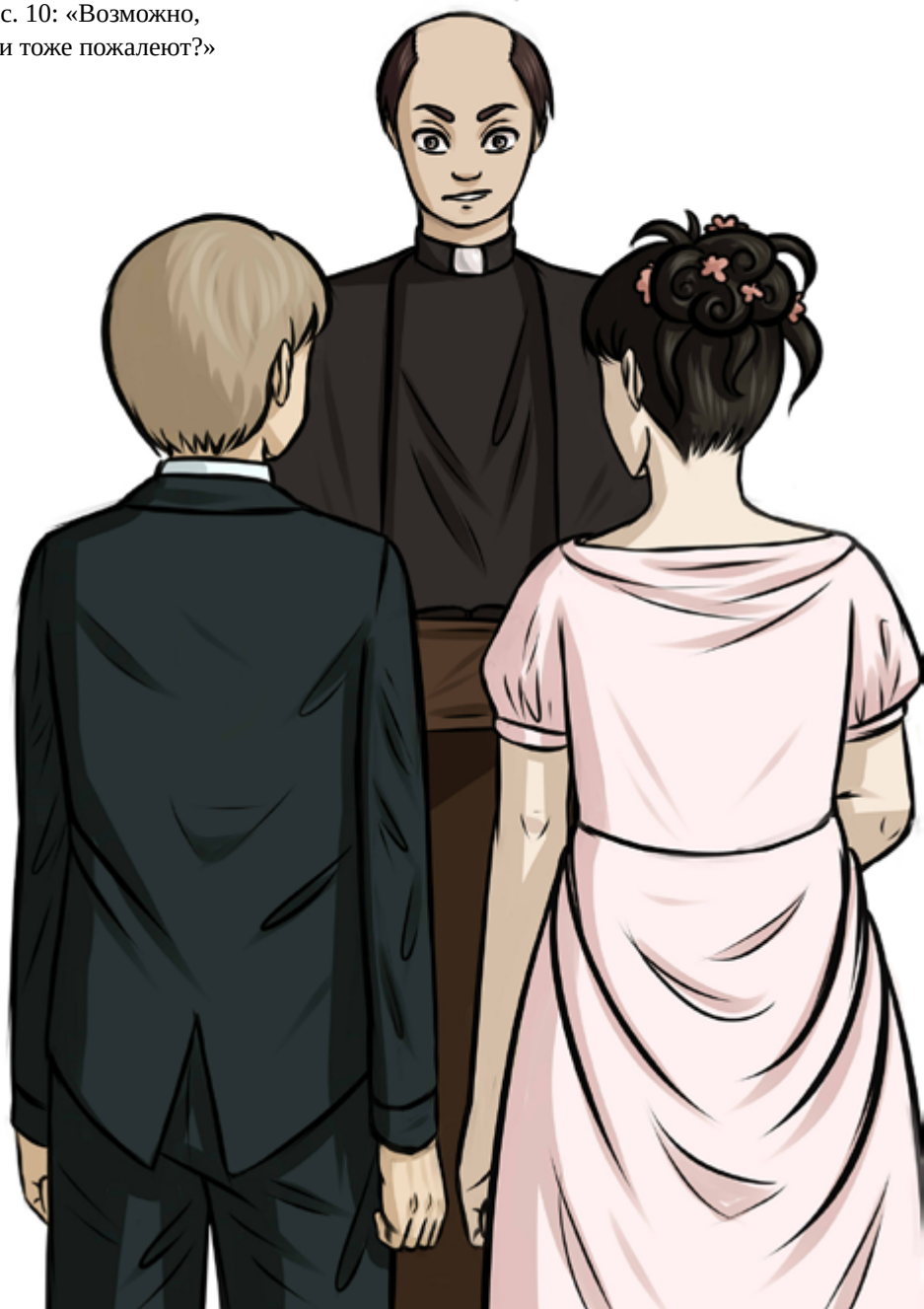
пункт не следует воспринимать как попытку оправдать транс* инклюзивность ссылкой на традиционализм — что, в свою очередь, повышало бы важность традиций с возможностью использовать тот же аргумент в обратную сторону, ибо примеров трансфобии не меньше в том числе и в неевропейских культурах. Глобализация, стандартизирующая культуры народов мира по европейскому образцу, заставляет говорить о всё большем числе неевропеизированных культур в прошедшем времени. Чтобы ощутить роль евроцентризма в патологизации трансгендерности, представьте, что в мире доминирует не европейская, а, например, индийская медицина и культура, имеющая долгую историю принятия «третьего пола»⁸. Думаете, в классификации болезней, выпущенной индийскими врачами, существовал бы диагноз «транссексуализм»?

- Психиатрический диагноз стигматизирует. Патологизация ставит трансгендерных людей помимо цис/транс-иерархии в ещё одну иерархию: здоровых/больных. Наличие диагноза может служить поводом для отказа в удочерении и усыновлении, влияет на решение о том, с кем останутся дети после развода, а также на возможность трудоустройства. Несмотря на то, что простое исключение диагноза сразу не изменит отношение циснормативного общества к трансгендерным людям как психически больным, для таких предрассудков не будет формальной основы. Также, борясь за депатологизацию трансгендерности, важно одновременно бороться со стигматизацией всех людей, которых общество считает психически больными, то есть *психофобией*⁹.

- 8 Призываю здесь не впадать во вторичный ориентализм и не идеализировать древнеиндийскую культуру. Признание существования «третьего пола» и наличие для него отведённой социальной ниши вовсе не гарантирует его равноправия с остальными «двумя» полами.
- 9 К сожалению, стигматизация людей с психическими заболеваниями (психофобия) распространена и в транс* сообществе, где люди часто навешивают на других ярлыки психиатрических диагнозов, называя «психами», «шизофрениками» и так далее в попытке представить себя самих как «нормальных».

Вы уверены, что планируете
всю жизнь поддерживать
свой брак?

Рис. 10: «Возможно,
они тоже пожалеют?»

- Получение диагноза — долгая и унижительная процедура. Трансгендерные люди вынуждены отвечать на унижительные вопросы психиатров и сексологов и пребывать в психоневрологическом стационаре (см. раздел 4).
- Критерии диагноза ненадёжны и не обоснованы. Не существует чётких критериев для определения соответствия гендерным ролям, а следовательно, и трансгендерности. Иллюзия наличия стабильных критериев создаётся из-за того, что трансгендерные люди вынуждены врать и придумывать симптомы, которые положено иметь для получения диагноза. Процедура получения диагноза превращается в проверку способности врать психиатру то, что он_а ожидает услышать.

6. Аргументы против депатологизации

Когда речь заходит о депатологизации, возникает проблема: все понимают под этим словом разное. Многие противники депатологизации на деле часто поддерживают одну из моделей депатологизации, при этом яростно выступая против других. Поэтому сложно привести удовлетворительный список всех аргументов.

- *Трансгендерные люди составляют меньшинство и потому являются отклонением.* Контраргумент: диагноз не имеет никакого отношения к статистике. Если бы диагнозы ставились всем, кто отклоняется от статистической нормы, поступающие в аспирантуру должны бы были принести справку от психиатра с диагнозом «интеллектуальная одарённость», потому что умные люди составляют меньшинство.
- *Депатологизация закрывает доступ к медицинским услугам.* Контраргумент: коды, под которыми проводятся медицинские процедуры для трансгендерных людей, будут перенесены в непатологизирующий раздел, тем самым возможность получения медицинской помощи никуда не пропадёт. Различные модели депатологизации предполагают разные варианты желательного нахождения этих кодов.

- *Депатологизация сделает операции и гормоны платными.* Контраргумент: эти услуги и препараты и так являются платными в большинстве стран постсоветского пространства. Существуют различные взгляды на то, должно ли государство их оплачивать. Но даже если вы считаете, что нужно добиваться их бесплатности, для этого есть масса других аргументов, помимо того, что «у нас что-то не в порядке с головой»¹⁰.
- *Кто угодно сможет менять пол в документах.* Вопрос: разве это плохо? Мир не рухнул от того, что люди могут менять в документах имя и фамилию. Действующий в Аргентине «Закон о гендерной идентичности» позволяет менять гендер в документах без диагноза, и у них тоже всё пока хорошо. Если кому-то не понравится жизнь в новом гендере, они всегда смогут изменить его ещё раз (обратно или куда-то ещё). Этот аргумент связан исключительно с циснормативностью мышления.
- *Что, если кто-то сделает необратимую операцию и потом пожалеет?* Ответ: операции должны осуществляться на основании информированного согласия, при котором человек берёт на себя ответственность за своё решение. В конце концов, мы все имеем право совершать ошибки и сожалеть. Никого не направляют к психиатру перед вступлением в брак, чтобы проверить, точно ли они потом не пожалеют и не разведутся. Также ни у кого не требуют психиатрическую справку перед пластическими операциями.
- *Люди с шизофренией смогут сделать операцию.* Ответ: люди с шизофренией и другими состояниями, которые общество считает психическими заболеваниями, тоже имеют права, включая право на изменение тела.

7. Модели депатологизации

Существенное недопонимание и споры вокруг депатологизации возникают из-за наличия нескольких альтернативных подходов к ней.

10 О вопросе (бес)платности операций см. в главе 7.

Все они исходят из того, что «транссексуализм» необходимо исключать из категории психиатрических заболеваний, однако различаются мнениями о том, куда и под каким названием его перенести.

Наиболее простой подход состоит в полном исключении транс* вопросов из МКБ. Именно он ошибочно представляется противниками депатологизации как единственная модель депатологизации. Недостатком такой модели представляется то, что трансгендерные люди, желающие получить медицинскую помощь в изменении тела, не смогли бы её получить.

Большинство моделей, лишённых этого недостатка, правильнее было бы назвать не депатологизацией, а *репатологизацией*, потому что они предлагают перенести трансгендерность в один из патологизирующих разделов. Так, предлагались варианты перенесения диагноза в раздел неврологических, гормональных и, наконец, сексуальных расстройств. Последний вариант получил отражение в черновом варианте МКБ-11 (ICD-11 beta draft), где в разделе 06 «Состояния, относящиеся к сексуальному здоровью» появилась категория «Гендерное несоответствие» (англ. «gender incongruence»). Представляется спорным, что перенос диагноза из психических расстройств в сексуальные поможет снизить маргинализацию трансгендерных людей. Более того, такое изменение вряд ли будет способствовать исключению требования получения диагноза из процедуры смены гражданского пола, равно как не гарантирует отсутствия участия психиатров в постановке диагноза, так же как сегодня принадлежность диагноза к области психиатрии не мешает участвовать в его постановке сексологам. Таким образом, на мой взгляд, подобное «изменение» по сути ничего не меняет и оставит все проблемы, связанные с патологизацией, нерешёнными ещё на два десятка лет¹¹.

Ещё одна модель состоит в перенесении транс* вопросов в непатологизирующий¹² раздел МКБ — в раздел Z «Факторы,

11 Этот абзац отражает состояние дел на начало 2015 года.

12 Не все состояния, содержащиеся в МКБ, являются патологиями. Например, наличие раздела, посвящённого беременности, не означает, что беременность рассматривается как патология.

влияющие на состояние здоровья населения и обращения в учреждения здравоохранения» (в МКБ-10). Такой подход позволит продолжить получать медицинскую помощь тем трансгендерным людям, которым она требуется, при этом избегая всех недостатков патологизации, однако у некоторых активистов_к возникают опасения, что они не смогут обеспечить покрытие гормональных препаратов и операций за счёт страховки. На мой взгляд, финансовый аргумент не может использоваться при обсуждении депатологизации. Это пример того, как капитализм заставляет людей продавать свою свободу и права за небольшие финансовые поблажки. Здесь мы находим пересечение двух видов дискриминации: трансфобии и классизма. Пытаясь побороть одну из них (трансфобию), не стоит поддерживать другую. Желающим добиваться получения бесплатных операций рекомендую пользоваться другими аргументами.

Не меньшее разнообразие взглядов существует относительно названия категории, содержащей транс* вопросы, в следующей версии МКБ. Согласно одной из точек зрения, категория должна быть названа аналогично соответствующей категории в DSM-V — «гендерная дисфория». Этим названием общество перекладывает ответственность с себя на трансгендерных людей и вместо того, чтобы решать реальную проблему — циснормативность — борется с её следствием, которым является «дисфория», происходящая от интернализации окружающей трансфобии. Другой вариант, «гендерное несоответствие», появившийся в черновом варианте МКБ-11, обладает стигматизирующими коннотациями, так как прямо говорит о неправильности соотношения «гендер/тело» у трансгендерных людей. Слово «гендерная/ое» в обоих названиях должно подвергаться не меньшей критике, так как отражает неверный фокус, на который направлены эти диагнозы. Желание изменения тела может являться следствием трансгендерности, однако не все трансгендерные люди меняют тело, как и не все желающие изменить тело являются трансгендер_ками. Правильнее говорить, что трансгендерность и изменение тела коррелируют между

Пластическим операциям, которые не связаны с патологическими состояниями, отвечает код Z.41.

собой, что не означает причинно-следственной зависимости во всех случаях. Если мы хотим сохранения диагноза в МКБ, то это исключительно потому, что некоторым трансгендерным людям требуются изменения тела. Поэтому правильнее будет чётко направить диагноз на *потребности* людей, а не на *причины*, которые могут вызывать эти потребности. Моё предложение состоит в создании в непатологизирующем разделе, аналогичном разделу Z в МКБ-10, категории «Изменения тела, связанные со вторичными половыми признаками». Такое название будет отвечать всем вышеобозначенным требованиям.

Вся предыдущая дискуссия в основном относилась к диагнозу F64.0 «Транссексуализм» (согласно МКБ-10). В отношении других диагнозов — «транссвестизм двойной роли», «фетишистский транссвестизм» и «расстройство половой идентификации в детском возрасте» — решение более простое и заключается в необходимости их полного удаления, так как в этих случаях медицинских вмешательств в организм не требуется.

IX

Теории трансгендерности

*классификация теорий - биологические
теории - биологический редукционизм
- нейробиологические корреляции -
фантомный пенис - гормональный
сбой при внутриутробном развитии
- социальные теории - фрейдизм -
бихевиоризм - аутогинефилия - (транс)
феминистская эпистемология - stand-
point theory - влияние предубеждений
на программу исследования - теория
свободного выбора - политическое
значение теорий - моя теория*

Существует довольно много теорий возникновения трансгендерности. На верхнем уровне их можно разделить на теорию свободного выбора гендерной идентичности и многочисленную группу теорий, выводящих трансгендерность из независимых от человека факторов. Последнюю группу теорий можно разделить на биологические и социальные, а также теории, объединяющие биологические и социальные факторы. К биологическим относятся теория генетической обусловленности, теория колебаний гормональных уровней при внутриутробном развитии, теория о строении определённых участков головного мозга... К социальным теориям относятся теория Джона Мани (сознание ребёнка = «чистый лист»), теории фрейдистов, теория аутогинефилии Рея Бланчарда. Характерной чертой большинства этих теорий является их патологизирующий подход, при котором трансгендерность рассматривается как нежелательное состояние, соответственно, в программе этих исследований заложен поиск «сбоев» развития, корреляций с «отклонениями», «недоразвитием»... Авторы этих работ, как правило, не ставят под сомнение идентичности трансгендерных людей и не пытаются выяснить причины их развития. В этой главе будут рассмотрены лишь немногие теории, сначала будет приведена критика патологизирующих, и в конце будут предложены более позитивные.

1. Биологические теории

Философским базисом биологических теорий трансгендерности является *редукционизм*, то есть попытка объяснить сложное явление исключительно с помощью законов для явлений более простых. Такая программа исследований подразумевает попытку найти один определяющий фактор — будь то гены или строение мозга, — который однозначно определяет поведение человека. Такая перспектива объяснить мир с помощью простых моделей может быть очень заманчива и в какой-то мере реализуется для

простых явлений, но не годится для более сложных, каким, несомненно, является формирование гендерной идентичности. Думаю, не последнюю роль играет поверхностное понимание исследовател_ей, не знакомых с трансгендерностью на личном опыте, которые представляют его себе в виде упрощённых шаблонов вроде «мужчина, который чувствует себя женщиной». Не задумываясь над собственной гендерной идентичностью, которую они полагают естественной, эти исследователи считают идентичность простым явлением, которое можно объяснить простыми моделями типа «гормоны → идентичность» или «гены → идентичность». Я должна сразу предупредить, что моё изначальное отношение к этим теориям крайне скептическое, и это объясняет то, почему я делаю акцент скорее на фактах, опровергающих их, нежели подтверждающих. Впрочем, я даю ссылки на оригинальные статьи, и все желающие могут сделать собственные выводы.

1.1. Нейробиологические корреляции

Первое исследование о взаимосвязи трансгендерности со строением мозга было опубликовано в Zhou et al. (1995). Авторы поставили задачу найти участок мозга, обладающий половым диморфизмом, но при этом не зависящий от сексуальной ориентации. В качестве такого участка было выбрано *опорное ядро терминального тяжа* (англ. bed nucleus of the stria terminalis, BST). Показано, что объём центральной части этого участка (BSTc) у гетеро-цис-мужчин на 44% больше, чем у гетеро-цис-женщин, при этом от сексуальной ориентации объём не зависит статистически значимым образом. Было найдено, что объём BSTc у транс* женщин близок к объёму, характерному для цис-женщин. Для подтверждения того, что результаты не зависели от гормонов (все транс* женщины пили эстрогены и все, кроме одной, прошли орхиэктомию), авторы исследовали мозг нескольких цисгендерных людей, имеющих нехарактерные уровни гормонов из-за причин, не связанных с трансгендерностью. По их мнению, такая закономерность подтверждает гипотезу о том, что трансгендерность является результатом «изменённого взаимодействия между развитием мозга и половыми гормонами».

В Kruijver et al. (2000) тот же участок исследовался на более широкой выборке, включая одного транс* мужчину. Вместо объёма сравнивалось число нейронов в участке BSTc, которое у транс* женщин было в пределах, характерных для цис-женщин, а у транс* мужчин — для цис-мужчин. Авторы полагают, что их данные подтверждают мнение о том, что в основе трансгендерности лежит «гермафродитизм мозга».

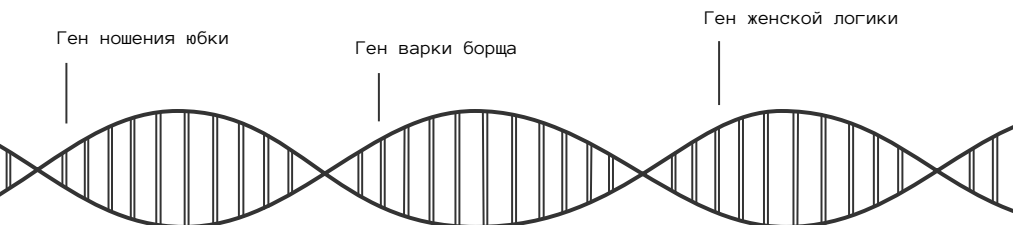

Рис. 11: “Женская” гендерная роль с точки зрения биологического редукционизма (генетического детерминизма).

В работе Chung et al. (2002) было, однако, установлено, что половой диморфизм BSTc развивается во взрослом возрасте (примерно с 22-х лет). Однако известно, что люди начинают ощущать свою гендерную идентичность гораздо раньше. Пытаясь выбраться из западни, авторы заключают, что гендерная идентичность может зависеть от уровня половых гормонов во время внутриутробного развития, который «может воздействовать на развитие гендерной идентичности, но не вызывать явного немедленного изменения в объёме или числе нейронов в BSTc». В качестве альтернативной концепции они не исключают возможности того, что «изменения в объёме BSTc у МтФ транссексуалок может быть результатом неспособности развить мужскую гендерную идентичность». Это исследование опровергает ранее сделанные предположения о том, что объём или число нейронов в BSTc является причиной развития той или иной гендерной идентичности. Вместо этого авторы предполагают, что либо эти явления не связаны между собой напрямую, а являются следствием чего-то третьего (например,

гормонов), либо и вовсе гендерная идентичность является причиной изменений мозга.

В дальнейших исследованиях была проведена попытка найти новые участки мозга, которые могли бы объяснить гендерную идентичность. Так, в работе Garcia-Falgueras et al. (2008) при исследовании промежуточного ядра переднего гипоталамуса (*англ.* interstitial nucleus of the anterior hypothalamus, INAH3) было найдено, что число нейронов и объём этого участка у транс* женщин находится в диапазоне, характерном для цис-женщин, а у транс* мужчин — в диапазоне, характерном для цис-мужчин. Для доказательства того, что эти параметры не зависят от уровней гормонов, был исследован мозг кастрированных цис-мужчин, цис-женщин после менопаузы, а также транс* женщины, не принимавшей гормоны. Несмотря на то, что у кастрированных цис-мужчин наблюдались средние между характерными для цис-женщин и цис-мужчин параметры, уровни гормонов не определяют различия в участке INAH3 полностью.

В исследовании Pol et al. (2006), проведённом с помощью магнитно-резонансной томографии, сравнивались объёмы всего мозга у трансгендерных людей до и после начала приёма ими гормональных препаратов. У контрольной выборки цисгендерных женщин объём мозга был ниже, чем у выборки цисгендерных мужчин. Показано, что за время приёма гормонов у транс* женщин объём мозга уменьшился, а у транс* мужчин увеличился. Эти результаты отличны от результатов предыдущих исследований (Zhou, 1995, Kruijver, 2000), в которых показывалась независимость объёма участка BSTc от приёма гормонов. Данное исследование было бы более надёжным, если бы в него были включены люди, принимающие аналогичные гормональные препараты не по причине трансгендерности.

В работе Rametti et al. (2011) исследовали фракционную анизотропию в белом веществе головного мозга у транс* мужчин, не употреблявших гормональные препараты, и нашли большее сходство с контрольной выборкой цис-мужчин, чем с выборкой цис-женщин. Есть и другие исследования, пытающиеся установить связь между гендерной идентичностью и строением мозга.

Имея корреляцию между величинами X и Y, мы можем предположить, что а) X является следствием Y, б) Y является следствием X, в) X и Y являются следствием чего-то третьего, г) имеет место случайная корреляция. Найдя корреляцию между строением определённых участков мозга и гендерной идентичностью, авторы вышеописанных статей допускают логическую ошибку, делая из существования этой корреляции вывод об их причинной связи. Однако можно было бы допустить и обратную связь, согласно которой строение мозга зависит от гендерно-специфичного поведения, определённого социально согласно гендерной идентичности. Способность мозга изменяться под действием опыта (поведения, окружающей среды, травм) называется *нейропластичностью*. Если вы, например, занимаетесь музыкой, то в вашем мозге будут развиты области, отвечающие за моторику, слух и зрение (Gaser, 2003). Если же вы выполняете функции, предписываемые вам определённой гендерной ролью (в том числе и ту, которую вы приобрели в процессе трансгендерного перехода), то ваш мозг будет изменяться таким образом, что развиваться будут те участки мозга, которые вы задействуете для выполнения действий, ассоциируемых с этой гендерной ролью. Учёт нейропластичности не только подвергает сомнению нейробиологические теории возникновения трансгендерности, но и является эффективным средством борьбы с *нейросексизмом*¹.

1.2. Фантомный пенис

Ramachandran (2008) пытался установить связь между фантомными болями и гендерной идентичностью. Он установил, что в то время как около 60% цисгендерных мужчин в случае удаления пениса испытывали ощущение фантомного пениса, у транс* женщин, прошедших генитальные операции, такое ощущение наблюдалось только в 30% случаев. Об ощущении фантомного пениса также рассказали 60% транс*

- 1 Нейросексизм — разновидность сексистской идеологии, использующая нейронауку для доказательства того, что гендерные роли определяются биологическими различиями в строении и функционировании мозга.

мужчин. Автор делает предположение, что трансгендерность происходит из-за несовпадения заложенного в мозге образа тела с реальным его строением.

Эта фаллоцентричная гипотеза исходит из предубеждения, что мужчину определяет пенис, а женщину — отсутствие пениса. В то время как автор интересуется пенисами, он ничего не пишет про иные первичные половые признаки, такие как вагина или клитор. Он исходит из популярного предубеждения, что генитальные операции для людей трансфеминного спектра состоят в отрезании пениса, в то время как на самом деле происходит выворачивание тканей пениса с созданием неовагины, при этом нервные окончания сохраняются. Не учитываются психологические особенности, в том числе самоубеждение трансгендерных людей в том, что их тело и его отдельные части являются «чужими». Наконец, не объясняется, почему человек, ощущающий «фантомный пенис», приобретает гендерную идентичность мужчины, а не продолжает считать себя женщиной с пенисом.

1.3. Гормональный сбой

Трансгендерность неоднократно пытались связать с воздействием андрогенов при внутриутробном развитии. С этой целью использовался *пальцевый индекс* (англ. digit ratio) 2D:4D, который рассчитывается как отношение длины указательного пальца к безымянному: считается, что этот параметр является индикатором уровня «половых» гормонов при внутриутробном развитии. Согласно ряду исследований (Manning, 2000), трансгендерные женщины в среднем имеют более высокое значение индекса, чем трансгендерные мужчины. Измерение пальцевого индекса стало чрезвычайно популярным: делались попытки скоррелировать его с большим числом психологических и психических черт, включая агрессивность, сексуальную ориентацию, риск депрессии, шизофрении, алкогольной зависимости и так далее, вплоть до склонности верить в паранормальные явления.

Schneider и другие (2006) нашли, что транс* женщины в среднем имеют на правой руке пальцевый индекс, близкий к

значению для цис-женщин, в то время как на левой руке он совпадает со значением для цис-мужчин. У транс* мужчин значение индекса было равным со значением для цис-женщин.

Следующее исследование (Wallien, 2008) не смогло подтвердить феминизирующего эффекта высокого значения пальцевого индекса. Напротив, в нём было установлено, что взрослые транс* мужчины имеют значение индекса, близкое к значению, характерному для цис-мужчин. Для детей одинакового приписанного гендера никакой разницы в пальцевом индексе найдено не было, вне зависимости от гендерной идентичности.

Краемер и другие (2009) нашли отличие значения индекса для транс* женщин от уровня цис-мужчин для правой руки (увеличение в сторону значения, характерного для цис-женщин), но не для левой. В противоречие предыдущему исследованию, индекс у транс* мужчин оказался даже выше, чем у цис-женщин.

Описанные три работы противоречат друг другу и оставляют у меня ощущение псевдонаучного жонглирования цифрами.

2. Социальные теории

Распространённые сегодня социальные теории трансгендерности, на мой взгляд, не намного лучше биологических. Хотя поиск механизмов формирования гендерной идентичности в воспитании и культурном окружении мне кажется более оправданным, в этой области гораздо большую роль оказывает предвзятость исследовател_я, в том числе и на стадии сбора данных, так как вместо измерений с помощью приборов здесь используются интервью с исследуемыми, что даёт исследовател_ю больше возможностей влиять на «правильность» ответов. Возможности для интерпретации результатов здесь также намного шире. Ниже будет видно, как циссексистские предрассудки исследователей (как правило, цисгендерных мужчин) нашли отражение в разработанных ими теориях.

2.1. Фрейдизм

Согласно теории Зигмунда Фрейда, женщины и феминность находятся по своей природе в более низком положении, чем

мужчины и маскулинность. Девочки испытывают *зависть к пенису* (англ. penis envy), которого у них нет, а мальчики — страх потерять его (англ. castration anxiety). Первым сексуальным объектом для мальчика, говорит Фрейд, является его мать, и он гетеросексуален изначально. Напротив, для девочки объект любви (мать) гомосексуален, и она должна бороться за приобретение феминности.

Взгляды Фрейда были распространены на трансгендерность его последователями. Роберт Столлер (1985) разработал теорию *ядерной гендерной идентичности* (англ. core gender identity), согласно которой на раннем этапе формирования гендерной идентичности ребёнок соединён с матерью, и лишь спустя несколько месяцев начинает воспринимать её как отдельный объект. Если мальчик длительное время не разъединяется с матерью, то ощущение единства с ней закладывается в его ядерную гендерную идентичность и его маскулинизация оказывается под угрозой. Эта ситуация усугубляется отсутствием влияния отца, показывающего пример маскулинности. В случае девочки слишком ранний разрыв симбиоза мать-ребёнок угрожает её феминности.

Мне сложно предметно обсуждать подобные теории, поскольку сексистский дискурс, в рамках которого они существуют, для меня абсолютно неприемлем. Кроме того, на тему сексизма у Фрейда и без меня многое написано, — впрочем, это довольно очевидно из приведённых теорий.

2.2. Теория Джона Мани

По мнению Джона Мани и других бихевиористов, сознание ребёнка при рождении представляет собой «чистую доску» (лат. tabula rasa), на которой можно «написать» всё что угодно. Дж. Мани считал, что гендерная идентичность формируется на основе определённого строения гениталий и воспитания в определённой гендерной роли. Таким образом, если ребёнку до двух лет изменить гениталии и воспитывать в соответствующей роли, он/а долж_на был_а развить соответствующую гендерную идентичность. Эта теория использовалась для принудительного хирургического превращения гениталий интерсекс* детей в «социально приемлемые», а также объяснения социальной природы гендера и трансгендерности.

Для опровержения этой теории (а также социал-конструктивизма в целом) часто используется так называемый «случай Джона/Джоанны»². Это случай ребёнка, названного при рождении Брюсом, которому был приписан мужской пол на основании биологических характеристик, однако в возрасте 8 месяцев его пенис был сожжён из-за врачебной ошибки при операции по удалению фимоза. Не зная, что ещё предпринять, родители обратились к Дж. Мани, который посоветовал воспитывать ребёнка как девочку, названную Брендой. Её яички были удалены, однако родители решили подождать с вагинопластикой. До девяти лет Бренду воспитывали как девочку, регулярно показывая Дж. Мани, однако затем она стала сомневаться, что она девочка. Ей были предложены эстрогены и вагинопластика, однако она отказалась. В 14 лет Бренда решила стать мужчиной, приняв имя Дэвид. Позже ему была сделана фаллопластика.

В то время, когда Бренда ещё не отвергала женскую гендерную роль, Дж. Мани активно использовал этот случай для подтверждения своей теории (для анонимности реальные имена не раскрывались и в публикациях были использованы имена «Джон» и «Джоанна»). Объективности этому случаю добавляло то, что у ребёнка был брат-близнец, который использовался для сравнения развития детей.

После того, как спустя несколько лет выяснилось, что эксперимент провалился и Дэвид идентифицирует себя и живёт как мужчина, а также что Дж. Мани врал, утверждая, что Бренда счастлива и полностью принимает женскую роль, этот случай стал использоваться как классический для критики всех социальных теорий гендера и трансгендерности и феминизма в целом. Критики утверждали, что вне зависимости от воспитания в мозге существует врождённое и неизменное ощущение себя женщиной или мужчиной, которое и заставило Дэвида вернуться к своей «природе». Такой вывод кажется очевидным объяснением «случая Джона/Джоанны», как он обычно рассказывается и в каком виде я передала его выше. Однако давайте посмотрим на некоторые детали.

- 2 Подробнее этот случай и критика его использования в теориях о гендерной идентичности рассматриваются в (Butler, 2004).

Если говорить о первом компоненте теории Мани, то были ли у Брендзы «женские» гениталии? Нет, у неё отсутствовал пенис, и только. В фаллоцентричном мире мужчины определяются как те, у кого есть пенис, тогда как женщины — через его отсутствие. Однако органов, которые обычно присутствуют у цисгендерных женщин, то есть вагины и клитора, у неё не было. Общаясь с другими девочками, Бренда вполне могла в какой-то момент осознать, что она не такая, как они. Я сомневаюсь, что Бренде рассказывали о равенстве трансгендерных и цисгендерных людей или объяснили, что гендерная идентичность не является функцией «половых» органов, так что в циснормативном мире ей не оставалось ничего иного, как заключить, что не обладая вагиной и клитором, она не является девочкой.

Теперь поставим вопрос: развивалась ли Бренда как обычная девочка? Нет, нет и нет. Она должна была регулярно отвечать на вопросы врачей о том, насколько она ощущала себя девочкой, нравятся ли ей занятия, характерные для женской гендерной роли, как она представляет своё будущее и включает ли оно брак с мужчиной. Также она должна была раздеваться и показывать свои гениталии врачам. Не достаточно ли этого для того, чтобы осознать, что с её гендерной идентичностью, гендером и гениталиями что-то не так? Дж. Мани не только просил описать то, как Бренда воспринимала женскую роль, но и принимал жёсткие меры, чтобы она вписывалась в стандарты женственности. Так, он заставлял её вместе с братом имитировать половой акт с целью заучивания гендерных установок. Если Бренда вела себя недостаточно женственно или хотела играть в игрушки, предназначенные для мальчиков, ей это не разрешали делать. Мне кажется очень естественной реакцией человека, которо_му усиленно навязывают какой-то стиль поведения (сообщается, что Бренда боялась Дж. Мани и обещала покончить с собой, если родители ещё раз её к нему отведут), отвергать его и стремиться к противоположному.

Я считаю важным последовавшее за этим случаем переосмысление принудительных операций над интерсекс* детьми и вывод о том, что никто не может выбирать за человека е_ё или е_го идентичность и принимать решения об изменении тела.

Между тем я критикую применение этого случая для продвижения биологического детерминизма при обсуждении причин транс- и цисгендерности. Учитывая сделанные комментарии, я не считаю, что этот случай может использоваться как опровержение или подтверждение социальной природы гендера.

2.3. Теория аутогинефилии

Рэй Бланчард, создавший теорию аутогинефилии на основе исследований с 1985 по 1993 гг., разделил транс* женщин, согласно сексуальной ориентации, на четыре группы: гомо-, би-, гетеро- и асексуальных³. Было показано, что транс* женщины последних трёх групп статистически значимым образом не отличаются между собой, поэтому Бланчард объединил их в группу «негомосексуальных» трансгендеров. В отличие от «гомосексуальных», люди этой группы начинали переход позже и испытывали сексуальное возбуждение при представлении себя в качестве женщины, в том числе имели историю кросс-дрессинга. Такое возбуждение было названо *аутогинефилией* (букв. «любовь себя в качестве женщины»), и согласно теории, именно оно является движущей силой трансгендерного перехода у людей этой группы. Аутогинефилия далее подразделяется на четыре типа: трансвеститскую, поведенческую, физиологическую и анатомическую. В зависимости от типа аутогинефилии подверженные ей идут на тот или иной объём изменений, включая хирургическое вмешательство.

Частый аргумент против этой теории: если бы сексуальное желание было единственной причиной трансгендерности, при пропадении секс-драйва от приёма гормональных препаратов трансгендерные люди прекращали бы переход. На это Бланчард (1993) отвечает, что аутогинефилия представляет собой отдельную *сексуальную ориентацию*, и люди, любящие «женщину внутри себя», продолжают её любить, даже не испытывая сексуального возбуждения, так же как семейные пары продолжают жить вместе, даже если не занимаются больше сексом.

- 3 Бланчард исходил из трансфобной практики отмеривания ориентации трансгендерных людей от их биологических характеристик. Таким образом, «гомосексуальные МтФ» Бланчарда — это гетеросексуальные транс* женщины.

Теория имеет и другие недостатки (Serano, 2010): она не объясняет трансгендерность маскулинного спектра; категоризация в зависимости от сексуальной ориентации не выводится эмпирически, а задана изначально (Wyndzen, 2003); разделение на два типа нечёткое: так, было показано, что 23% андрофильных транс* женщин испытывают аутогинефилию, тогда как 27% гинефильных транс* женщин её не испытывали (Nuttbrock, 2009), — для обхода этой проблемы защитники теории утверждают, что исследуемые врут и скрывают свою аутогинефилию; теория принимает корреляцию между аутогинефилией и трансгендерностью за причинно-следственную связь; наконец, теория стигматизирует трансгендерных людей и сводит их гендерные идентичности до сексуальных желаний.

3. (Транс)феминистская эпистемология

Часто, когда я начинаю критиковать медицинские теории о трансгендерности или её патологизацию, мне задают один и тот же вопрос: «А вы врач?» Встречный вопрос я могу адресовать врачам: «А вы трансгендер_ки? Какого хрена вы припёрлись сюда со своими циснормативными мозгами?». Но почему-то последним вопросом кроме меня мало кто интересуется — считается самоочевидным, что цисгендерные врачи более осведомлены о трансгендерности, нежели сами трансгендерные люди. Эта проблема имеет ту же природу, что и мужчины, якобы лучше знающие, что нужно женщинам, или не занимавшиеся секс-работой феминистки, считающие себя лучше разбирающимися в теме, чем сами секс-работницы, и так далее. Для того, чтобы разобраться в этом, я обратилась к *феминистской эпистемологии*.

Помимо знания, не зависящего от познающего субъекта, например $1+1=2$, феминистская эпистемология выделяет *ситуативное знание* (англ. *situated knowledge*), которое зависит от характеристик познающ_ей и е_ё отношения с познаваемым. Такими характеристиками могут быть возможность прямого или опосредованного доступа к знанию, предварительные убеждения и мировоззрение, стили познания и другое (Anderson, 2012).

Эти характеристики, в свою очередь, зависят от принадлежности познающ_ей к определённым позициям в социальных иерархиях. В зависимости от этого может существовать несколько точек зрения на один и тот же вопрос, и задачей является выбор той из них, которая наиболее точно описывает реальность⁴, иначе говоря, той позиции, которая является *эпистемологически привилегированной*. В нашем случае имеются несколько позиций, с которых люди могут смотреть на трансгендерность: позиция самих трансгендерных людей; позиция цисгендерных врачей; позиция людей, не имеющих знаний ни в области трансгендерности, ни в медицине, и так далее. Кто из них лучше разбирается в трансгендерности? Является ли медицинское образование или непосредственный опыт более важными для понимания транс* вопросов?⁵

Феминистская позиционная теория (англ. *feminist standpoint theory*) полагает, что эпистемологически привилегированной позицией обладают угнетённые группы. Во-первых, угнетённое положение требует от людей этой группы глубже понимать социальные взаимосвязи между своей группой и доминирующей. Они вынуждены не только знать себя, но и разбираться в доминирующей культуре, чтобы выжить в ней. Так, трансгендерные люди прекрасно осведомлены о цисгендерности, тогда как цисгендерные люди редко могут что-то сказать о трансгендерности. Во-вторых, даже если представител_и доминирующей группы знают о ситуации угнетённых групп, они заинтересованы представлять её как естественную и тем самым сохранять свои привилегии. Напротив, угнетённая группа заинтересована критически оценивать существующее положение, и тем больше вероятность объективного описания. В-третьих, в случае исследования угнетённых групп (привилегированные группы обычно не исследуются, так как считаются нормой) они имеют непосредственный доступ к собственному опыту.

- 4 Здесь я воздержусь от обсуждения более общих вопросов о существовании и познаваемости реальности и буду исходить из допущения, что реальность для наших целей существует и познаваема хотя бы частично.
- 5 К сожалению, трансгендерные люди редко бывают врачами, так что случай пересечения можно опустить.

Всё описанное имеет отношение к исследованиям причин трансгендерности с точки зрения формулировки исходной гипотезы, разработки программы исследования, отбора участвующих и анализа полученных данных. На *формулировку гипотезы* влияют убеждения исследователи о предмете исследования. Врачи, занимающиеся вопросами трансгендерности, за редким исключением являются цисгендерными мужчинами, которые обладают сексистским и циснормативным мировоззрением, благодаря чему трансгендерность рассматривается ими как патология и их исследование направлено на поиск «сбоев» развития, «отклонений», «недоразвитий»... При этом их собственная гендерная идентичность редко становится предметом обсуждения. Следствием сексизма является то, что врачей интересуют люди транс* феминного спектра, тогда как желание «женщины» стать мужчиной подразумевается естественным. *Отбор участвующих* осуществляется исходя из патологизирующего подхода из числа лиц, которым был поставлен диагноз «транссексуализм». Такие люди составляют меньшинство (и довольно специфическое) среди трансгендерных людей в целом, при этом исключаются из рассмотрения идентичности кроме гендерно бинарных. Наконец, предубеждения играют немалую роль в анализе результатов.

Но самую важную роль играет наличие непосредственного опыта у трансгендерных людей, который не доступен цисгендерным врачам. Это непосредственное ощущение как собственного тела, так и многочисленных социальных аспектов, которые врачи, рассматривающие трансгендерность исключительно как медицинскую проблематику, не могут видеть. Коммуникация между этими двумя группами, которая могла бы дать врачам объективную информацию, затруднена и должна быть предметом отдельного социологического исследования. Достаточно сказать, что из-за того, что исследования проводятся часто теми же врачами, которые и ставят диагноз, трансгендерные люди вовсе не заинтересованы говорить правду, которая может привести к отказу в постановке диагноза. Даже если врач не имеет никакого отношения к постановке диагноза,

процедура всё равно задаёт закономерности в общении между врачами и трансгендерными «пациентами». К числу проблем взаимодействия можно отнести и заранее сформулированные на основе циснормативных предубеждений вопросы, которые подталкивают отвечающих к определённым ответам и не дают пространства для выражения собственных мыслей. Также играет роль разница в гендере или трансгендерном статусе между исследовател_ьницей и исследуем_ой. Все эти эпистемологические проблемы, к сожалению, оказываются за бортом, когда обсуждаются трансгендерные теории.

Разумеется, этими соображениями феминистская эпистемология и её приложение к транс* вопросам не исчерпывается, и заинтересовавшимся предлагается воспользоваться дополнительной литературой.

4. Свободный выбор

Существование свободного выбора — философский вопрос с длинной историей. Без подробных рассуждений упомяну лишь, что моя позиция по нему стоит где-то между абсолютной свободой и предопределённостью. Если бы мы были абсолютно свободны в своих решениях, не было бы смысла говорить о привилегиях и иерархиях, ограничивающих наши возможности выбора. С другой стороны, мы каждое мгновение делаем, пусть неосознанный, выбор: встать с левой ноги или правой, купить в магазине одно или другое (хотя наши возможности выбора в покупках ограничены нашими классовыми привилегиями), и так далее. Даже считающие свою трансгендерность врождённой не смогут отрицать, что то, что они стали делать со своими внутренними ощущениями, — загнали их подальше вглубь или сделали трансгендерный переход — было их выбором на определённом этапе жизни. Какую идентичность выбрать (например, быть транс* женщиной, гендерквиркой или мужчиной-кроссдрессером), какие совершать изменения тела — всё это наш выбор.

Полагаю, для того, чтобы трансгендерность была «чистым» осознанным выбором, необходимо предварительно очень хорошо разбираться в вопросах гендера, гендерной идентичности и

сексуальной ориентации. В моём случае я не могу сказать, чтобы осознанный выбор играл ведущую роль в начале перехода, — просто потому, что для выбора нужно знать все опции, а я со своим прошлым цисгендерного гетеросексуального мужика имела привилегию не знать даже слова «гендер». Выбор стал играть большую роль позже, при поиске новой гендерной идентичности, когда идентичность «женщины» меня перестала устраивать. Более того, у меня в принципе нет традиционно выраженного «перехода» с «до» и «после» — я и сейчас нахожусь в плавании по гендерно-половому пространству. Сейчас, когда я осознала иллюзорность гендера и мне всё более и более безразлично, к какому гендеру меня причисляют (сама я больше не причисляю себя ни к какому), выбор служит основой поддержания моей гендерной репрезентации, причём это политический выбор: своей репрезентацией я разрушаю циснормативность.

5. Политическое значение теорий формирования гендерной идентичности

Вряд ли кто-то будет спорить, что исследования трансгендерности выходят за рамки простого научного любопытства и различные теории используются в политических дискуссиях. Поэтому, выбирая теории для обсуждения в этой главе, я решила сделать акцент на тех, которые в том или ином виде используются активист_ками, в том числе на постсоветском пространстве (на самом деле теорий гораздо больше). Наши трансфобные оппоненты традиционно используют социальные теории или теорию выбора, возлагающие ответственность на нас или «неправильное» воспитание. В качестве ответной меры трансгендерные люди прибегают к теориям о биологической врождённости. Здесь я не буду гневно призывать к отделённой от политики «чистой» науке, поскольку убеждена в их неразделимости (начать хотя бы с финансирования), и перейду к применению теорий в политических дебатах.

Я убеждена, что аргумент «мы не виноваты, что такими родились» — самый проигрышный. Во-первых, споря о своей виновности, вы поддерживаете мнение, что то, в чём вы «не виноваты», — это что-то очень плохое. Так что это трансфобный аргумент. Мало

того, он представляет трансгендерных людей инфантильными и неспособными отвечать за свою жизнь. Возможно, у отдельных жалостливых цисгендеристов это и выбьет слезу, но в долгосрочной перспективе использование этого аргумента лишь усилит трансфобные стереотипы.

Однако и в короткой перспективе полезность этой аргументации выглядит сомнительно. Распространённое в обществе мнение о том, что (цисгендерными) женщинами и мужчинами рождаются, не спасает женщин от угнетения. People of color или люди нетитульной нации тоже «не виноваты, что такими родились», но спасает ли это от расизма или ксенофобии по признаку национальности? У меня есть большое подозрение, что трансфобы продолжают угнетать трансгендерных людей, даже если будет с большой достоверностью доказано, что трансгендерность врождённа. Не таким, значит, другим способом. Для циснормативного мировоззрения мы никогда не будем хороши, поэтому надо рушить циснормативность, а не притворяться хорошими.

Мне аргумент о свободном выборе гендерной идентичности нравится своей радикальностью, с которой он рушит циснормативность. Я такая не потому, что меня так родили или так воспитали, а потому, что я хочу быть такой, потому что считаю, что быть трансгендеркой и женщиной лучше, чем привилегированным цисгендерным мужиком, — и я имею на это право! Нет больше жалобного выпрашивания, чтобы цисгендеристы были хоть немного «толерантнее». Есть моя жизнь и моё право делать то, что я посчитаю правильным, равно как и право трансфобных людей убить себя об стену, если мой выбор противоречит их убеждениям.

6. Моя теория

Моя критика различных теорий может вызвать вопрос, какую же теорию поддерживаю я сама. Честно говоря, создание какой-то позитивной теории трансгендерности меня никогда не увлекало, в отличие от критики чужих, что было связано в первую очередь с политическим значением этих теорий. Во-первых, для меня, в

отличие от цисгендерных врачей, трансгендерность не является каким-то удивительным, из ряда вон выходящим явлением, которому нужно придумать объяснение — так же, как я редко задумываюсь, почему мой характер оказался таким, а не иным. Во-вторых, я думаю, у трансгендерности нет какой-то единственной причины, а она у разных людей происходит от различных сочетаний обстоятельств. Я верю преимущественно в социальную природу трансгендерности, в первую очередь из-за того, что гендерные роли социально сконструированы (что может быть отдельным предметом дискуссии, однако достаточно вспомнить, что гендер определяется по-разному в различных культурах), и мне не понять, как переход между социально сконструированными состояниями может определяться биологией. Вместе с тем я готова допустить, что некоторые биологические факторы могут оказывать косвенное влияние, но даже такое небольшое влияние будет накладывать свой отпечаток на гендерную идентичность через призму социокультурных предрассудков.

В исследованиях причин трансгендерности настоятельно требуется сменить подход на основе жёсткой причинно-следственной связи многофакторным анализом, где любой фактор может сыграть небольшую роль в формировании гендерной идентичности. Это два идеологически различных подхода. Первый, считая трансгендерность болезнью, ищет причину «неисправности», и так же, как при поломке автомобиля гораздо более вероятно, что сломалась только одна деталь, а не несколько несвязанных деталей одновременно, в этом подходе предполагается, что у трансгендерности есть одна-единственная причина. Второй подход основан на том, что гендерные идентичности трансгендерных людей являются одними из многих возможных, и их развитие, как и у цисгендерных людей, может зависеть от множества факторов. Это один из примеров того, как исходные убеждения влияют на программу исследования.

Самая общая схема формирования гендерной идентичности (см. рисунок) должна включать ряд факторов как социального, так и биологического характера и свободную волю со значениями q_i , характерными для данн_ого человека. Эти факторы суммируются

с коэффициентами a_i : $Q = \sum_{i=1}^n a_i q_i$. Любая представленная выше теория может рассматриваться как частный случай этой модели при значениях $a_i = 0$, для $i \neq k$. Гендерная идентичность не определяется напрямую суммой Q , а зависит от неё через функцию гендерной схемы $F(Q)$. Таким образом, результат

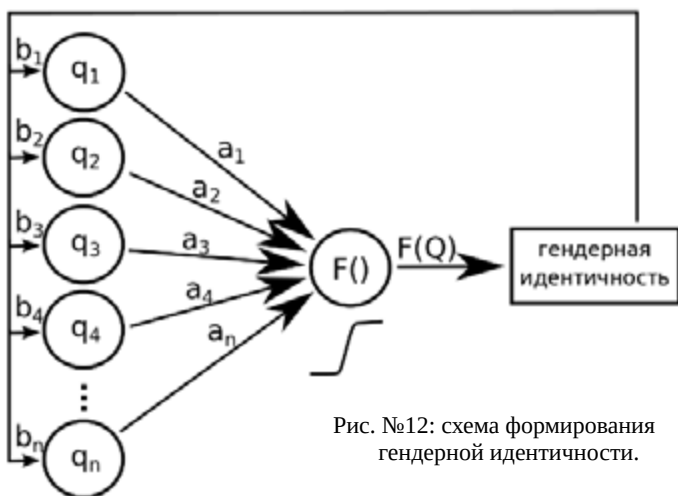

Рис. №12: схема формирования гендерной идентичности.

сложения всех факторов Q может иметь различные последствия для формирования идентичности в культурах, где гендер определяется по-разному (в том числе в культурах, где гендерная схема содержит более двух гендеров). Важным элементом модели является наличие обратных связей (b_i на рисунке): не только гендерная идентичность является результатом действия факторов, но и сами эти «факторы» могут изменяться в зависимости от идентичности. Это изменение свойств характера с тем, чтобы подогнать его под выбранную гендерную роль, сознательное изменение своего тела для «соответствия» стереотипным представлениям (если рассматривать тело как один из факторов формирования идентичности) и даже, возможно, это является причиной наличия корреляции между идентичностью и структурой мозга (нейропластичность). Тем самым модель учитывает малоподнимаемый в исследованиях факт, что

идентичность не является по определению статичной и способна изменяться, и даже если она остаётся неизменной, то это потому, что сумма факторов продолжает её поддерживать. Описание будет неполным, если не включить в функцию гендерной схемы социальные барьеры, мешающие свободному самоопределению в гендерно-половом пространстве.

Послесловие

Активистские темы, которые поднимает эта книга, касаются качества жизни трансгендерных людей в терминах потенциально измеримых, таких как маргинализация, патологизация, наличие/отсутствие угнетения, подверженность языку ненависти и насилию. Однако какое отношение всё это имеет к внутренним ощущениям человека? Допустим, через пару десятилетий после того, как я это пишу, в постсоветских странах будут приняты простые процедуры смены документов (а то и вовсе гражданский пол не будет указываться), гендерная вариативность не будет патологизироваться и каким-то чудом исчезнет циссексизм. Будут ли следующие поколения трансгендерных людей более счастливы, чем те, которые живут здесь сейчас? Аналогично можно задаться вопросом, насколько более счастливо наше поколение, чем люди, жившие при крепостном праве. Я не думаю, чтобы мы часто этому радовались. Восприятие людей относительно: как только они перестают помнить о ситуации, с которой можно сравнивать, они больше не рады и у них появляются новые желания и вызванные этими желаниями страдания. В каком-то смысле можно сказать что мы со своим активизмом толчём воду в ступе, потому что на уровне внутренних ощущений принципиально ничего не меняется.

Мне возразят, что внутренние ощущения тесно связаны с окружающим миром. Например, если вас назвали неправильным именем, вы потом можете весь день страдать. Но скажите, почему возникает эта связь? Я отвечу: потому что род и имя, в которых к вам обращаются, имеют для вас большое значение, иными словами, вы обладаете привязанностью к ним. Вы желаете, чтобы вас называли так, а вас называют сяк, — и вот вы страдаете. Когда у вас не будет желаний и привязанностей, у вас закончатся страдания. Если вы сейчас скажете, что то, что я пишу, — трансфобия, вы привязаны к слову «трансфобия» и страдаете оттого, что вы думаете, что я выразилась трансфобно. Когда вы не будете думать, что там трансфобия и тут трансфобия, и желать её искоренить — вы станете к ней неуязвимы.

Встаёт вопрос, зачем я писала книжку, в которой нагородила столько концепций, показала, какие слова «правильно» использовать, где есть трансфобия, циснормативность и так далее? На самом деле я стала на порядок несчастнее, написав обо всём этом, потому что вижу теперь иерархии и угнетения там, где раньше их не замечала. Я писала её, чтобы избавить людей от бинарных, циснормативных представлений о гендере, но вместе с этим ввела массу новых концепций, к которым может привязаться ум читающих. Однако надо различать знание слов и привязанность к словам. Когда вы знаете, вы просто знаете; когда вы привязаны, неправильные употребления слов загоняют вас в печаль. Вчера меня называли женским именем, сегодня мужским — это хорошо или плохо? Если я привязана к словам, последнее ужасно. Если нет, то имя — это просто имя, набор звуков.

Эта книга — не набор истин или правил, это инструмент или, можно сказать, лекарство от привязанностей к определённому мировоззрению. Но во время «лечения» не стоит привязываться к лекарству. То, что я написала, в какой-то степени, я думаю, правильнее, чем многое другое, написанное на ту же тему, если под правильностью понимать более точное описание мира, но только на относительном уровне.

Тогда нужно ли вообще заниматься активизмом, если всё относительно и внешние изменения бессмысленны? Этот вопрос я оставляю открытым до следующих публикаций, хотя уже сегодня у меня есть ответ.

Литература

I

- Benjamin, H. (1966). *The Transsexual Phenomenon*. NY: The Julian Press, Inc. Publishers.
- Cauldwell, D. O. (1949). Psychopathia Transexualis. *Sexology: Sex Science Magazine*, 16.
- Ekins, R. & King, D. (2005). Virginia Prince: Transgender Pioneer. *International Journal of Transgenderism*, 8(4), 5–15.
- Fisk, N. (1973). Gender dysphoria syndrome (the how, what, and why of a disease). In *Proceedings of the second interdisciplinary symposium on gender dysphoria syndrome* (pp. 7–14). Stanford University Press.
- Garfield, J. L. (1995). *The fundamental wisdom of the middle way: Nagarjuna's Mulamadhyamakakarika*. Oxford University Press.
- Hirschfeld, M. (1910). *Die Transvestiten; ein Untersuchung über den erotischen Verkleidungstrieb: mit umfangreichem casuistischen und historischen Material*. Pulvermacher.
- Hirschfeld, M. (1923). Die intersexuelle konstitution. *Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*, 23, 3–27.
- Koyama, E. (2002). Cissexual/Cisgender: decentralizing the dominant group. From <http://www.eminism.org/interchange/2002/20020607-wmstl.html>
- Koyama, E. (2003). The transfeminist manifesto. In R. C., Dicker & A., Piepmeier. *Catching a wave: Reclaiming feminism for the 21st century*. UPNE.
- Money, J. (1955). Hermaphroditism, gender and precocity in hyperadrenocorticism: psychologic findings. *Bulletin of the J. Hopkins Hospital*, 96(6), 253.
- Money, J. & Ehrhardt, A. A. (1972). *Man and woman, boy and girl: Differentiation and dimorphism of gender identity from conception to maturity*. Johns Hopkins U. Press.
- Money, J. (1994). The concept of gender identity disorder in childhood and adolescence after 39 years. *Journal of sex & marital therapy*, 20(3), 163–177.
- Oliven, J. F. (1965). *Sexual hygiene and pathology: a manual for the physician and the professions*. Lippincott.
- Rawson, K. J. & Williams, C. (2014). Transgender*: The Rhetorical Landscape of a Term. *Present Tense: A Journal of Rhetoric in Society*, 3(2).
- Serano, J. (2007). *Whipping Girl: A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*. Seal Press.
- Towle, E. B. & Morgan, L. M. (2002). Romancing the transgender native: rethinking the use of the "third gender" concept. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 8(4), 469–497.

Wilhelm, A. D. (2004). *Tritiya-Prakriti: People of the Third Sex. Understanding Homosexuality, Transgender Identity and Intersex Conditions Through Hinduism*. Xlibris Corporation.

II

Инсайт. (2010). *Ситуация трансгендеров в Украине*.

Bettcher, T. M. (2007). Evil Deceivers and Make Believers: On Transphobic Violence and the Politics of Illusion. *Hypatia*, 22(3), 43–65.

Grant, J. M. et al. (2010). *National Transgender Discrimination Survey Report on health and health care*. Washington, DC: National Center for Transgender Equality and National Gay and Lesbian Task Force.

Hill, D. B. & Willoughby, B. L. (2005). The development and validation of the genderism and transphobia scale. *Sex roles*, 53(7-8), 531–544.

Freire, P. (1973). *The Education of the Oppressed*. Paris: Maspero.

Link, B. G. & Phelan, J. C. (1999). Labeling and stigma. In *Handbook of the sociology of mental health* (pp. 481–494). Springer Science.

Namaste, V. (2000). *Invisible lives: The erasure of transsexual and transgendered people*. University of Chicago Press.

Pierce, C. (1970). Offensive mechanisms. *The Black Seventies*, 265–282.

Serano, J. (2007). *Whipping Girl: A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*. Seal Press.

ALMA-TQ. (2015). *Дискриминация и насилие в отношении трансгендерных людей в Казахстане*. Источник: <http://www.alma-tq.org/#!analysis/c1c03>

Семенова, С. и др. (2013). *Гендерная идентичность в эпицентре дискриминации*. Санкт-Петербург: ЛГБТ-организация “Выход”.

III

Benjamin, H. (1966). *The Transsexual Phenomenon*. NY: The Julian Press, Inc. Publishers.

Bindel, J. (2005). *The ugly side of beauty*. The Guardian.

Daly, M. (1978). *Gyn/Ecology: The metaethics of radical feminism*. Boston: Beacon Press.

Dworkin, A. (1974). *Woman Hating*. NY: Penguin Group.

Elliott, B. et al. (2000). *The Michigan Women’s Music Festival and Transsexual Women: A Statement by Transsexual Women*. Retrieved from <http://eminism.org/michigan/20000809-elliott.txt>

Enke, A. (Ed.). (2012). *Transfeminist perspectives in and beyond transgender and gender studies*. Temple University Press.

Faderman L. & Timmons S. (2006). *Gay L.A.: A History of Sexual Outlaws, Power Politics, and Lipstick Lesbians*. NY: Basic Books.

Greer, G. (1999). *The Whole Woman*. Transworld Publishers Ltd.

- hooks, b. (1984). *Feminist Theory: From Margin to Center*. South End Press.
- Jeffreys, S. (1997). Transgender activism: A lesbian feminist perspective. *Journal of lesbian studies*, 1(3–4), 55–74.
- Koyama, E. (2006/2000). *Whose Feminism is it Anyway? The Unspoken Racism of the Trans Include Debate*. In S. Stryker & S. Whittle (Eds.). *The Transgender Studies Reader*. Routledge.
- Koyama, E. (2003). The transfeminist manifesto. In R. C. Dicker & A. Piepmeier. *Catching a wave: Reclaiming feminism for the 21st century*. UPNE.
- Morgan, R. (1970). *Sisterhood is Powerful*. NY: Vintage Books.
- Raymond, J. (1994/1979). *The Transsexual Empire: The Making of the She-Male*. NY: Teachers College Press.
- Riddell, C. (1980). *Divided Sisterhood: A Critical Review of Janice Raymond's The Transsexual Empire*. Liverpool: News From Nowhere.
- Serano, J. (2007). *Whipping Girl: A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*. Seal Press.
- Steinem, G. (1995/1983). *Outrageous acts and everyday rebellions*. Macmillan.
- Stone, S. (1991). *The Empire Strikes Back: A Posttranssexual Manifesto*. In K. Straub & J. Epstein (Eds.). *Body Guards: The Cultural Politics of Sexual Ambiguity*. NY: Routledge.
- Wierckx, K. et al. (2012). Long Term Evaluation of Cross Sex Hormone Treatment in Transsexual Persons. *The journal of sexual medicine*, 9(10), 2641–2651.

IV

- Du Bois, W. E. B. (1935). *Black reconstruction in America 1860—1880*. Simon and Schuster.
- Koyama, E. (2003). The transfeminist manifesto. In R. C. Dicker & A. Piepmeier. *Catching a wave: Reclaiming feminism for the 21st century*. UPNE.
- McIntosh, P. (1988). *White privilege: Unpacking the invisible knapsack*.
- Perry, J.B. (2010). *The Developing Conjunction and Insights from Hubert Harrison and Theodore W. Allen on the Centrality of the Fight Against White Supremacy*. Cultural Logic.
- Serano, J. (2007). *Whipping Girl: A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*. Seal Press.
- Taylor, E. (2010). Cisgender Privilege: On the Privileges of Performing Normative Gender. In K. Bornstein & S. Bergman. *Gender Outlaws: The Next Generation*. Seal Press.

V

- Crenshaw, K. (1989). *Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics*. U. Chi. Legal F., 139.

- Grant, J. M. et al. (2010). *National Transgender Discrimination Survey Report on health and health care*. Washington, DC: National Center for Transgender Equality and National Gay and Lesbian Task Force.
- Namaste, V. (2011). *Sex change, social change: Reflections on identity, institutions, and imperialism*. Canadian Scholars' Press.
- Serano, J. (2007). *Whipping Girl: A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*. Seal Press.
- Smith, B. & Smith, B. (1981). Across the kitchen table: A sister-to-sister dialogue. In G., Anzaldúa, & C., Moraga (Eds.). *This bridge called my back: Writings by radical women of color*. Kitchen table: Women of Color Press.
- Российская газета (от 19.11.2003). *Постановление №69 Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 10 октября 2003 года*. Москва.

VI

- Cope, A. & Darke, J. (1999). *Making Women's Shelters Accessible to Transgendered Women*.
- Courvant, D. & Cook-Daniels, L. (1998). *Trans and Intersex Survivors of Domestic Violence: Defining Terms, Barriers, & Responsibilities*. National Coalition Against Domestic Violence.
- Dempsey, B. (2010). *Trans People's Experience of Domestic Abuse*. Scottish Legal Action Group Journal.
- Human Rights Watch. (2008). *Ежедневное унижение. Насилие в отношении лесбиянок, бисексуальных женщин и трансгендерных мужчин в Кыргызстане*.
- Grant, J. M. et al. (2010). *National Transgender Discrimination Survey Report on health and health care*. Washington, DC: National Center for Transgender Equality and National Gay and Lesbian Task Force.
- Namaste, V. (2000). *Invisible lives: The erasure of transsexual and transgendered people*. University of Chicago Press.
- Transwomen in Women-only Domestic Violence Shelters*. Retrieved from <http://tpride.org/resources/doc/transwomenDVshelters.pdf>
- Российская ЛГБТ-Сеть. (2012). *Информационный бюллетень по адвокации, 5(16)*.
- Суперанская, А. В. (1979). *Справочник личных имен народов РСФСР*.

VII

- Benjamin, H. (1966). *The Transsexual Phenomenon*. NY: The Julian Press, Inc. Publishers.
- Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London: Penguin.
- Mock, J. (9 July, 2012). *Trans in the Media: Unlearning the 'Trapped' Nar-*

rative & Taking Ownership of Our Bodies. Retrieved from <http://janetmock.com/2012/07/09/josie-romero-dateline-transgender-trapped-body>

- Parsons, T. (1951). *The Social System*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Serano, J. (2007). *Whipping Girl: A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*. Seal Press.
- Snorton, C. R. (2009). "A New Hope": The Psychic Life of Passing. *Hypatia*, 24(3), 77–92.
- Stone, S. (1991). The Empire Strikes Back: A Posttranssexual Manifesto. In K. Straub & J. Epstein (Eds.). *Body Guards: The Cultural Politics of Sexual Ambiguity*. NY: Routledge.
- Xavier, J. *Passing As Privilege*. Retrieved from https://learningtrans.files.wordpress.com/2010/11/jxavier_passing_as_privilege.pdf

VIII

- Bem, S. L. (1993). *The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality*. Yale University Press.
- Conrad, P. (2008). *The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders*. JHU Press.
- Sedgwick, E. K. (1991). *How To Bring Your Kids Up Gay*. Social Text, 18–27.
- Zucker, K. J. & Spitzer, R. L. (2005). Was the gender identity disorder of childhood diagnosis introduced into DSM-III as a backdoor maneuver to replace homosexuality? A historical note. *Journal of Sex & Marital Therapy*, 31(1), 31–42.
- Транссексуализм или шизофрения? А были ли основания для смены пола? (2011). *Независимый психиатрический журнал*, 2011(2).

IX

- Anderson, E. (2012). *Feminist Epistemology and Philosophy of Science*. In E. N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy.
- Blanchard, R. (1993). Partial versus complete autogynephilia and gender dysphoria. *Journal of sex & marital therapy*, 19(4), 301–307.
- Butler, J. (2004). *Undoing Gender*. Psychology Press.
- Chung, W. C., De Vries, G. J., & Swaab, D. F. (2002). Sexual differentiation of the bed nucleus of the stria terminalis in humans may extend into adulthood. *The journal of Neuroscience*, 22(3), 1027–1033.
- Garcia-Falgueras, A. et al. (2008). A sex difference in the hypothalamic uncinate nucleus: relationship to gender identity. *Brain*, 131, 3132–3146.
- Gaser, C. et al. (2003). Brain Structures Differ between Musicians and Non-Musicians. *J. Neurosci*, 23(27), 9240–9245.
- Kraemer, B. et al. (2009). Finger length ratio (2D:4D) in adults with gender identity disorder. *Archives of Sexual Behavior*, 38, 359–363.

- Kruijver, F. P. et al. (2000). Male-to-female transsexuals have female neuron numbers in a limbic nucleus. *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*, *85*(5), 2034–2041.
- Manning, J. T. et al. (2000). The 2nd: 4th digit ratio, sexual dimorphism, population differences, and reproductive success: Evidence for sexually antagonistic genes. *Evolution and Human Behavior*, *21*, 163–183.
- Nuttbrock, L. et al. (2011). A further assessment of Blanchard's typology of homosexual versus non-homosexual or autogynephilic gender dysphoria. *Archives of Sexual Behavior*, *40*(2), 247–257.
- Pol, H.E.H. et al. (2006). Changing your sex changes your brain: influences of testosterone and estrogen on adult human brain structure. *Eur. J. Endocrinol*, *155*, S107–S114.
- Ramachandran, V. S. (2008). Phantom Penises In Transsexuals. *Journal of Consciousness Studies* *15*(1), 5–16.
- Rametti, G. et al. (2011). White matter microstructure in female to male transsexuals before cross-sex hormonal treatment. A diffusion tensor imaging study. *J. Psychiatr. Res*, *45*, 199–204.
- Schneider, H. J. et al. (2006). Typical female 2nd–4th finger length (2D:4D) ratios in male-to-female transsexuals—possible implications for prenatal androgen exposure. *Psychoneuroendocrinology*, *31*(2), 265–269.
- Serano, J. M. (2010). The case against autogynephilia. *International Journal of Transgenderism*, *12*(3), 176–187.
- Stoller, R. J. (1985). *Presentations of Gender*. Yale University Press.
- Wallien, M. S. C. et al. (2008). 2D:4D finger-length ratios in children and adults with gender identity disorder. *Hormones and Behavior*, *54*, 450–454.
- Zhou, J. N., Hofman, M. A., Gooren, L. J., & Swaab, D. F. (1995). A sex difference in the human brain and its relation to transsexuality. *Nature*, *378*.

